

ЛИТЕРАТУРА

Часть 2

6

ЛИТЕРАТУРА

6 класс

Учебник

В двух частях

Часть 2

Под редакцией В. Я. Коровиной

*Допущено Министерством просвещения
Российской Федерации*

14-е издание, переработанное

Москва
«Просвещение»
2023

УДК 373.167.1:821.09+821.09(075.3)

ББК 83.3(0)я721

Л64

Учебник допущен к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования организациями, осуществляющими образовательную деятельность, в соответствии с Приказом Министерства просвещения Российской Федерации № 858 от 21.09.2022 г.

Авторы: *В. П. Полухина, В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин*

На обложке — репродукция картины *А. А. Рылова «В голубом просторе» (фрагмент)*

Условные обозначения:

Работа в парах

Работа в группе

Вместе со старшими

Внеклассное чтение

Публичное выступление

Дискуссия

Литература : 6-й класс : учебник : в 2 частях / В. П. Полухина, Л64 В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин; под ред. В. Я. Коровиной. — 14-е изд., перераб. — Москва : Просвещение, 2023.

ISBN 978-5-09-102508-8.

Ч. 2. — 303 с.

ISBN 978-5-09-102510-1.

Учебник переработан в соответствии со всеми требованиями ФГОС ООО, утверждённого Приказом Министерства просвещения № 287 от 31.05.2021 г., Примерной рабочей программой основного общего образования.

Учебник входит в учебно-методический комплект для 5—9 классов завершённой предметной линии под редакцией В. Я. Коровиной, призванной обеспечить достижение личностных, метапредметных и предметных результатов, определённых по ФГОС ООО по предмету «Литература», овладение системой универсальных учебных действий. Учебник способствует развитию творческих и коммуникативных способностей обучающихся.

УДК 373.167.1:821.09+821.09(075.3)
ББК 83.3(0)я721

ISBN 978-5-09-102510-1 (ч. 2)

ISBN 978-5-09-102508-8

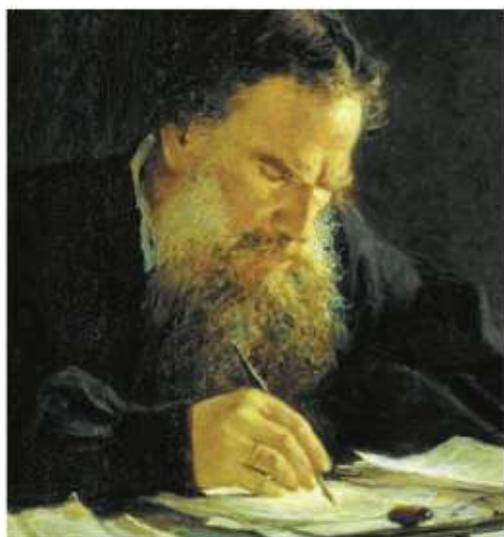
© АО «Издательство «Просвещение», 2014, 2023

© Художественное оформление.

АО «Издательство «Просвещение», 2014, 2023

Все права защищены

Литература второй половины XIX века (продолжение)

Лев Николаевич
Толстой
1828—1910

Ему было близко всё человечество. Но любил он, непобедимой любовью, свою Россию. Её душу понимал он, как никто; красоту её природы изображал с совершенством недостижимым.

В. Я. Брюсов

По рождению и воспитанию Лев Николаевич Толстой принадлежал к «высшей помещичьей знати России». Его отец, граф Н. И. Толстой, был участником Отечественной войны 1812 года, мать — урождённая княжна Волконская.

Его предки были в родстве с Пушкиными, Трубецкими, Голицыными. Семейные предания, рассказы родных и близких о событиях 1812 и 1825 годов, жизнь в родовой усадьбе оказали на Толстого огромное влияние и оставили заметный след в его творчестве. «Без своей Ясной Поляны, — писал Толстой, — я трудно могу себе представить Россию и своё отношение к ней». Ясная Поляна была его колыбелью. Здесь проходила жизнь семьи, друзей и близких, здесь он видел, как живёт народ, здесь познакомился с народными песнями, сказками, легендами, былинами.

Первым произведением Толстого, появившимся в печати, была повесть «Детство», которую высоко оценил и напечатал в «Современнике» Н. Некрасов. За «Детством» последовали повести «Отрочество», «Юность», составившие трилогию. В главном герое Николеньке Иртеньеве много автобиографических черт. Его детство, как и детство самого автора, протекает в дворянской усадьбе. Он умен, наблюдателен, обладает необычайно живым воображением, постоянно анализирует свои мысли и поступки. Душа Николеньки открыта всем впечатлениям жизни, но дети ограничены узким кругом семьи и их жизнь не выходит за пределы дворянской усадьбы. Николенька начинает замечать недостатки людей своего круга и приходит к мысли о необходимости исправить пороки людские, и прежде всего исправить самого себя. Но реальная жизнь то и дело разрушает его мечтания, и Николенька часто уступает дурному влиянию своей среды, с её тщеславием, лицемерием, презрением к незнатным людям, равнодушным, а чаще жестоким отношением к слугам и крепостным.

Автор «Детства» и «Отрочества» проявил себя глубоким и тонким мастером, психологом, критика отмечала его исключительную способность передавать тайные, сокровенные мысли и чувства человека.

В «Юности» показаны студенческие годы героя трилогии, его первый разлад с барской средой и стремление сблизиться со студентами, вышедшими из среды, близкой к народу.

Впоследствии Л. Н. Толстой открыл в Ясной Поляне школу для крестьянских детей, затем 20 начальных школ в окрестных деревнях, написал статьи по вопросам педагогики, создал «Книги для чтения», составил «Азбуку». Писатель обижался, что эта огромная работа была не замечена. «Меня, — писал он, — хвалили за всё, что я написал, но об одном, точно хорошем и полезном, что я сделал, об Азбуке и этих книжках, не сказано в печати ни единого неругательного слова... Но пусть попробует кто-нибудь написать такие же рассказы, тот увидит, как трудно даются эти достоинства, состоящие только в том, чтобы было просто, ясно, не было бы ничего лишнего и фальшивого». Многие из рассказов для детей Толстого состоят всего из нескольких строк. А он их переделывал десятки раз, добиваясь предельной простоты и ясности. В течение всей своей жизни изучал произведения устного народного творчества — песни, сказки, былины, легенды, был уверен, что «песни, сказки, былины — всё простое — будут читать, пока будет русский язык».

Имя Толстого ещё при жизни писателя приобрело всемирную известность. В наше время Толстой занимает одно из первых мест среди писателей всех стран и народов по числу переводов его произведений на иностранные языки. Своей жизнью и творчеством Толстой связал и соединил «два века» русской литературы. М. Горький сказал: «Не зная Толстого — нельзя считать себя знающим свою страну, нельзя считать себя культурным человеком».

По К. Н. Ломунову

Совершенствует свою речь

Используя материалы сайта музея-усадьбы «Ясная Поляна» (<http://gotourl.ru/15512>), подготовьте устное сообщение на тему «Толстой и Ясная Поляна».

ДЕТСТВО

(Главы из повести)

Маман

Матушка сидела в гостиной и разливала чай; одной рукой она придерживала чайник, другою — кран самовара, из которого вода текла через верх чайника на поднос. Но хотя она смотрела пристально, она не замечала этого, не замечала и того, что мы вошли.

Так много возникает воспоминаний прошедшего, когда стараешься воскресить в воображении черты любимого существа, что сквозь эти воспоминания, как сквозь слёзы, смутно видишь их. Это слёзы воображения. Когда я стараюсь вспомнить матушку такую, какою она была в это время, мне представляются только её карие глаза, выражающие всегда одинаковую доброту и любовь, родинка на шее, немного ниже того места, где вьются маленькие волосики, шитый белый воротничок, нежная сухая рука, которая так часто меня ласкала и которую я так часто целовал; но общее выражение ускользает от меня.

Налево от дивана стоял старый английский рояль; перед роялем сидела черномазенькая моя сестрица Любочка и розовенькими, только что вымытыми холодной водой пальчиками с заметным напряжением разыгрывала этюды

«Детство». Матан. Художник К. Клементьева

Clementi. Ей было одиннадцать лет; она ходила в коротеньком холстинковом платье, в беленьких, обшитых кружевом панталончиках и октавы могла брать только *arpeggio*¹. Подле неё вполуборот сидела Марья Ивановна в чепце с розовыми лентами, в голубой кацавейке и с красным сердитым лицом, которое приняло ещё более строгое выражение, как только вошёл Карл Иваныч. Она грозно посмотрела на него и, не отвечая на его поклон, продолжала, топая ногой, считать: «Un, deux, trois, un, deux, trois»² ещё громче и повелительнее, чем прежде.

Карл Иваныч, не обращая на это ровно никакого внимания, по своему обыкновению, с немецким приветствием подошёл прямо к ручке матушки. Она опомнилась, тряхнула

¹ *Арпеджио* — звуки аккорда, следующие один за другим.

² «Раз, два, три, раз, два, три» (фр.).

головкой, как будто желая этим движением отогнать грустные мысли, подала руку Карлу Иванычу и поцеловала его в морщинистый висок, в то время как он целовал её руку:

— Ich danke, lieber¹ Карл Иваныч, — и, продолжая говорить по-немецки, она спросила:

— Хорошо ли спали дети?

Карл Иваныч был глух на одно ухо, а теперь от шума за роялем вовсе ничего не слышал. Он нагнулся ближе к дивану, оперся одной рукой о стол, стоя на одной ноге, и с улыбкой, которая тогда мне казалась верхом утончённости, приподнял шапочку над головой и сказал:

— Вы меня извините, Наталья Николаевна?

Карл Иваныч, чтобы не простудить своей голой головы, никогда не снимал красной шапочки, но всякий раз, входя в гостиную, спрашивал на это позволения.

— Наденьте, Карл Иваныч... Я вас спрашиваю, хорошо ли спали дети? — сказала татап, подвинувшись к нему и довольно громко.

Но он опять ничего не слышал, прикрыл лысину красной шапочкой и ещё милее улыбался.

— Пойдите на минутку, Мими, — сказала татап Марье Ивановне с улыбкой, — ничего не слышно.

Когда матушка улыбалась, как ни хорошо было её лицо, оно делалось несравненно лучше, и кругом всё как будто веселело. Если бы в тяжёлые минуты жизни я хоть мельком мог видеть эту улыбку, я бы не знал, что такое горе. Мне кажется, что в одной улыбке состоит то, что называют красотой лица: если улыбка прибавляет прелести лицу, то лицо прекрасно; если она не изменяет его, то оно обыкновенно; если она портит его, то оно дурно.

Поздоровавшись со мною, татап взяла обеими руками мою голову и откинула её назад, потом посмотрела пристально на меня и сказала:

— Ты плакал сегодня?

Я не отвечал. Она поцеловала меня в глаза и по-немецки спросила:

— О чём ты плакал?

Когда она разговаривала с нами дружески, она всегда говорила на этом языке, который знала в совершенстве.

¹ Благодарю, милый (нем.).

— Это я во сне плакал, тамап, — сказал я, припоминая со всеми подробностями выдуманый сон и невольно содрогаясь при этой мысли.

Карл Иванович подтвердил мои слова, но умолчал о сне. Поговорив ещё о погоде, — разговор, в котором приняла участие и Мими, — тамап положила на поднос шесть кусочков сахару для некоторых почётных слуг, встала и подошла к пальясам, которые стояли у окна.

— Ну, ступайте теперь к папá, дети, да скажите ему, чтобы он непременно ко мне зашёл, прежде чем пойдёт на гумно.

Музыка, считанье и грозные взгляды опять начались, а мы пошли к папá. Пройдя комнату, удержавшую ещё от времён дедушки название *официантской*, мы вошли в кабинет.

Что за человек был мой отец?

Он был человек прошлого века и имел общий молодёжи того века неуловимый характер рыцарства, предприимчивости, самоуверенности, любезности и разгула. На людей нынешнего века он смотрел презрительно, и взгляд этот происходил столько же от врождённой гордости, сколько от тайной досады за то, что в наш век он не мог иметь ни того влияния, ни тех успехов, которые имел в свой. Две главные страсти его в жизни были карты и женщины; он выиграл в продолжение своей жизни несколько миллионов и имел связи с бесчисленным числом женщин всех сословий.

Большой статный рост, странная, маленькими шажками походка, привычка подёргивать плечом, маленькие, всегда улыбающиеся глазки, большой орлиный нос, неправильные губы, которые как-то неловко, но приятно складывались, недостаток в произношении — пришепётывание, и большая во всю голову лысина: вот наружность моего отца, с тех пор как я его помню, — наружность, с которой он умел не только прослыть и быть человеком *à bonnes fortunes*¹, но нравиться всем без исключения — людям всех сословий и состояний, в особенности же тем, которым хотел нравиться.

Он умел взять верх в отношениях со всяким. Не быв никогда человеком *очень большого света*, он всегда водился с людьми этого круга, и так, что был уважаем. Он знал

¹ удачливым (фр.).

ту крайнюю меру гордости и самонадеянности, которая, не оскорбляя других, возвышала его в мнении света. Он был оригинален, но не всегда, а употреблял оригинальность как средство, заменяющее в иных случаях светскость или богатство. Ничто на свете не могло возбудить в нём чувства удивления: в каком бы он ни был блестящем положении, — казалось, он для него был рождён. Он так хорошо умел скрывать от других и удалять от себя известную всем тёмную, наполненную мелкими досадами и огорчениями сторону жизни, что нельзя было не завидовать ему. Он был знаток всех вещей, доставляющих удобства и наслаждения, и умел пользоваться ими. Конёк его был блестящие связи, которые он имел частью по родству моей матери, частью по своим товарищам молодости, на которых он в душе сердился за то, что они далеко ушли в чинах, а он навсегда остался отставным поручиком гвардии. Он, как и все бывшие военные, не умел одеваться по-модному; но зато он одевался оригинально и изящно. Всегда очень широкое и лёгкое платье, прекрасное бельё, большие отвороченные манжеты и воротнички... Впрочем, всё шло к его большому росту, сильному сложению, лысой голове и спокойным, самоуверенным движениям. Он был чувствителен и даже слезлив. Часто, читая вслух, когда он доходил до патетического места, голос его начинал дрожать, слёзы показывались, и он с досадой оставлял книгу. Он любил музыку, пел, аккомпанируя себе на фортепьяно, романсы приятеля своего А..., цыганские песни и некоторые мотивы из опер; но учёной музыки не любил и, не обращая внимания на общее мнение, откровенно говорил, что сонаты Бетховена нагоняют на него сон и скуку и что он не знает лучше ничего, как «Не будите меня молоду», как её певала Семёнова, и «Не одна», как певала цыганка Танюша. Его натура была одна из тех, которым для хорошего дела необходима публика. И то только он считал хорошим, что называла хорошим публика. Бог знает, были ли у него какие-нибудь нравственные убеждения? Жизнь его была так полна увлечениями всякого рода, что ему некогда было составлять себе их, да он и был так счастлив в жизни, что не видел в том необходимости.

В старости у него образовался постоянный взгляд на вещи и неизменные правила, — но единственно на основа-

нии практическом: те поступки и образ жизни, которые доставляли ему счастье или удовольствия, он считал хорошими и находил, что так всегда и всем поступать должно. Он говорил очень увлекательно, и эта способность, мне кажется, усиливала гибкость его правил: он в состоянии был тот же поступок рассказать как самую милую шалость и как низкую подлость.

Классы

Карл Иванович был очень не в духе. Это было заметно по его сдвинутым бровям и по тому, как он швырнул свой сюртук в комод, и как сердито подпоясался, и как сильно черкнул ногтем по книге диалогов, чтобы означить то место, до которого мы должны были вытвердить. Володя учился порядочно; я же так был расстроен, что решительно ничего не мог делать. Долго бессмысленно смотрел я в книгу диалогов, но от слёз, набравшихся мне в глаза при мысли о предстоящей разлуке, не мог читать; когда же пришло время говорить их Карлу Ивановичу, который, зажмурившись, слушал меня (это был дурной признак), именно на том месте, где один говорит: «Wo kommen Sie her?»¹, а другой отвечает: «Ich komme vom Kaffee-Hause»², я не мог более удерживать слёз и от рыданий не мог произнести: «Haben Sie die Zeitung nicht gelesen?»³. Когда дошло дело до чистописания, я от слёз, падавших на бумагу, наделал таких клякс, как будто писал водой на обёрточной бумаге.

Карл Иванович рассердился, поставил меня на колени, твердил, что это упрямство, кукольная комедия (это было любимое его слово), угрожал линейкой и требовал, чтобы я просил прощенья, тогда как я от слёз не мог слова вымолвить; наконец, должно быть, чувствуя свою несправедливость, он ушёл в комнату Николая и хлопнул дверью.

Из классной слышен был разговор в комнате дядьки.

— Ты слышал, Николай, что дети едут в Москву? — сказал Карл Иванович, входя в комнату.

— Как же-с, слышал.

¹ «Откуда вы идёте?» (нем.).

² «Я иду из кафе» (нем.).

³ «Вы не читали газеты?» (нем.).

Должно быть, Николай хотел встать, потому что Карл Иваныч сказал: «Сиди, Николай!» — и вслед за этим затворил дверь. Я вышел из угла и подошёл к двери подслушивать.

— Сколько ни делай добра людям, как ни будь привязан, видно, благодарности нельзя ожидать, Николай? — говорил Карл Иваныч с чувством.

Николай, сидя у окна за сапожной работой, утвердительно кивнул головой.

— Я двенадцать лет живу в этом доме и могу сказать перед Богом, Николай, — продолжал Карл Иваныч, поднимая глаза и табакерку к потолку, — что я их любил и занимался ими больше, чем ежели бы это были мои собственные дети. Ты помнишь, Николай, когда у Володеньки была горячка, помнишь, как я девять дней, не смыкая глаз, сидел у его постели. Да! тогда я был добрый, милый Карл Иваныч, тогда я был нужен; а теперь, — прибавил он, иронически улыбаясь, — теперь *дети большие стали; им надо серьёзно учиться*. Точно они здесь не учатся, Николай?

— Как же ещё учиться, кажется, — сказал Николай, положив шило и протягивая обеими руками дратвы.

— Да, теперь я не нужен стал, меня и надо прогнать; а где обещания? где благодарность? Наталью Николаевну я уважаю и люблю, Николай, — сказал он, прикладывая руку к груди, — да что она?.. её воля в этом доме всё равно, что вот это, — при этом он с выразительным жестом кинул на пол обрезок кожи. — Я знаю, чьи это штуки и отчего я стал ненужен: оттого, что я не льщу и не потакаю во всём, как иные люди. Я привык всегда и перед всеми говорить правду, — сказал он гордо. — Бог с ними! Оттого, что меня не будет, они не разбогатеют, а я, Бог милостив, найду себе кусок хлеба... не так ли, Николай?

Николай поднял голову и посмотрел на Карла Иваныча так, как будто желая удостовериться, действительно ли может он найти кусок хлеба, — но ничего не сказал.

Много и долго говорил в этом духе Карл Иваныч: говорил о том, как лучше умели ценить его заслуги у какого-то генерала, где он прежде жил (мне очень больно было это слышать), говорил о Саксонии, о своих родителях, о друге своём портном Schönheit и т. д., и т. д.

Я сочувствовал его горю, и мне больно было, что отец и Карл Иваныч, которых я почти одинаково любил, не поняли друг друга; я опять отправился в угол, сел на пятки и рассуждал о том, как бы восстановить между ними согласие.

Вернувшись в классную, Карл Иваныч велел мне встать и приготовить тетрадь для писания под диктовку. Когда всё было готово, он величественно опустился в своё кресло и голосом, который, казалось, выходил из какой-то глубины, начал диктовать следующее: «Von al-len Lei-den-schaften die grausamste ist... haben Sie geschrieben?»¹. Здесь он остановился, медленно понюхал табак и продолжал с новой силой: «Die grausamste ist die Un-dank-bar-keit... Ein grosses U»². В ожидании продолжения, написав последнее слово, я посмотрел на него.

— Punctum³, — сказал он с едва заметной улыбкой и сделал знак, чтобы мы подали ему тетради.

Несколько раз, с различными интонациями и с выражением величайшего удовольствия, прочёл он это изречение, выражавшее его душевную мысль; потом задал нам урок из истории и сел у окна. Лицо его не было угрюмо, как прежде; оно выражало довольство человека, достойно отмстившего за нанесённую ему обиду.

Было без четверти час; но Карл Иваныч, казалось, и не думал о том, чтобы отпустить нас: он то и дело задавал новые уроки. Скука и аппетит увеличивались в одинаковой мере. Я с сильным нетерпением следил за всеми признаками, доказывавшими близость обеда. Вот дворовая женщина с мочалкой идёт мыть тарелки, вот слышно, как шумят посудой в буфете, раздвигают стол и ставят стулья, вот и Мими с Любочкой и Катенькой (Катенька — двенадцатилетняя дочь Мими) идут из сада; но не видать Фоки — дворецкого Фоки, который всегда приходит и объявляет, что кушать готово. Тогда только можно будет бросить книги и, не обращая внимания на Карла Иваныча, бежать вниз.

Вот слышны шаги по лестнице; но это не Фока! Я изучил его походку и всегда узнаю скрип его сапогов. Дверь отворилась, и в ней показалась фигура, мне совершенно незнакомая.

¹ «Из всех пороков самый тяжкий... написали?» (нем.).

² «Самый тяжкий есть Неблагодарность... С большой буквы» (нем.).

³ Точка (лат.).

Наталья Савишна¹

В половине прошлого столетия по дворам села Хабаровки бегала в затрапезном платье босоногая, но весёлая, толстая и краснощёкая девка *Наташка*. По заслугам и просьбе отца её, кларнетиста Саввы, дед мой взял её в верх — находиться в числе женской прислуги бабушки. Горничная *Наташка* отличалась в этой должности кротостью нрава и усердием. Когда родилась матушка и понадобилась няня, эту обязанность возложили на *Наташку*. И на этом новом поприще она заслужила похвалы и награды за свою деятельность, верность и привязанность к молодой госпоже. Но напудренная голова и чулки с пряжками молодого бойкого официанта пленили её грубое, но любящее сердце. Она даже сама решилась идти к дедушке просить позволения выйти за Фоку замуж. Дедушка принял её желание за неблагодарность, прогневался и сослал бедную Наталью в наказание на скотный двор в степную деревню. Через шесть месяцев, однако, так как никто не мог заменить Наталью, она была возвращена в двор и в прежнюю должность. Возвратившись в затрапезке из изгнания, она явилась к дедушке, упала ему в ноги и просила вернуть ей милость, ласку и забыть ту дурь, которая на неё нашла было и которая, она клялась, уже больше не возвратится. И действительно, она сдержала своё слово.

С тех пор Наташка сделалась Натальей Савишной и надела чепец; весь запас любви, который в ней хранился, она перенесла на барышню свою.

Когда подле матушки заменила её гувернантка, она получила ключи от кладовой, и ей на руки сданы были бельё и вся провизия. Новые обязанности эти она исполняла с тем же усердием и любовью. Она вся жила в барском добре, во всём видела трату, порчу, расхищение и всеми средствами старалась противодействовать.

Когда мама вышла замуж, желая чем-нибудь отблагодарить Наталью Савишну за её двадцатилетние труды и привязанность, она позвала её к себе и, выразив в самых лестных словах всю свою к ней признательность и любовь, вручила ей лист гербовой бумаги, на котором была написана вольная Наталье Савишне, и сказала, что,

¹ Правильно: Наталья Саввишна.

несмотря на то, будет ли она или нет продолжать служить в нашем доме, она всегда будет получать ежегодную пенсию в триста рублей. Наталья Савишна молча выслушала всё это, потом, взяв в руки документ, злобно взглянула на него, пробормотала что-то сквозь зубы и выбежала из комнаты, хлопнув дверью. Не понимая причины такого странного поступка, мамап немного погодя вошла в комнату Натальи Савишны. Она сидела с заплаканными глазами на сундуке, перебирая пальцами носовой платок, и пристально смотрела на валявшиеся на полу перед ней клочки изорванной вольной.

— Что с вами, голубушка Наталья Савишна? — спросила мамап, взяв её за руку.

— Ничего, матушка, — отвечала она, — должно быть, я вам чем-нибудь противна, что вы меня со двора гоните... Что ж, я пойду.

Она вырвала свою руку и, едва удерживаясь от слёз, хотела уйти из комнаты. Мамап удержала её, обняла, и они обе расплакались.

С тех пор, как я себя помню, помню я и Наталью Савишну, её любовь и ласки; но теперь только умею ценить их, — тогда же мне и в голову не приходило, какое редкое, чудесное создание была эта старушка. Она не только никогда не говорила, но и не думала, кажется, о себе: вся жизнь её была любовь и самопожертвование. Я так привык к её бескорыстной, нежной любви к нам, что и не воображал, чтобы это могло быть иначе, нисколько не был благодарен ей и никогда не задавал себе вопросов: а что, счастлива ли она? довольна ли?

Бывало, под предлогом необходимой надобности, прибежишь от урока в её комнату, усядешься и начинаешь мечтать вслух, нисколько не стесняясь её присутствием. Всегда она бывала чем-нибудь занята: или вязала чулок, или рылась в сундуках, которыми была наполнена её комната, или записывала бельё, и, слушая всякий вздор, который я говорил, «как, когда я буду генералом, я женюсь на чудесной красавице, куплю себе рыжую лошадь, построю стеклянный дом и выпишу родных Карла Иваныча из Саксонии» и т. д., она приговаривала «Да, мой батюшка, да». Обыкновенно, когда я вставал и собирался уходить, она отворяла голубой сундук, на крышке которого снутри — как

«Детство». Наталья Савишна.
Художник А. Вестфален. 1916 г.

теперь помню — были наклеены крашеное изображение какого-то гусара, картинка с помадной баночки и рисунок Володи, — вынимала из этого сундука куренье¹, зажигала его и, помахивая, говаривала:

— Это, батюшка, ещё очаковское куренье. Когда ваш покойник дедушка — Царство Небесное — под турку ходили, так оттуда ещё привезли. Вот уж последний кусочек остался, — прибавляла она со вздохом.

В сундуках, которыми была наполнена её комната, было решительно всё. Что бы ни понадобилось, обыкновенно говаривали: «Надо спросить у Натальи Савишны», и действительно, порывшись немного, она находила требуемый предмет и говаривала: «Вот и хорошо, что припрятала». В сундуках этих были тысячи таких предметов, о которых никто в доме, кроме неё, не знал и не заботился.

¹ Куренье (курение) — вещество, сжигаемое для получения ароматического дыма.

Один раз я на неё рассердился. Вот как это было. За обедом, наливая себе квасу, я уронил графин и облил скатерть.

— Позовите-ка Наталью Савишну, чтобы она порадовалась на своего любимчика, — сказала татап.

Наталья Савишна вошла и, увидав лужу, которую я сделал, покачала головой; потом татап сказала ей что-то на ухо, и она, погрозившись на меня, вышла.

После обеда я в самом весёлом расположении духа, прыгивая, отправился в залу, как вдруг из-за двери выскочила Наталья Савишна с скатертью в руке, поймала меня и, несмотря на отчаянное сопротивление с моей стороны, начала тереть меня мокрым по лицу, приговаривая: «Не пачкай скатертей, не пачкай скатертей!» Меня так это обидело, что я разревелся от злости.

«Как! — говорил я сам себе, прохаживаясь по зале и захлёбываясь от слёз, — Наталья Савишна, просто *Наталья*, говорит мне ты и ещё бьёт меня по лицу мокрой скатертью, как дворового мальчишку. Нет, это ужасно!»

Когда Наталья Савишна увидала, что я распустил слюни, она тотчас же убежала, а я, продолжая прохаживаться, рассуждал о том, как бы отплатить дерзкой Наталье за нанесённое мне оскорбление.

Через несколько минут Наталья Савишна вернулась, робко подошла ко мне и начала увещевать:

— Полноте, мой батюшка, не плачьте... простите меня, дуру... я виновата... уж вы меня простите, мой голубчик... вот вам.

Она вынула из-под платка корнет, сделанный из красной бумаги, в котором были две карамельки и одна винная ягода, и дрожащей рукой подала его мне. У меня не доставало сил взглянуть в лицо доброй старушке; я, отвернувшись, принял подарок, и слёзы потекли ещё обильнее, но уже не от злости, а от любви и стыда.

Детство

Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений.

Набегавшись досыта, сидишь, бывало, за чайным столом, на своём высоком креслице; уже поздно, давно выпил свою чашку молока с сахаром, сон смыкает глаза, но не трогаешься с места, сидишь и слушаешь. И как не слушать? Мамап говорит с кем-нибудь, и звуки голоса её так сладки, так приветливы. Одни звуки эти так много говорят моему сердцу! Отуманенными дремотой глазами я пристально смотрю на её лицо, и вдруг она сделалась вся маленькая, маленькая — лицо её не больше пуговки; но оно мне всё так же ясно видно: вижу, как она взглянула на меня и как улыбнулась. Мне нравится видеть её такой крошечной. Я прищуриваю глаза ещё больше, и она делается не больше тех мальчиков, которые бывают в зрачках; но я пошевелился — и очарование разрушилось; я суживаю глаза, поворачиваюсь, всячески стараюсь возобновить его, но напрасно.

Я встаю, с ногами забираюсь и уютно укладываюсь на кресло.

— Ты опять заснёшь, Николенька, — говорит мне мамап, — ты бы лучше шёл наверх.

— Я не хочу спать, мамаша, — ответишь ей, и неясные, но сладкие грёзы наполняют воображение, здоровый детский сон смыкает веки, и через минуту забудешься и спишь до тех пор, пока не разбудят. Чувствуешь, бывало, впросонках, что чья-то нежная рука трогает тебя; по одному прикосновению узнаёшь её и ещё во сне невольно схватишь эту руку и крепко, крепко прижмёшь её к губам.

Все уже разошлись; одна свеча горит в гостинной; мамап сказала, что она сама разбудит меня; это она присела на кресло, на котором я сплю, своей чудесной нежной ручкой провела по моим волосам, и над ухом моим звучит милый знакомый голос:

— Вставай, моя душечка: пора идти спать.

Ничьи равнодушные взоры не стесняют её: она не боится излить на меня всю свою нежность и любовь. Я не шевелюсь, но ещё крепче целую её руку.

— Вставай же, мой ангел.

Она другой рукой берёт меня за шею, и пальчики её быстро шевелятся и щекотят меня. В комнате тихо, полутемно; нервы мои возбуждены щекоткой и пробуждением; мамаша сидит подле самого меня; она трогает меня; я слышу её запах и голос. Всё это заставляет меня вскочить, обвить

«Детство». Карл Иваныч. Художник К. Кащеев

руками её шею, прижать голову к её груди и, задыхаясь, сказать:

— Ах, милая, милая мамаша, как я тебя люблю!

Она улыбается своей грустной, очаровательной улыбкой, берёт обеими руками мою голову, целует меня в лоб и кладёт к себе на колени.

— Так ты меня очень любишь? — Она молчит с минуту, потом говорит: — Смотри, всегда люби меня, никогда не забывай. Если не будет твоей мамыши, ты не забудешь её? не забудешь, Николенька?

Она ещё нежнее целует меня.

— Полно! и не говори этого, голубчик мой, душечка моя! — вскрикиваю я, целуя её колени, и слёзы ручьями льются из моих глаз, — слёзы любви и восторга.

После этого, как, бывало, придёшь наверх и станешь перед иконами, в своём ваточном халатце, какое чудесное

чувство испытываешь, говоря: «Спаси, Господи, папеньку и маменьку». Повторяя молитвы, которые в первый раз лепетали детские уста мои за любимой матерью, любовь к ней и любовь к Богу как-то странно сливались в одно чувство.

После молитвы завернёшься, бывало, в одеяльце; на душе легко, светло и отрадно; одни мечты гонят другие, — но о чём они? Они неуловимы, но исполнены чистой любовью и надеждами на светлое счастье. Вспомнишь, бывало, о Карле Иваныче и его горькой участи — единственном человеке, которого я знал несчастливым, — и так жалко станет, так полюбишь его, что слёзы потекут из глаз, и думаешь: «Дай Бог ему счастья, дай мне возможность помочь ему, облегчить его горе; я всем готов для него пожертвовать». Потом любимую фарфоровую игрушку — зайчика или собачку — уткнёшь в угол пуховой подушки и любишься, как хорошо, тепло и уютно ей там лежать. Ещё помолишься о том, чтобы дал Бог счастья всем, чтобы все были довольны и чтобы завтра была хорошая погода для гулянья, повернёшься на другой бок, мысли и мечты перепутаются, смешаются, и уснёшь тихо, спокойно, ещё с мокрым от слёз лицом.

Вернутся ли когда-нибудь та свежесть, беззаботность, потребность любви и сила веры, которыми обладаешь в детстве? Какое время может быть лучше того, когда две лучшие добродетели — невинная весёлость и беспредельная потребность любви — были единственными побуждениями в жизни?

Где те горячие молитвы? где лучший дар — те чистые слёзы умиления? Прилетал ангел-утешитель, с улыбкой утирал слёзы эти и навевал сладкие грёзы неиспорченному детскому воображению.

Неужели жизнь оставила такие тяжёлые следы в моём сердце, что навеки отошли от меня слёзы и восторги эти? Неужели остались одни воспоминания?

Размышляем о прочитанном

1. Какой представляется матушка герою повести «Детство»? Когда её лицо становилось ещё лучше? Каким был отец и что было характерно для него (отношения его с други-

ми людьми, особенности его одежды, отношение к музыке, книгам, умение говорить)?

2. О чём тревожится Карл Иваныч? Как проявилась его обида во время урока и как воспринимает услышанное Николенька? Каково авторское отношение к учителю? Подтвердите свой ответ цитатами из текста повести.
3. Какими представляются вам герои главы «Классы»? Как характеризуют героя раздумья о Карле Иваныче и об отце? Подготовьте развёрнутый устный ответ на этот вопрос.
4. Кажется ли вам характер Натальи Савишны интересным? Почему она решила не брать вольную? Одобряете ли вы её решение? Почему?
5. Как проявляются характеры героев в случае со скатертью и на чьей стороне вы в этой ситуации? Какие совершаются ошибки главным героем и видит ли он их сам?
6. Толстой спрашивает: «Вернутся ли когда-нибудь та свежесть, беззаботность, потребность любви и сила веры, которыми обладаешь в детстве? Какое время может быть лучше того, когда две лучшие добродетели — невинная весёлость и беспредельная потребность любви — были единственными побуждениями в жизни?.. Неужели жизнь оставила такие тяжёлые следы в моём сердце, что навеки отошли от меня слёзы и восторги эти?» Что беспокоит Л. Н. Толстого, когда он думает о детстве? Подготовьте развёрнутый ответ на этот вопрос.

Литература и изобразительное искусство

1. Рассмотрите иллюстрации. Такой ли вы представляете себе обстановку, быт? Какими бы вы нарисовали героев прочитанных вами глав из «Детства»? Каким настроением пронизаны иллюстрации? Почему они больше похожи на светлое воспоминание, а не на реальную зарисовку?
2. В ресурсах Интернета найдите репродукции портретов Л. Н. Толстого (<http://gotourl.ru/15513> и др.), выполненные разными художниками. Что стремились подчеркнуть в облике писателя живописцы, графики?

Совершенствует свою речь

Объясните слова «привязанность», «самопожертвование», «сочувствие», «согласие». Опишите дом вашего раннего детства, свои отношения со взрослыми, которые вас радовали или огорчали, введите в рассказ слова, которые вы объяснили.

Обогащает свою речь

1. Выберите из приведённых отрывков повести размышления героя. Подумайте, какие мысли его тревожат, как помогает самосовершенствованию его «беспощадность к самому себе».
2. Подготовьте диалог с одноклассником о героях Л. Н. Толстого.
3. Объясните значение слов и словосочетаний, введите их в собственную речь: «возникают воспоминания», «воскресить в воображении», «утончённость», «прелесть», «самоуверенность», «досада», «огорчение».

Внеклассное чтение

М. Горький. «Детство»; А. П. Чехов. «Ванька»; Л. Н. Андреев. «Петька на даче»; Ч. Диккенс. «Приключения Оливера Твиста»; Д. Гринвуд. «Маленький оборвыш».

Антон Павлович
Чехов
1860—1904

Антон Павлович Чехов вошёл в литературу совсем молодым. Он начал писать рассказы, когда учился в Московском университете, готовясь стать врачом. В те годы в юмористических журналах появляется множество разнообразных рассказов, подписанных весёлым именем Антоша Чехонте. Эти рассказы коротки и очень смешны. Они поражают неистощимой выдумкой, фантазией. Чувствуется, что творческая энергия автора бьёт через край. Среди этих рассказов, как драгоценные камни, сверкают настоящие шедевры¹, такие, например, как «Хирургия», «Канитель», «Налим», «Пересолил». Иван Алексеевич Бунин утверждал, что если бы Чехов написал только два или три рассказа, подобные этим, то и тогда было бы ясно, что «сверкнул и исчез замечательный ум». Свою мысль писатель поясняет так: выдумать и сказать хорошую шутку могут только очень умные люди, те, у которых ум «по всем жилушкам переливается».

Чехов очень ценил чувство юмора и тех, кто быстро улавливает шутку. «Да-с, это уж вернейший признак: не понимает человек шутки — пиши пропало!» — говаривал Антон Павлович. Он сочинял весёлые сценки, придумывал забавные прозвища, смешные имена, вовлекал всех в весёлые забавы. «Так и видишь его в это время: высокий, изящный, гибкий, очень подвижный, со светло-карими весёлыми глазами, магнетически влекущий всех к себе» — таким вспоминается современнику молодой Чехов.

Между тем жилось Чехову в молодости трудно. В журналах платили мало, требовали, чтобы писал часто, коротко и смешно.

¹ *Шедевр* — исключительное по своим достоинствам произведение искусства.

Семья Чехова была большой: отец, мать, сестра, младшие братья. Всё время преследовало безденежье. Но жизнелюбие, избыток творческих сил побеждали все невзгоды.

Проверьте себя

1. Что такое псевдоним?
2. Антоша Чехонте — один из псевдонимов Чехова. Как вы думаете, почему Чехов не стал сразу подписывать рассказы своим именем?
3. Вспомните псевдонимы других писателей.

Музей «Лавка Чеховых». Город Таганрог

А. П. Чехов в воспоминаниях современников

Бесчисленны высказывания писателей о Чехове. Вот слова Л. Н. Толстого, ценившего Чехова-прозаика: «Чехов — несравненный художник. Да, да, именно: несравненный... Художник жизни. И достоинство его творчества в том, что оно понятно и сродни не только всякому русскому, но и всякому человеку вообще. А это главное... Он брал из жизни то, что видел... и если брал что-нибудь, то передавал удивительно образно и понятно до последних чёрточек. Главное же — он был всегда искренен. И это великое достоинство в писателе. И благодаря своей искренности Чехов создал новые, совершенно новые, по-моему, для всего мира формы писания, подобных которым я не встречал нигде. Его язык удивителен... Как только я вчитался, так этот язык и захватил меня.

Чехов — это Пушкин в прозе. Вот как в стихах Пушкина каждый может найти что-нибудь такое, что пережил и сам, так и в рассказах Чехова, хоть в каком-нибудь из них, читатель непременно увидит себя и свои мысли...»

Знакомый Чехова, врач-невропатолог Г. И. Россолимо, вспоминал: «...А. П. [Чехов] делился со мной наблюдениями над своим творческим процессом. Меня особенно поразило то, что он подчас, заканчивая абзац или главу, особенно старательно подбирал последние слова по их звучанию, ища как бы музыкального завершения предложения».

И. А. Бунин, тоже хорошо знавший и любивший Чехова и его творчество, особенно ценил глубину и мастерство произведений Чехова: «Прост, точен и скуп на слова был он даже в обыденной жизни. Словом он чрезвычайно дорожил. <...> Писателя в его речи не чувствовалось, сравнения, эпитеты он употреблял редко, а если и употреблял, то чаще всего обыденные, и никогда не щеголял ими, никогда не наслаждался своим удачно сказанным словом».

Чехов привлёк внимание и К. И. Чуковского, который оставил о нём обширные мемуары: «Он был гостеприимен... Хлебосольево у него доходило до страсти. Стоило ему поселиться в деревне, и он тотчас же приглашал к себе кучу гостей. Многим это могло показаться безумием: человек только что выбился из многолетней нужды, ему приходится таким тяжким трудом содержать всю семью — и мать, и брата, и сестру, и отца, — у него нет ни гроша

на завтрашний день, а он весь свой дом, сверху донизу, набивает гостями, и кормит их, и развлекает, и лечит!

Звал он к себе всегда весело, бравурно, игриво, затейливо, словно отражая в самом стиле своих приглашений атмосферу молодого веселья, которая окружала его...

„Ненавижу Вас за то, что Ваш успех мешает Вам приехать ко мне“, — писал он одному из приятелей.

„Какие муки мы должны будем придумать для Вас, если Вы к нам не приедете?“...

Изобилие кипящих в нём творческих сил поражало всякого, с кем он в то время встречался...

— Знаете, как я пишу свои маленькие рассказы? — сказал он Короленко, когда тот только что познакомился с ним. — Вот.

Он оглянул стол, взял в руки первую попавшуюся на глаза вещь — это оказалась пепельница, — поставил её перед ним и сказал:

— Хотите — завтра будет рассказ... Заглавие — „Пепельница“...

Всех изумляла тогда именно эта свобода и лёгкость, с которой бьющая в нём через край могучая энергия творчества воплощалась в несметное множество бесконечно разнообразных рассказов... С самой ранней юности — лет десять, двенадцать подряд — Чехов работал, как фабрика, не зная ни минуты простоя, выбрасывая горы продукции... он создавал их без натуги, чуть не ежедневно, один за другим: и „Орден“, и „Хирургию“, и „Канитель“, и „Лошадину фамилию“, и мириады других произведений, и в каждом из них... живёт его неумолкающий хохот».

Проверьте себя

1. Как сочеталась литературная деятельность Чехова с его врачебной практикой, общественной деятельностью?
2. Каким человеком предстаёт перед нами Чехов, какие особенности его творческой манеры отмечают в своих воспоминаниях его современники?
3. Что особенно высоко ценил Л. Н. Толстой в творчестве А. П. Чехова? (Предварительно выделите в тексте слова и словосочетания, которые помогут вам ответить на этот вопрос, например: «художник жизни» и др.)

Совершенствует свою речь

Используя воспоминания современников, материалы словарей «Русские писатели XIX века», ресурсы Интернета (<http://gotourl.ru/15514>, <http://gotourl.ru/15515> и др.), подготовьте устное сообщение о жизни А. П. Чехова.

ТОЛСТЫЙ И ТОНКИЙ

На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий. Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его, подёрнутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Пахло от него хересом и флердоранжем. Тонкий же только что вышел из вагона и был навьючен чемоданами, узлами и картонками. Пахло от него ветчиной и кофейной гущей. Из-за его спины выглядывала худенькая женщина с длинным подбородком — его жена, и высокий гимназист с прищуренным глазом — его сын.

— Порфирий! — воскликнул толстый, увидев тонкого. — Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет!

— Батюшки! — изумился тонкий. — Миша! Друг детства! Откуда ты взялся?

Приятели троекратно облобызались и устремили друг на друга глаза, полные слёз. Оба были приятно ошеломлены.

— Милый мой! — начал тонкий после лобызания. — Вот не ожидал! Вот сюрприз! Ну, да погляди же на меня хорошенько! Такой же красавец, как и был! Такой же душонок и щёголь! Ах ты, господи! Ну, что же ты? Богат? Женат? Я уже женат, как видишь... Это вот моя жена, Луиза, урождённая Ванценбах... лютеранка... А это сын мой, Нафанаил, ученик третьего класса. Это, Нафаня, друг моего детства! В гимназии вместе учились!

Нафанаил немного подумал и снял шапку.

— В гимназии вместе учились! — продолжал тонкий. — Помнишь, как тебя дразнили? Тебя дразнили Геростратом за то, что ты казённую книжку папироской прожёг, а меня Эфиальтом за то, что я ябедничать любил. Хо-хо... Детьми

«Толстый и тонкий». Художник В. Бритвин

были! Не бойся, Нафаня! Подойди к нему поближе... А это моя жена, урождённая Ванценбах... лютеранка.

Нафанаил немного подумал и спрятался за спину отца.

— Ну, как живёшь, друг? — спросил толстый, восторженно глядя на друга. — Служишь где? Дослужился?

— Служу, милый мой! Коллежским ассессором¹ уже второй год и Станислава имею². Жалованье плохое... ну, да бог с ним! Жена уроки музыки даёт, я портсигары приватно из дерева делаю. Отличные портсигары! По рублю за штуку продаю. Если кто берёт десять штук и более, тому, понимаешь, уступка. Пробавляемся кое-как. Служил, знаешь, в департаменте, а теперь сюда переведён столоначальником по тому же ведомству... Здесь буду служить. Ну, а ты как? Небось уже статский? А?

— Нет, милый мой, поднимай повыше, — сказал толстый. — Я уже до тайного дослужился... Две звезды имею.

¹ Коллежский ассессор — гражданский чин VIII класса, соответствовал воинскому чину капитана.

² Станислава имею — орден Святого Станислава, государственная награда в Российской империи, в основном для отличия чиновников.

Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он съёжился, сгорбился, сузился... Его чемоданы, узлы и картонки съёжились, поморщились... Длинный подбородок жены стал ещё длиннее; Нафанаил вытянулся во фронт и застегнул все пуговицы своего мундира...

— Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с! Хи-хи-с.

— Ну, полно! — поморщился толстый. — Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства — и к чему тут это чиновничье почтение!

— Помилуйте... Что вы-с... — захихикал тонкий, ещё более съёживаясь. — Милостивое внимание вашего превосходительства... вроде как бы живительной влаги... Это вот, ваше превосходительство, сын мой Нафанаил... жена Луиза, лютеранка, некоторым образом...

Толстый хотел было возразить что-то, но на лице у тонкого было написано столько благоговения, сладости и почтительной кислоты, что тайного советника стошнило. Он отвернулся от тонкого и подал ему на прощанье руку.

Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал, как китаец: «Хи-хи-хи». Жена улыбнулась. Нафанаил шаркнул ногой и уронил фуражку. Все трое были приятно ошеломлены.

Размышляем о прочитанном

1. Как вы объясните название рассказа? Каким вам кажется рассказ — смешным, грустным или смешным и грустным одновременно? Над кем и над чем смеётся писатель?
2. Что хочет сказать автор тем, что Порфирий (тонкий) начинает повторять рассказ о своей семье? Почему он вдруг изменился?
3. Как вы думаете, был бы рассказ смешнее, если бы тонкий служил в подчинении у толстого?
4. Как показывает автор перемену в Порфирии, когда тот узнаёт о служебном положении своего знакомого (что происходит с ним, с вещами)? Почему толстый отвернулся от тонкого и ушёл? Как об этом говорит Чехов?

Учимся читать выразительно

Подготовьте инсценированное чтение рассказа, постарайтесь при чтении передать ваше отношение к персонажам.

Фонохрестоматия (СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ)

«Толстый и тонкий»

1. Прислушайтесь к чтению актёра и скажите, какими средствами (интонация, тембр голоса, ритм речи, эмоциональная окраска звучания) актёр выражает отношение автора к персонажам.
2. В тексте повторяются слова «приятно ошеломлены». В каком случае эта фраза у писателя и актёра передаёт реальное состояние героев, в каком — иронию автора? Почему?
3. Что случилось с голосом тонкого, когда он узнал о карьере школьного приятеля? Как это передаёт актёр?

ХАМЕЛЕОН¹

Через базарную площадь идёт полицейский надзиратель Очумелов в новой шинели и с узелком в руке. За ним шагает рыжий городской² с решетом, доверху наполненным конфискованным³ крыжовником. Кругом тишина... На площади ни души... Открытые двери лавок и кабаков глядят на свет Божий уныло, как голодные пасти; около них нет даже нищих.

— Так ты кусаться, окаянная? — слышит вдруг Очумелов. — Ребята, не пуцай её! Нынче не велено кусаться! Держи! А... а!

¹ *Хамелеон* — порода ящериц, быстро меняющих цвет кожи в зависимости от окружающей среды.

² *Городовой* — нижний чин полицейской охраны в городе.

³ *Конфискованный* — от *конфисковать*; здесь: отобрать, отнять.

Слышен собачий визг. Очумелов глядит в сторону и видит: из дровяного склада купца Пичугина, прыгая на трёх ногах и оглядываясь, бежит собака. За ней гонится человек в ситцевой крахмальной рубаше и расстёгнутой жилетке. Он бежит за ней и, подавшись туловищем вперёд, падает на землю и хватается собаку за задние лапы. Слышен вторично собачий визг и крик: «Не пущай!» Из лавок высываются сонные физиономии, и скоро около дровяного склада, словно из земли выросши, собирается толпа.

— Никак беспорядок, ваше благородие!.. — говорит городской.

Очумелов делает полуоборот налево и шагает к сборищу. Около самых ворот склада, видит он, стоит вышеописанный человек в расстёгнутой жилетке и, подняв вверх правую руку, показывает толпе окровавленный палец. На полупьяном лице его как бы написано: «Ужо я сорву с тебя, шельма!», да и самый палец имеет вид знамени победы. В этом человеке Очумелов узнаёт золотых дел мастера Хрюкина. В центре толпы, растопылив передние ноги и дрожа всем телом, сидит на земле сам виновник скандала — белый борзой щенок с острой мордой и жёлтым пятном на спине. В слезящихся глазах его выражение тоски и ужаса.

— По какому это случаю тут? — спрашивает Очумелов, врезываясь в толпу. — Почему тут? Это ты зачем палец?.. Кто кричал?

— Иду я, ваше благородие, никого не трогаю... — начинает Хрюкин, кашляя в кулак. — Насчёт дров с Митрий Митричем, — и вдруг эта подлая ни с того ни с сего за палец... Вы меня извините, я человек, который работающий... Работа у меня мелкая. Пущай мне заплатят, потому — я этим пальцем, может, неделю не пошевелю... Этого, ваше благородие, и в законе нет, чтоб от твари терпеть... Ежели каждый будет кусаться, то лучше и не жить на свете...

— Гм!.. Хорошо... — говорит Очумелов строго, кашляя и шевеля бровями. — Хорошо... Чья собака? Я этого так не оставлю. Я покажу вам, как собак распускать! Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям! Как оштрафуют его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот! Я ему покажу Кузькину мать!.. Елдырин, — обраща-

ется надзиратель к городовому, — узнай, чья это собака, и составляй протокол! А собаку истребить надо. Немедля! Она, наверное, бешеная... Чья это собака, спрашиваю?

— Это, кажись, генерала Жигалова! — говорит кто-то из толпы.

— Генерала Жигалова? Гм!.. Сними-ка, Елдырин, с меня пальто... Ужас как жарко! Должно полагать, перед дождём... Одного только я не понимаю: как она могла тебя укусить? — обращается Очумелов к Хрюкину. — Нешто она достанет до пальца? Она маленькая, а ты ведь вон какой здоровила! Ты, должно быть, расковырял палец гвоздиком, а потом и пришла в твою голову идея, чтоб соврать. Ты ведь... известный народ! Знаю вас, чертей!

— Он, ваше благородие, сигаркой ей в харю для смеха, а она — не будь дура, и тяпни... Вздорный человек, ваше благородие!

— Врёшь, кривой! Не видал, так, стало быть, зачем врать? Их благородие умный господин и понимают, ежели кто врёт, а кто по совести, как перед Богом... А ежели я вру, так пуцай мировой¹ рассудит. У него в законе сказано... Нынче все равны... У меня у самого брат в жандармах... ежели хотите знать...

— Не рассуждать!

— Нет, это не генеральская... — глубокомысленно замечает городской. — У генерала таких нет. У него всё больше легавые...

— Ты это верно знаешь?

— Верно, ваше благородие...

— Я и сам знаю. У генерала собаки дорогие, породистые, а эта — чёрт знает что! Ни шерсти, ни вида... подлость одна только... И этакую собаку держать?! Где же у вас ум? Попадись этакая собака в Петербурге или Москве, то знаете, что было бы? Там не посмотрели бы в закон, а моментально — не дыши! Ты, Хрюкин, пострадал и дела этого так не оставляй... Нужно проучить! Пора...

— А может быть, и генеральская... — думает вслух городской. — На морде у ней не написано... Намедни во дворе у него такую видел.

¹ *Мировой* — судья, разбиравший единолично мелкие дела, устанавливавший мир между спорящими сторонами.

«Хамелеон». Художник В. Бритвин

— Вестимо, генеральская! — говорит голос из толпы.

— Гм!.. Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто... Что-то ветром подуло... Знобит... Ты отведёшь её к генералу и спросишь там. Скажешь, что я нашёл и прислал... И скажи, чтобы её не выпускали на улицу... Она, может быть, дорогая, а ежели каждый свинья будет ей в нос сигаркой тыкать, то долго ли испортить. Собака — нежная тварь... А ты, болван, опусти руку! Нечего свой дурацкий палец выставлять! Сам виноват!..

— Повар генеральский идёт, его спросим... Эй, Прохор! Поди-ка, милый, сюда! Погляди на собаку... Ваша?

— Выдумал! Этаких у нас отродясь не бывало!

— И спрашивать тут долго нечего, — говорит Очумелов. — Она бродячая! Нечего тут долго разговаривать... Ежели сказал, что бродячая, стало быть, и бродячая... Истребить, вот и всё.

— Это не наша, — продолжает Прохор. — Это генералова брата, что намеднись приехал. Наш не охотник до борзых. Брат ихний охоч...

— Да разве братец ихний приехали? Владимир Иваныч? — спрашивает Очумелов, и всё лицо его заливадается

улыбкой умиления. — Ишь ты, господи! А я и не знал! Погостить приехали?

— В гости...

— Ишь ты, господи... Соскучились по братце... А я ведь и не знал! Так это ихняя собачка? Очень рад... Возьми её... Собачонка ничего себе... Шустрая такая... Цап этого за палец! Ха-ха-ха... Ну, чего дрожишь? Ррр... Рр... Сердится, шельма... цуцык этакий...

Проخور зовёт собаку и идёт с ней от дровяного склада... Толпа хохочет над Хрюкиным.

— Я ещё доберусь до тебя! — грозит ему Очумелов и, запахиваясь в шинель, продолжает свой путь по базарной площади.

Фонохрестоматия (« СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ »)

«Хамелеон»

1. Прислушайтесь к тому, как актёр читает начало рассказа — описание шествия полицейского надзирателя Очумелова через базарную площадь. Какими средствами выразительного чтения актёр передаёт отношение автора к герою рассказа?
2. По ходу разбирательства Очумелов просит городского то снять с него пальто, то снова надеть. Его бросает то в жар, то в холод. Почему? Какую сложную внутреннюю работу мысли пытается показать актёр, произнося слова про пальто, жару, холод?
3. Обратите внимание на то, как резкий и категоричный тон актёра в словах «Ежели сказал, что бродячая, стало быть, и бродячая... Истребить, вот и всё» сменяется на умильно-сладостное: «Так это ихняя собачка? Очень рад... Возьми её... Собачонка ничего себе... Шустрая такая...» Как называется приём резкого противопоставления в художественном произведении? Какими средствами актёр достигает противопоставления в художественном чтении (смена интонаций, противоположная эмоциональная окраска, смена силы звучания, повышение или понижение силы звука и т. д.)?

4. Подготовьте чтение рассказа по ролям. Помните при этом, что чтение текста от автора не должно быть бесстрастным, оно выражает отношение писателя к героям произведения.

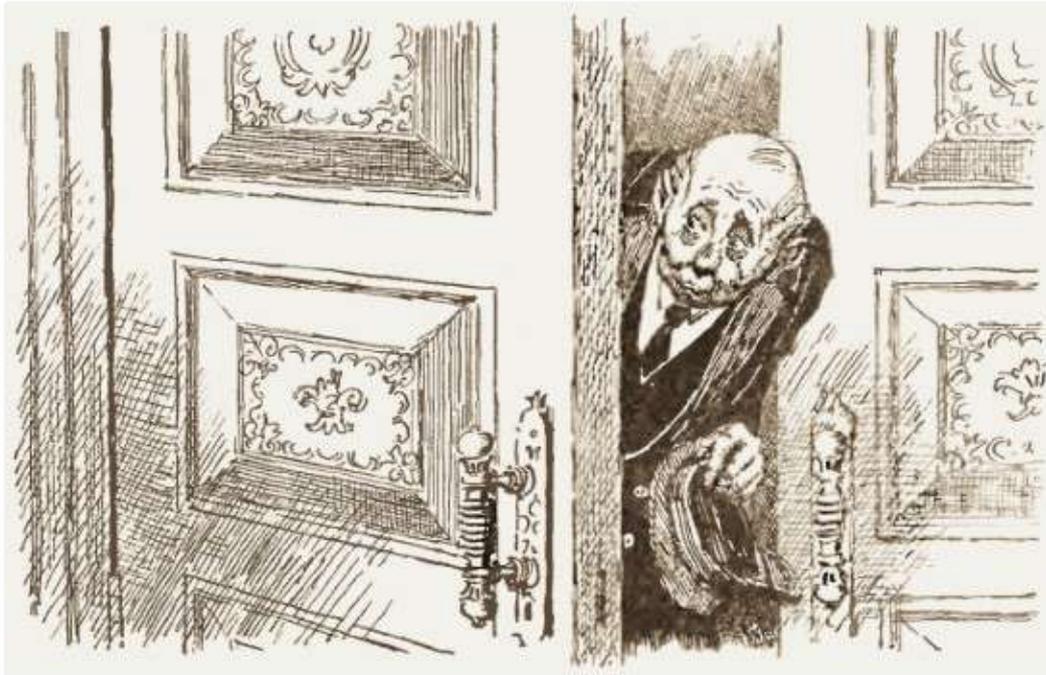

Размышляем о прочитанном

1. Какие эпизоды, диалоги, поступки героев показались вам смешными, какие — горестными, грустными? Вспомните, как зовут чеховских героев. Помогают ли их имена лучше понять их характеры?
2. Расскажите, как движется полицейский надзиратель Очумелов, и подумайте, как относится автор к герою, судя по этому описанию. Какие обороты речи полицейского надзирателя кажутся вам смешными?
3. В зависимости от чего меняется отношение Очумелова к Хрюкину и как выражается это в словах, интонации, жестах?
4. Почему рассказ назван «Хамелеон»? Кого из героев можно назвать хамелеоном и какие детали текста (художественные детали) помогают понять это? Что вы могли бы сказать об Очумелове, Хрюкине, толпе на основании прочитанного рассказа?
5. Как с помощью речи героев определяются их характеры?

СМЕРТЬ ЧИНОВНИКА

В один прекрасный вечер не менее прекрасный экзекутор, Иван Дмитрич Червяков, сидел во втором ряду кресел и глядел в бинокль на «Корневильские колокола». Он глядел и чувствовал себя на вершине блаженства. Но вдруг... В рассказах часто встречается это «но вдруг». Авторы правы: жизнь так полна внезапностей! Но вдруг лицо его поморщилось, глаза подкатились, дыхание остановилось... он отвёл от глаз бинокль, нагнулся и... апчхи!!! Чихнул, как видите. Чихать никому и нигде не возбраняется. Чихают и мужики, и полицеймейстеры, и иногда даже и тайные советники. Все чихают. Червяков несколько не сконфузился, утёрся платочком и, как вежливый человек, поглядел вокруг себя: не обеспокоил ли он кого-нибудь своим чиханьем? Но тут уж пришлось сконфузиться. Он уви-

«Смерть чиновника». Художник А. Лаптев

дел, что старичок, сидевший впереди него, в первом ряду кресел, старательно вытирал свою лысину и шею перчаткой и бормотал что-то. В старичке Червяков узнал статского генерала Брижжалова, служащего по ведомству путей сообщения.

«Я его обрызгал! — подумал Червяков. — Не мой начальник, чужой, но всё-таки неловко. Извиниться надо».

Червяков кашлянул, подался туловищем вперёд и зашептал генералу на ухо:

— Извините, ваше-ство, я вас обрызгал... я нечаянно...

— Ничего, ничего...

— Ради бога, извините. Я ведь... я не желал!

— Ах, сидите, пожалуйста! Дайте слушать!

Червяков сконфузился, глупо улыбнулся и начал глядеть на сцену. Глядел он, но уж блаженства больше не чувствовал. Его начало помучивать беспокойство. В антракте он подошёл к Брижжалову, походил возле него и, поборовши робость, пробормотал:

— Я вас обрызгал, ваше-ство... Простите... Я ведь... не то чтобы...

— Ах, полноте... Я уж забыл, а вы всё о том же! — сказал генерал и нетерпеливо шевельнул нижней губой.

«Забыл, а у самого ехидство в глазах, — подумал Червяков, подозрительно поглядывая на генерала. — И говорить не хочет. Надо бы ему объяснить, что я вовсе не желал... что это закон природы, а то подумает, что я плюнуть хотел. Теперь не подумает, так после подумает!..»

Придя домой, Червяков рассказал жене о своём невежестве. Жена, как показалось ему, слишком легкомысленно отнеслась к происшедшему; она только испугалась, а потом, когда узнала, что Брижжалов «чужой», успокоилась.

— А всё-таки ты сходи, извинись, — сказала она. — Подумает, что ты себя в публике держать не умеешь!

— То-то вот и есть! Я извинялся, да он как-то странно... Ни одного слова путного не сказал. Да и некогда было разговаривать.

На другой день Червяков надел новый вицмундир, подстригся и пошел к Брижжалову объяснить... Войдя в приёмную генерала, он увидел там много просителей, а между просителями и самого генерала, который уже начал приём прошений. Опросив несколько просителей, генерал поднял глаза и на Червякова.

— Вчера в «Аркадии», ежели припомните, ваше-ство, — начал докладывать экзекутор, — я чихнул-с и... нечаянно обрызгал... Изв...

— Какие пустяки... Бог знает что! Вам что угодно? — обратился генерал к следующему просителю.

«Говорить не хочет! — подумал Червяков, бледнея. — Сердится, значит... Нет, этого нельзя так оставить... Я ему объясню...»

Когда генерал кончил беседу с последним просителем и направился во внутренние апартаменты, Червяков шагнул за ним и забормотал:

— Ваше-ство! Ежели я осмеливаюсь беспокоить ваше-ство, то именно из чувства, могу сказать, раскаяния!.. Не нарочно, сами изволите знать-с!

Генерал состроил плаксивое лицо и махнул рукой.

— Да вы просто смеётесь, милостисдарь! — сказал он, скрываясь за дверью.

«Какие же тут насмешки? — подумал Червяков. — Во все тут нет никаких насмешек! Генерал, а не может понять!

Когда так, не стану же я больше извиняться перед этим фанфароном! Чёрт с ним! Напишу ему письмо, а ходить не стану! Ей-богу, не стану!»

Так думал Червяков, идя домой. Письма генералу он не написал. Думал, думал, и никак не выдумал этого письма. Пришлось на другой день идти самому объяснять.

— Я вчера приходил беспокоить ваше-ство, — забормотал он, когда генерал поднял на него вопрошающие глаза, — не для того, чтобы смеяться, как вы изволили сказать. Я извинялся за то, что, чихая, брызнул-с... а смеяться я и не думал. Смею ли я смеяться? Ежели мы будем смеяться, так никакого тогда, значит, и уважения к персонам... не будет...

— Пошёл вон!! — гаркнул вдруг посиневший и затрясшийся генерал.

— Что-с? — спросил шёпотом Червяков, млея от ужаса.

— Пошёл вон!! — повторил генерал, затопав ногами.

В животе у Червякова что-то оторвалось. Ничего не видя, ничего не слыша, он попятился к двери, вышел на улицу и поплёлся... Придя машинально домой, не снимая вицмундира, он лёг на диван и... помер.

Размышляем о прочитанном

1. Литературное произведение не копирует жизнь, но, отметив присущие ей черты, может их усилить, обострить иногда до неправдоподобных форм. Наиболее часто это происходит в сатирических произведениях.
Можно ли считать рассказ «Смерть чиновника» сатирическим?
2. Докажите, что по первым же предложениям рассказа становится понятным стремление автора создать комическую ситуацию.
3. Проследите, как менялась реакция генерала на извинения Червякова. Почему настойчивое желание чиновника объясниться привело генерала в бешенство?
4. Как вы думаете, почему писатель обратил наше внимание на то, что Червяков умер, не сняв вицмундира?
5. Что высмеивает Чехов в рассказе «Смерть чиновника»?

Учимся читать выразительно

Подготовьте чтение рассказа «Смерть чиновника» по ролям. Продумайте, как меняются интонации, эмоциональный накал речи персонажей на протяжении рассказа.

Совершенствует свою речь

1. В рассказе употреблены выражения: «ваше-ство», «милостисдарь». Это разговорные сокращённые формы от общепринятых обращений. Каких? Составьте самостоятельно предложения с каждым из этих обращений.
2. В классической художественной литературе каждое слово, каждое выражение имеет большое значение. Обратите внимание на то, чем заняты в театре персонажи Чехова. Червяков, сидящий во втором ряду, «глядел в бинокль на „Корневильские колокола“». Уже то, что из второго ряда он глядел в бинокль, вызывает усмешку, но главное, «он глядел на...», в то время как генерал слушал комическую оперу французского композитора Робера Планкетта «Корневильские колокола». Как одной фразой Чехов характеризует своего героя?

Александр Иванович
Куприн
1870—1938

Мощь, мудрость и красота литературы открываются во всей своей широте только перед человеком просвещённым и знающим.

К. Г. Паустовский

Известный литературовед О. Н. Михайлов, определяя главную особенность таланта писателя Александра Ивановича Куприна, писал: «При мысли о Куприне хочется сразу сказать: „добрый талант“. Все произведения писателя пропитаны этой бесконечной добротой или, говоря его же словами, любовью „ко всему живому — к дереву, собаке, воде, земле, человеку, небу“». А. И. Куприн особенно остро ощущал необходимость доброго отношения к людям, волею судьбы оказавшимся в тяжелейших жизненных условиях, поскольку сам он в детстве и юности в полной мере испытал нехватку доброго отношения, понимания, поддержки.

Будущий известный писатель родился в маленьком городке Наровчате в Пензенской губернии. Отца своего, служившего чиновником в местной канцелярии, он не помнил, потому что тот умер, когда Саше было около года. Детство Куприна прошло в Москве. Сначала во вдовьем доме, благотворительном учреждении для вдов чиновников, право на проживание в котором с большим трудом получила мать писателя Любовь Алексеевна. Крайняя бедность вынудила Любовь Алексеевну отдать семилетнего сына в сиротский пансион. В десятилетнем возрасте Александр Куприн сдал экзамены во Вторую московскую военную гимназию, которая вскоре после этого была преобразована в кадетский корпус. Жёсткая, порой жестокая казарменная обстановка сиротского пансиона, кадетского корпуса, а позднее юнкерского училища не озлобила его, не ожесточила сердце

и характер Куприна, а воспитала в нём сочувствие, сострадание к человеку, униженному бедностью, несправедливостью, грубой силой, укрепила в нём человеколюбие.

После окончания юнкерского училища Куприн несколько лет служил младшим офицером в отдалённых гарнизонах. Армейская служба тяготила его, всё больше времени он отдавал литературному творчеству, первые опыты которого относятся ещё ко времени учёбы в кадетском корпусе. В 1894 году он ушёл в отставку, после этого сменил множество профессий — служил репортёром в газетах, актёром в странствующих театральные труппах, пытался заниматься сельским хозяйством, работал грузчиком, изучал зубо-врачебное дело.

Из всех перечисленных профессий наиболее важной для начинающего писателя была профессия журналиста, газетного репортёра. Газета учила писать кратко, точно, выхватывая из ряда событий и обстоятельств наиболее значимые детали, позволяющие передать суть событий и характеры людей, в них участвующих.

Один из ранних рассказов А. И. Куприна — «Чудесный доктор» — был впервые напечатан в рождественском номере (25 декабря) газеты «Киевское слово» в 1897 году. Этому произведению присущи основные признаки *святочного* или *рождественского* рассказа. Святки — праздничное время от Рождества Христова до Крещения (с 25 декабря до 6 января по старому стилю). В дни праздников святочные рассказы и сказки, действие которых, как правило, происходит накануне Рождества, такие как «Девочка со спичками» Х. К. Андерсена, «Мальчик у Христа на ёлке» Ф. М. Достоевского, «Ванька» А. П. Чехова, напоминали читателям о тех, кто беден и нуждается в сочувствии и помощи. Нередко в таких произведениях беднякам помогает волшебная чудесная сила (как в сказке С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев»). В рассказе А. И. Куприна тоже происходит чудо, но писатель подчёркивает, что описал совершенно достоверную историю (первоначально рассказ имел подзаголовок «Истинное происшествие»).

ЧУДЕСНЫЙ ДОКТОР

Следующий рассказ не есть плод досужего вымысла. Всё описанное мною действительно произошло в Киеве лет около тридцати тому назад и до сих пор свято, до мельчайших подробностей сохраняется в преданиях того семейства,

о котором пойдёт речь. Я, с своей стороны, лишь изменил имена некоторых действующих лиц этой трогательной истории да придал устному рассказу письменную форму.

— Гриш, а Гриш! Гляди-ка, поросёнок-то... Смеётся... Да-а. А во рту-то у него!.. Смотри, смотри... травка во рту, ей-богу, травка!.. Вот штука-то!

И двое мальчуганов, стоявшие перед огромным, из цельного стекла, окном гастрономического магазина, принялись неудержимо хохотать, толкая друг друга в бок локтями, но невольно приплясывая от жестокой стужи. Они уже более пяти минут торчали перед этой великолепной выставкой, возбуждавшей в одинаковой степени их умы и желудки. Здесь, освещённые ярким светом висящих ламп, возвышались целые горы красных крепких яблоков¹ и апельсинов; стояли правильные пирамиды мандаринов, нежно золотившихся сквозь окутывающую их папиросную бумагу; протянулись на блюдах, уродливо разинув рты и выпучив глаза, огромные копчёные и маринованные рыбы; ниже, окружённые гирляндами колбас, красовались сочные разрезанные окорока с толстым слоем розоватого сала... Бесчисленное множество баночек и коробочек с солёными, варёными и копчёными закусками довершало эту эффектную картину, глядя на которую оба мальчика на минуту забыли о двенадцатиградусном морозе и о важном поручении, возложенном на них матерью, — поручении, окончившемся так неожиданно и так плачевно.

Старший мальчик первый оторвался от созерцания очаровательного зрелища. Он дёрнул брата за рукав и произнёс сурово:

— Ну, Володя, идём, идём... Нечего тут...

Одновременно подавив тяжёлый вздох (старшему из них было только десять лет, и к тому же оба с утра ничего не ели, кроме пустых щей) и кинув последний влюблённо-жадный взгляд на гастрономическую выставку, мальчуганы торопливо побежали по улице. Иногда сквозь запотевшие окна какого-нибудь дома они видели ёлку, которая издали казалась громадной гроздью ярких, сияющих пятен, иногда они слышали даже звуки весёлой польки... Но они мужественно

¹ *Яблоков* — устаревшая форма, в современном русском языке в Р. п. мн. ч. употребляется форма *яблок*.

гнали от себя прочь соблазнительную мысль: остановиться на несколько секунд и прильнуть глазком к стеклу.

По мере того как шли мальчики, всё малолюднее и темнее становились улицы. Прекрасные магазины, сияющие ёлки, рысаки, мчавшиеся под своими синими и красными сетками, визг полозьев, праздничное оживление толпы, весёлый гул окриков и разговоров, разруганные морозом смеющиеся лица нарядных дам — всё осталось позади. Потянулись пустыри, кривые, узкие переулки, мрачные, неосвещённые косогоры... Наконец они достигли покосившегося ветхого дома, стоявшего особняком; низ его — собственно подвал — был каменный, а верх — деревянный. Обойдя тесным, обледенелым и грязным двором, служившим для всех жильцов естественной помойной ямой, они спустились вниз, в подвал, прошли в темноте общим коридором, отыскивали оцупью свою дверь и отворили её.

Уже более года жили Мерцаловы в этом подземелье. Оба мальчугана давно успели привыкнуть и к этим закоптелым, плачущим от сырости стенам, и к мокрым отрёпкам, сушившимся на протянутой через комнату верёвке, и к этому ужасному запаху керосинового чада, детского грязного белья и крыс — настоящему запаху нищеты. Но сегодня, после всего, что они видели на улице, после этого праздничного ликования, которое они чувствовали повсюду, их маленькие детские сердца сжались от острого, недетского страдания. В углу, на грязной широкой постели, лежала девочка лет семи; её лицо горело, дыхание было коротко и затруднительно, широко раскрытые блестящие глаза смотрели пристально и бесцельно. Рядом с постелью, в люльке, привешенной к потолку, кричал, морщась, надрываясь и захлёбываясь, грудной ребёнок. Высокая, худая женщина, с измождённым, усталым, точно почерневшим от горя лицом, стояла на коленях около больной девочки, поправляя ей подушку и в то же время не забывая подталкивать локтем качающуюся колыбель. Когда мальчики вошли и следом за ними стремительно ворвались в подвал белые клубы морозного воздуха, женщина обернула назад своё встревоженное лицо.

— Ну? Что же? — спросила она отрывисто и нетерпеливо.

Мальчишки молчали. Только Гриша шумно вытер нос рукавом своего пальто, переделанного из старого ватного халата.

— Отнесли вы письмо?.. Гриша, я тебя спрашиваю, отдал ты письмо?

— Отдал, — сиплым от мороза голосом ответил Гриша.

— Ну, и что же? Что ты ему сказал?

— Да всё, как ты учила. Вот, говорю, от Мерцалова письмо, от вашего бывшего управляющего. А он нас обругал: «Убирайтесь вы, говорит, отсюда... Сволочи вы...»

— Да кто же это? Кто же с вами разговаривал?.. Говори толком, Гриша!

— Швейцар разговаривал... Кто же ещё? Я ему говорю: «Возьмите, дяденька, письмо, передайте, а я здесь внизу ответа подожду». А он говорит: «Как же, говорит, держи карман... Есть тоже у барина время ваши письма читать...»

— Ну, а ты?

— Я ему всё, как ты учила, сказал: «Есть, мол, нечего... Машутка больна... Помирает...» Говорю: «Как папа место найдёт, так отблагодарит вас, Савелий Петрович, ей-богу, отблагодарит». Ну, а в это время звонок как зазвонит, как зазвонит, а он нам и говорит: «Убирайтесь скорее отсюда к чёрту! Чтобы духу вашего здесь не было!..» А Володьку даже по затылку ударил.

— А меня он по затылку, — сказал Володя, следивший со вниманием за рассказом брата, и почесал затылок.

Старший мальчик вдруг принялся озабоченно рыться в глубоких карманах своего халата. Вытащив наконец оттуда измятый конверт, он положил его на стол и сказал:

— Вот оно, письмо-то...

Больше мать не расспрашивала. Долгое время в душной, промозглой комнате слышался только неистовый крик младенца да короткое, частое дыхание Машутки, больше похожее на непрерывные однообразные стоны. Вдруг мать сказала, обернувшись назад:

— Там борщ есть, от обеда остался... Может, поели бы? Только холодный, — разогреть-то нечем.

В это время в коридоре слышались чьи-то неуверенные шаги и шуршание руки, отыскивающей в темноте дверь. Мать и оба мальчика — все трое даже побледнев от напряжённого ожидания — обернулись в эту сторону.

Вошёл Мерцалов. Он был в летнем пальто, летней войлочной шляпе и без калош. Его руки взбухли и посинели от мороза, глаза провалились, щёки облипли вокруг дёсен, точно у мертвеца. Он не сказал жене ни одного слова, она ему не задавала ни одного вопроса. Они поняли друг друга по тому отчаянию, которое прочли друг у друга в глазах.

В этот ужасный, роковой год несчастье за несчастьем настойчиво и безжалостно сыпались на Мерцалова и его семью. Сначала он сам заболел брюшным тифом, и на его лечение ушли все их скудные сбережения. Потом, когда он поправился, он узнал, что его место, скромное место управляющего домом на двадцать пять рублей в месяц, занято уже другим... Началась отчаянная, судорожная погоня за случайной работой, за перепиской, за ничтожным местом, залог и перезалог вещей, продажа всякого хозяйственного тряпья. А тут ещё пошли болеть дети. Три месяца тому назад умерла одна девочка, теперь другая лежит в жару и без сознания. Елизавете Ивановне приходилось одновременно ухаживать за больной девочкой, кормить грудью маленького и ходить почти на другой конец города в дом, где она подённо стирала бельё.

Весь сегодняшний день был занят тем, чтобы посредством нечеловеческих усилий выжать откуда-нибудь хоть несколько копеек на лекарство Машутке. С этой целью Мерцалов обегал чуть ли не полгорода, кланча и унижаясь повсюду; Елизавета Ивановна ходила к своей барыне, дети были посланы с письмом к тому барину, домом которого управлял раньше Мерцалов... Но все отговаривались или праздничными хлопотами, или неимением денег... Иные, как, например, швейцар бывшего патрона¹, просто-напросто гнали просителей с крыльца.

Минут десять никто не мог произнести ни слова. Вдруг Мерцалов быстро поднялся с сундука, на котором он до сих пор сидел, и решительным движением надвинул глубже на лоб свою истрёпанную шляпу.

— Куда ты? — тревожно спросила Елизавета Ивановна. Мерцалов, взявшийся уже за ручку двери, обернулся.

— Всё равно, сидением ничего не поможешь, — хрипло ответил он. — Пойду ещё... Хоть милостыню попробую просить.

¹ Патрoн — здесь: глава, хозяин.

Выйдя на улицу, он пошёл бесцельно вперёд. Он ничего не искал, ни на что не надеялся. Он давно уже пережил то жгучее время бедности, когда мечтаешь найти на улице бумажник с деньгами или получить внезапно наследство от неизвестного троюродного дядюшки. Теперь им овладело неудержимое желание бежать куда попало, бежать без оглядки, чтобы только не видеть молчаливого отчаяния голодной семьи.

Просить милостыни? Он уже пробовал это средство сегодня два раза. Но в первый раз какой-то господин в енотовой шубе прочёл ему наставление, что надо работать, а не клянчить, а во второй — его обещали отправить в полицию.

Незаметно для себя Мерцалов очутился в центре города, у ограды густого общественного сада. Так как ему пришлось всё время идти в гору, то он запыхался и почувствовал усталость. Машинально он свернул в калитку и, пройдя длинную аллею лип, занесённых снегом, опустился на низкую садовую скамейку.

Тут было тихо и торжественно. Деревья, окутанные в свои белые ризы¹, дремали в неподвижном величии. Иногда с верхней ветки срывался кусочек снега, и слышно было, как он шуршал, падая и цепляясь за другие ветви. Глубокая тишина и великое спокойствие, сторожившие сад, вдруг пробудили в истерзанной душе Мерцалова нестерпимую жажду такого же спокойствия, такой же тишины.

«Вот лечь бы и заснуть, — думал он, — и забыть о жене, о голодных детях, о больной Машутке». Просунув руку под жилет, Мерцалов нащупал довольно толстую верёвку, служившую ему поясом. Мысль о самоубийстве совершенно ясно встала в его голове. Но он не ужаснулся этой мысли, ни на мгновение не содрогнулся перед мраком неизвестного.

«Чем погибать медленно, так не лучше ли избрать более краткий путь?» Он уже хотел встать, чтобы исполнить своё страшное намерение, но в это время в конце аллеи послышался скрип шагов, отчётливо раздавшийся в морозном воздухе. Мерцалов с озлоблением обернулся в эту сторону. Кто-то шёл по аллее. Сначала был виден огонёк то вспы-

¹ *Рiза* (поэтич.) — здесь: одежда, одеяние. Так называется верхнее облачение священника при богослужении.

«Чудесный доктор». Художник И. Харкевич

живающей, то потухающей сигары. Потом Мерцалов мало-помалу мог разглядеть старика небольшого роста, в тёплой шапке, меховом пальто и высоких калошах. Поравнявшись со скамейкой, незнакомец вдруг круто повернул в сторону Мерцалова и, слегка дотрагиваясь до шапки, спросил:

— Вы позволите здесь присесть?

Мерцалов умышленно резко отвернулся от незнакомца и подвинулся к краю скамейки. Минут пять прошло в обоюдном молчании, в продолжение которого незнакомец

курил сигару и (Мерцалов это чувствовал) искоса наблюдал за своим соседом.

— Ночка-то какая славная, — заговорил вдруг незнакомец. — Морозно... тихо, что за прелесть — русская зима!

Голос у него был мягкий, ласковый, старческий. Мерцалов молчал, не оборачиваясь.

— А я вот ребятишкам знакомым подарочки купил, — продолжал незнакомец (в руках у него было несколько свёртков). — Да вот по дороге не утерпел, сделал круг, чтобы садом пройти: очень уж здесь хорошо.

Мерцалов вообще был кротким и застенчивым человеком, но при последних словах незнакомца его охватил вдруг прилив отчаянной злобы. Он резким движением повернулся в сторону старика и закричал, нелепо размахивая руками и задыхаясь:

— Подарочки!.. Подарочки!.. Знакомым ребятишкам подарочки!.. А я... а у меня, милостивый государь, в настоящую минуту мои ребятишки с голоду дома подышают... Подарочки!.. А у жены молоко пропало, и грудной ребёнок целый день не ел... Подарочки!..

Мерцалов ожидал, что после этих беспорядочных, озлобленных криков старик поднимется и уйдёт, но он ошибся. Старик приблизил к нему своё умное, серьёзное лицо с седыми баками и сказал дружелюбно, но серьёзным тоном:

— Подождите... не волнуйтесь! Расскажите мне всё по порядку и как можно короче. Может быть, вместе мы придумаем что-нибудь для вас.

В необыкновенном лице незнакомца было что-то до того спокойное и внушающее доверие, что Мерцалов тотчас же без малейшей утайки, но страшно волнуясь и спеша, передал свою историю. Он рассказал о своей болезни, о потере места, о смерти ребёнка, обо всех своих несчастиях, вплоть до нынешнего дня. Незнакомец слушал, не перебивая его ни словом, и только всё пытливее и пристальнее заглядывал в его глаза, точно желая проникнуть в самую глубь этой наболевшей, возмущённой души. Вдруг он быстрым, совсем юношеским движением вскочил с своего места и схватил Мерцалова за руку. Мерцалов невольно тоже встал.

— Едемте! — сказал незнакомец, увлекая за руку Мерцалова. — Едемте скорее!.. Счастье ваше, что вы встрети-

лись с врачом. Я, конечно, ни за что не могу ручаться, но... поедемте!

Минут через десять Мерцалов и доктор уже входили в подвал. Елизавета Ивановна лежала на постели рядом со своей больной дочерью, зарывшись лицом в грязные, замаслившиеся подушки. Мальчишки хлебали борщ, сидя на тех же местах. Испуганные долгим отсутствием отца и неподвижностью матери, они плакали, размазывая слёзы по лицу грязными кулаками и обильно проливая их в закопчённый чугунок¹. Войдя в комнату, доктор скинул с себя пальто и, оставшись в старомодном, довольно поношенном сюртуке, подошёл к Елизавете Ивановне. Она даже не подняла головы при его приближении.

— Ну, полно, полно, голубушка, — заговорил доктор, ласково погладив женщину по спине. — Вставайте-ка! Покажите мне вашу больную.

И точно так же, как недавно в саду, что-то ласковое и убедительное, звучавшее в его голосе, заставило Елизавету Ивановну мигом подняться с постели и беспрекословно исполнить всё, что говорил доктор. Через две минуты Гришка уже растапливал печку дровами, за которыми чудесный доктор послал к соседям, Володя раздувал изо всех сил самовар, Елизавета Ивановна оборачивала Машутку согревающим компрессом... Немного погодя явился и Мерцалов. На три рубля, полученные от доктора, он успел купить за это время чаю, сахару, булок и достать в ближайшем трактире горячей пищи. Доктор сидел за столом и что-то писал на клочке бумаги, который он вырвал из записной книжки. Окончив это занятие и изобразив внизу какой-то своеобразный крючок вместо подписи, он встал, прикрыл написанное чайным блюдечком и сказал:

— Вот с этой бумажкой вы пойдёте в аптеку... давайте через два часа по чайной ложке. Это вызовет у малышки отхаркивание... Продолжайте согревающий компресс... Кроме того, хотя бы вашей дочери и сделалось лучше, во всяком случае пригласите завтра доктора Афросимова. Это дельный врач и хороший человек. Я его сейчас же преду-

¹ Чугунок — горшок из чугуна для приготовления пищи.

прежу. Затем прощайте, господа! Дай Бог, чтобы наступающий год немного снисходительнее отнёсся к вам, чем этот, а главное — не падайте никогда духом.

Пожав руки Мерцалову и Елизавете Ивановне, всё ещё не оправившимся от изумления, и потрепав мимоходом по щеке разинувшего рот Володю, доктор быстро всунул свои ноги в глубокие калоши и надел пальто. Мерцалов опомнился только тогда, когда доктор уже был в коридоре, и кинулся вслед за ним.

Так как в темноте нельзя было ничего разобрать, то Мерцалов закричал наугад:

— Доктор! Доктор, постойте!.. Скажите мне ваше имя, доктор! Пусть хоть мои дети будут за вас молиться!

И он водил в воздухе руками, чтобы поймать невидимого доктора. Но в это время в другом конце коридора спокойный старческий голос произнёс:

— Э! Вот ещё пустяки выдумали!.. Возвращайтесь-ка домой скорей!

Когда он возвратился, его ожидал сюрприз: под чайным блюдцем вместе с рецептом чудесного доктора лежало несколько крупных кредитных билетов...

В тот же вечер Мерцалов узнал и фамилию своего неожиданного благодетеля. На аптечном ярлыке, прикреплённом к пузырьку с лекарством, чёткою рукою аптекаря было написано: «По рецепту профессора Пирогова»...

Я слышал этот рассказ, и неоднократно, из уст самого Григория Емельяновича Мерцалова — того самого Гришки, который в описанный мною Сочельник проливал слёзы в закоптелый чугунок с пустым борщом. Теперь он занимает довольно крупный, ответственный пост в одном из банков, славя образцом честности и отзывчивости на нужды бедности. И каждый раз, заканчивая своё повествование о чудесном докторе, он прибавляет голосом, дрожащим от скрывааемых слёз:

— С этих пор точно благодетельный ангел снизошёл в нашу семью. Всё переменялось. В начале января отец отыскал место, Машутка встала на ноги, меня с братом удалось пристроить в гимназию на казённый счёт. Просто чудо совершил этот святой человек. А мы нашего чудесного доктора только раз видели с тех пор — это когда его перевозили мёртвого в его собственное имение Вишню. Да

и то не его видели, потому что то великое, мощное и святое, что жило и горело в чудесном докторе при его жизни, угасло невозвратно.

Размышляем о прочитанном

1. Н. С. Лесков в одном из своих рассказов писал: «От святочного рассказа непременно требуется, чтобы он был приурочен к событиям святочного вечера — от Рождества до Крещенья, чтобы он был сколько-нибудь фантастичен, имел какую-нибудь мораль... и, наконец — чтобы он оканчивался непременно весело».

Как вы понимаете слова Н. С. Лескова, сказанные о рождественском (святочном) рассказе?

2. Какое впечатление произвела на вас история, рассказанная А. И. Куприным?
3. Как менялось ваше настроение, какие чувства вы испытывали по ходу чтения рассказа?
4. Как вы думаете, почему А. И. Куприн опубликовал рассказ с подзаголовком «Истинное происшествие»?
5. Какие признаки рождественского или святочного рассказа присущи произведению А. И. Куприна?
6. Почему писатель так подробно описывает витрины гастронома? Какие другие примеры иной, недоступной героям рассказа жизни окружают их в предпраздничный вечер в центре города?
7. Перечитайте внимательно описание жилища Мерцаловых. Какой художественный приём воздействия на читателя использует писатель, давая столь подробные описания витрины магазина и жилища семьи Мерцаловых?
8. Какой факт биографии одного из сыновей Мерцалова свидетельствует о том, что известный врач и педагог Николай Иванович Пирогов стал для него примером для подражания на всю жизнь?

Совершенствует свою речь

Подготовьте пересказ содержания рассказа от лица одного из героев (Мерцалова, одного из его сыновей, Елизаветы Ивановны).

Обогащает свою речь

Рассказ учит нас *сострадать, сочувствовать*. Как вы думаете, каково значение приставки *со-* в этих словах? Приведите примеры других слов, в которых приставка *со-* имеет то же значение.

Творческое задание

Найдите в фондах детской библиотеки или в Интернете сборник рождественских (святочных) рассказов, подготовьте письменный отзыв на один из рассказов из этого сборника.

Внеклассное чтение

Ч. Диккенс. «Рождественская песнь в прозе»;
В. М. Шукшин. «Сапожки».

Литература XIX века

СТИХОТВОРЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПОЭТОВ НАЧАЛА XX ВЕКА

*Сергей Александрович
Есенин
1895—1925*

С. А. Есенин родился в селе Константинове Рязанской губернии. «Фамилия „Есенин“ — русская, коренная, в ней звучат языческие корни — овсень¹, таусень², осень, связанные с плодородием, с дарами земли, с осенними праздниками», — писал А. Н. Толстой.

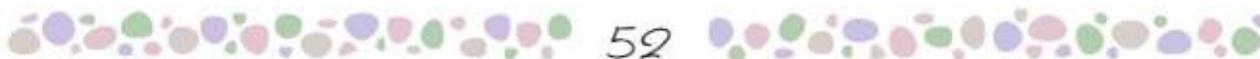
Родители Есенина были крестьянами. Его дед держался суровых религиозных правил, хорошо знал Священное Писание, помнил наизусть многие страницы Библии, жития святых. Он любил внука. «Дедушка пел мне песни старые, такие тягучие, заунывные. По субботам и воскресным дням он рассказывал мне Библию и Священную историю», — вспоминал Есенин. С народным творчеством знакомила его и бабушка («Она рассказывала сказки»). Мальчик жил свободно и беззаботно. Он не был знаком с ранними тяготами труда. «Детство прошло среди полей и степей», — писал он.

Есенин был одарён ясным умом. Он учился в четырёхклассном училище и уже там декламировал стихотворения любимых им поэтов.

В селе Спас-Клепики он закончил учительскую школу, в которой стали проявляться его поэтические наклонности. Там начался

¹ *Овсень* — русский народный зимний праздник; величально-поздравительная святочная песня.

² *Таусень* — русский народный праздник, Васильев вечер, канун старого Нового года (13 января по новому стилю).

его творческий путь, проходивший под сильным влиянием народной поэзии, стихотворений Кольцова, Некрасова и так называемых «крестьянских» поэтов (И. Никитин, И. Суриков).

После окончания школы поэт отправился в Москву. Там он вскоре стал посещать литературно-музыкальный кружок имени И. Сурикова. С этого времени Есенин постепенно становится известным поэтом, который всем сердцем, нежно и трогательно любит жизнь. Ему дороги и одинокая собака, и дряхлая старая кошка, и каждая птица, и вся природа — от чёрной земли до солнца, луны, ветра, светящихся на небе таинственных и манящих звёзд. Он знает, как живут, что «думают» и «чувствуют» чибисы и коноплянки, берёзы и осины. Поэтому и свою собственную участь Есенин не отделяет от судьбы природы.

По Е. И. Наумову

Поэзия Есенина необыкновенно лирична. Вся она — искренний, задушевный рассказ о жизни, любви, радостях и горестях, переживаниях, мечтах. Часто в стихах он обращается к самым близким людям — к матери и отцу, деду, сёстрам; поэт мысленно воссоздаёт картины родных мест — родительского дома, заливных приокских лугов, «той сельщины, где жил мальчишкой». При этом в стихотворных посланиях он настолько сливается с природой родных мест, что сам узнаётся в старом клёне, который «стережёт голубую Русь».

* * *

Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты — в ризах¹ образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосёт глаза.

Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонно чахнут тополя.

Пахнет яблоком и мёдом
По церквам твой кроткий Спас².

¹ *Рiза* — здесь: металлический оклад на иконе, оставляющий открытыми только лицо и руки образа.

² *Спас* — здесь: название церковных праздников (Медовый Спас, Яблочный Спас).

И гудит за корогодом¹
На лугах весёлый пляс.

Побегу по мятой стёжке²
На приволь зелёных лех³,
Мне навстречу, как серёжки,
Прозвенит девичий смех.

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»,
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

Размышляем о прочитанном

1. Как в первом четверостишии герой выражает свой восторг перед красотой родной земли? Почему он сравнивает хаты с иконами в ризах, дорогих серебряных или золочёных окладах?
2. Вы, наверное, уже замечали, что свои пейзажные картины С. А. Есенин создаёт, используя не только яркие краски, но и звуки. Какие звуки наполняют есенинский пейзаж в стихотворении «Гой ты, Русь, моя родная...»?
3. Не только цвет, звук, но и запах, аромат родной земли поэтизирует автор стихотворения. Какие запахи участвуют в создании праздничной картины? Почему именно эти запахи выбирает поэт?

Прочитайте стихотворение Есенина о родном доме.

* * *

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть.

¹ *Корогód* — хоровод.

² *Стёжка* — дорожка, тропинка.

³ *Лéхи* — луга, поля.

Золотою лягушкой луна
 Распласталась на тихой воде.
 Словно яблонный цвет, седина
 У отца пролилась в бороде.

Я не скоро, не скоро вернусь!
 Долго петь и звенеть пурге.
 Стережёт голубую Русь
 Старый клён на одной ноге,

И я знаю, есть радость в нём
 Тем, кто листьев целует дождь,
 Оттого, что тот старый клён
 Головой на меня похож.

Прочитайте стихотворение С. А. Есенина «Низкий дом с голубыми ставнями...», продолжающее тему любви поэта к своему дому, родным местам и близким людям.

* * *

Низкий дом с голубыми ставнями,
 Не забыть мне тебя никогда, —
 Слишком были такими недавними
 Отзвучавшие в сумрак года.

До сегодня ещё мне снится
 Наше поле, луга и лес,
 Принакрытые сереньким ситцем
 Этих северных бедных небес.

Восхищаться уж я не умею
 И пропасть не хотел бы в глуши,
 Но, наверно, навеки имею
 Нежность грустную русской души.

Полюбил я седых журавлей
 С их курлыканьем в тощие дали,
 Потому что в просторах полей
 Они сытных хлебов не видали.

Только видели березь да цветь,
 Да раakitник кривой и безлистый,
 Да разбойные слышали свисты,
 От которых легко умереть.

Как бы я и хотел не любить,
 Всё равно не могу научиться,
 И под этим дешёвеньким ситцем
 Ты мила мне, родимая выть¹.

Потому так и днями недавними
 Уж не юные веют года.
 Низкий дом с голубыми ставнями,
 Не забыть мне тебя никогда.

Фонохрестоматия (СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ)))

«Я покинул родимый дом...»

1. Обратите внимание на удивительно красивое, плавное звучание стихов. Какие звуки преобладают в этом стихотворении?
2. Каким настроением окрашено стихотворение? Подтвердите свой ответ выразительным чтением.

«Низкий дом с голубыми ставнями...»

1. Отличаются ли интонации стихотворения «Низкий дом с голубыми ставнями...» от интонаций стихотворения «Я покинул родимый дом...»?
2. В каком стихотворении больше светлой безмятежной грусти? В каком чувства поэта обострены и картина Родины дана без прикрас, со всей её бедностью и неяркостью? Как это передаётся в актёрском чтении?
3. Какое общее чувство объединяет эти два стихотворения? Подготовьтесь к их выразительному чтению, передав чувство любви поэта к Родине.

Размышляем о прочитанном

1. Прочитайте вслух оба стихотворения о родном доме. Услышали ли вы разницу в звучании стихов, в ритме стихотворений? В каком стихотворении ритм более быст-

¹ *Выть* — диалектное рязанское слово, обозначающее вспаханное поле, пашню.

рый, подвижный, динамичный, а в каком — более медленный, размеренный, неторопливый? Как вы думаете, почему?

2. Какие пейзажные образы помогают поэту сделать зрительно воспринимаемыми воспоминания о матери и отце в стихотворении «Я покинул родимый дом...»?
3. В каком стихотворении родная природа видится более возвышенной, сказочной, а в каком — более обычной, повседневной, неяркой? Как вы думаете, почему?
4. Различаются ли чувства поэта к родному краю в этих стихотворениях? Как объясняет поэт свою непреходящую любовь к Родине? Подтвердите свой ответ цитатой из текста стихотворения.
5. Какие слова или словосочетания вы могли бы назвать «есенинскими», характерными только для этого поэта? Как вы понимаете эти слова? Найдите их в тексте стихотворений.
6. Обратите внимание на способ рифмовки в четверостишиях стихотворений. В каком из стихотворений выдержан один способ рифмовки, а в каком из них сочетаются две разные рифмовки?
7. Как вы считаете, почему строки:

Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда —

в первом четверостишии оказываются первыми, а в завершающем — последними?

8. Выучите наизусть одно из стихотворений С. Есенина о родном крае.
9. Какие произведения С. Есенина вы слышали в стихотворном и песенном исполнении актёров? Какие из них вам запомнились? Почему?
10. Подготовьте отзыв об актёрском исполнении одного из стихотворений С. Есенина.

Проект

Проведите в классе конкурс на лучшую иллюстрацию к стихотворениям Есенина. Участники этого конкурса выступают с устной защитой своих работ и выразительным чтением стихотворений.

Учимся читать выразительно

Элементы интонации

Главнейшими элементами речевой интонации являются фразовые ударения, паузы и мелодика речи.

Ударения, выделяющие в потоке речи отдельные опорные слова, называются фразовыми ударениями. Место, количество и сила ударений зависят от многих причин: от содержания мысли, грамматического строения, положения слова во фразе или её отдельной части, различных психологических моментов.

Различаются паузы логические, которые расчленяют речь в соответствии со смысловыми и грамматическими связями между словами, и паузы психологические, мотивированные переживаниями говорящего.

Мелодике речи — повышениям и понижениям тона голоса — принадлежит едва ли не основная роль. В сочетании с ударениями и паузами мелодика фонетически оформляет смысловые отношения между частями фразы и объединяет их в выражения связной мысли или последовательности мыслей. Мелодика различает повествовательное и вопросительное значение фраз, в значительной мере является выразителем эмоционального состояния говорящего. Наконец, она во многих случаях служит средством образной выразительности речи.

Г. В. Артоболевский

1. Прочитайте стихотворения С. А. Есенина выразительно вслух. Обратите внимание при чтении на фразовые ударения, паузы и мелодику речи, о которых пишет Г. В. Артоболевский.
2. Подумайте, как правильно расставить фразовые ударения, определить место паузам, найти верную мелодику, интонацию для каждого стихотворения.
3. Каких актёров-чтецов вы знаете? Чем запомнилось вам их чтение?

*Владимир Владимирович
Маяковский
1893—1930*

Маяковский прошёл короткий по времени, но огромный по насыщенности исторических событий путь.

В. Катанян

Владимир Владимирович Маяковский родился в 1893 году в селе Багдади, близ Кутаиси, в семье лесничего. «...Отец легко находил тему для разговора с каждым. Хорошо владея речью, он пересыпал её пословицами, прибаутками, остротами. Знал бесчисленное множество случаев и анекдотов и передавал их на русском, грузинском, армянском, татарском языках, которые знал в совершенстве... Мама худая, хрупкая, болезненная... Своим характером и внутренним тактом мама нейтрализовала вспыльчивость, горячность отца, его смены настроений и тем создавала самые благоприятные условия для общей семейной жизни и для воспитания детей... Лицом Володя похож на мать, а сложением, манерами — на отца... С утра до вечера мы жили в трудовой, полной забот обстановке», — пишет сестра поэта.

Я сам расскажу
о времени
и о себе.

В. Маяковский

«...Первый дом, вспоминаемый отчётливо... Лет семь. Отец стал брать меня на верховые объезды лесничества... Осенью начал посещать гимназию... Приготовительный, 1-й, 2-й. Иду первым. Весь в пятёрках. Читаю Жюль Верна. Вообще фантастическое. Какой-то бородач стал во мне обнаруживать способности художника. Учит даром... У нас была пятидневная забастовка, а после была гимназия закрыта четыре дня... В Кутаисе 15-го ожидается беспорядки... Умер отец. Уколот палец (сшивал бумаги). Заражение крови...

Благополучие кончилось. После похорон отца у нас в кармане 3 рубля...» (В. В. Маяковский. «Автобиография „Я сам“», 1922).

В июле 1906 года семья Маяковского — мать, сёстры Людмила и Ольга — переехала в Москву... 29 марта 1908 года и 18 января 1909 года — первый и второй аресты Маяковского (за встречи с революционерами). 9 января 1910 года освобождён из-под ареста под гласный надзор полиции...

При выходе из тюрьмы у Маяковского отобрали тетрадь со стихами... «Появление Володи дома было неожиданно. Бурной радости не было конца. Володя пришёл к вечеру. Помню, он мыл руки и с намыленными руками всё время обнимал нас и целовал, приговаривая: „Как я рад, бесконечно рад, что я дома, с вами“» (из воспоминаний Л. В. Маяковской, 1937). Далее учение в художественной студии С. Жуковского, затем студия художника П. Келина, поступление в училище живописи, знакомство с художником и поэтом Давидом Бурлюком.

«...Бурлюк, знакомя меня с кем-то, басил: „Не знаете? Мой гениальный друг. Знаменитый поэт Маяковский“. Толкаю. Но Бурлюк непреклонен. Ещё и рычал на меня, отойдя: „Теперь пишите. А то вы меня ставите в глупейшее положение“. Пришлось писать. Я и написал первое (первое профессиональное, печатаемое „Багровый и белый“) и другие.

Всегдашней любовью думаю о Давиде. Прекрасный друг. Мой действительный учитель. Бурлюк сделал меня поэтом. Читал мне французов и немцев. Всовывал книги. Ходил и говорил без конца. Не отпускал ни на шаг. Выдавал ежедневно 50 копеек. Чтобы писать не голодая» (В. В. Маяковский. «Автобиография „Я сам“», 1922).

А далее — стихотворения, поездки по стране, диспуты, лекции, чтение стихотворений. Работа над плакатами в «Окнах РОСТА», поэмы, поездки за границу... В Финляндии М. Горькому читал части поэмы «Облако в штанах». Вероятно, тогда же Горький подарил ему экземпляр «Детства» с надписью: «Без слов, от души. Владимиру Владимировичу Маяковскому. М. Горький».

ХОРОШЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ЛОШАДЯМ

Били копыта.
Пели будто:
— Гриб.
Грабь.

Гроб.
Груб. —

Ветром опита,
льдом обута,
улица скользила.
Лошадь на круп
грохнулась,
и сразу
за зевакой зевака,
штаны пришедшие Кузнецким¹
клёшить,
сгрудились,
смех зазвенел и зазвякал:
— Лошадь упала! —
— Упала лошадь! —
Смеялся Кузнецкий.
Лишь один я
голос свой не вмешивал в вой ему.
Подошёл и вижу
глаза лошадиные...

Улица опрокинулась,
течёт по-своему...
Подошёл и вижу —
за каплицей каплица
по морде катится,
прячется в шерсти...
И какая-то общая
звериная тоска, плеща,
вылилась из меня
и расплылась в шелесте.
«Лошадь, не надо.
Лошадь, слушайте —
Чего вы думаете, что вы их плоше?
Деточка,
все мы немножко лошади,
каждый из нас по-своему лошадь».

¹ Имеется в виду московская улица Кузнецкий Мост, на которой располагались модные магазины.

«Хорошее отношение к лошадям». Художник А. Тышлер. 1936 г.

Может быть —
 старая —
 и не нуждалась в няньке,
 может быть, и мысль ей моя
 казалась пошла́,
 только
 лошадь
 рванулась,
 встала на́ ноги,
 ржанула
 и пошла.
 Хвостом помахивала,
 рыжий ребёнок.
 Пришла весёлая,
 стала в стойло.
 И всё ей казалось —
 она жеребёнок,
 и стоило жить,
 и работать стоило.

Проверьте себя

1. Как вы понимаете главную мысль стихотворения? Близка ли она современному человеку? Что скрывается в заключительных строчках стихотворения?
2. Что вы узнали о В. В. Маяковском? Интересна ли вам личность этого поэта?
3. Подготовьте устное сообщение о вашем восприятии поэзии В. В. Маяковского.

Фонохрестоматия (СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ)

«Хорошее отношение к лошадям»

1. Какой приём выразительного чтения использует актёр, воспроизводя звучание ударов копыт о камни мостовой?
2. С каким настроением читает актёр описание улицы в начале стихотворения и передаётся ли оно слушателям?
3. Что вы можете сказать об отношении актёра к прохожим, «зевакам»? Совпадает ли актёрское отношение к ним с авторским? Обоснуйте свой ответ цитатами из текста стихотворения.
4. Как вы думаете, почему случай с загнанной лошастью получил такой живой отклик в душе поэта? Что он хочет сказать фразой «все мы немножко лошади»?
5. Поэт не мог видеть, как лошадь «пришла весёлая, стала в стойло», почему же он уверен, что его участие и поддержка преобразили лошадь, сделали её молодой и весёлой?
6. Подготовьте выразительное чтение стихотворения.

Внеклассное чтение

Н. А. Некрасов. «Молодые лошади»; Б. А. Слуцкий. «Лошади в океане».

СТИХОТВОРЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПОЭТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

*Давид Самуилович
Самойлов
1920—1990*

Давид Самойлов — поэт фронтового поколения. Как и многие его сверстники, он со студенческой скамьи ушёл на фронт. Самым известным произведением поэта стало стихотворение «Сороковые». Это стихи о войне, о юности, о мечтах и испытаниях. Но написано это стихотворение не во время войны, не на фронте. Почти два десятилетия спустя поэт вспомнил «сороковые, роковые». Прошедшие годы, возмужание, жизненный опыт позволили поэту шире и глубже понять трагедию «свинцовых» и «пороховых» лет, с высоты зрелого возраста вспомнить себя, «худого, весёлого и задорного», вспомнить с тёплой грустью. Немножко иронично, насмешливо улыбнуться тому, как тогда, в сороковые, с девчонкой балагуря, пытался выглядеть опытнее и взрослее. Композиция стихотворения представляет собой смену кадров, как в кино. Сначала нам открывается общий вид, широкая панорама:

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещенья похоронные
И перестуки эшелонные.

Ощущение космической широты пространства подчёркивается словами «Просторно. Холодно. Высоко». И тут же возникает другой кадр — герой «в своей замурзанной ушанке». Так подчёркивается совпадение — великая трагедия и юность героя. И в конце стихотворения вновь панорама, но нет уже в интонации автора

ни торжественной трагедийности, ни иронической усмешки, а остаётся спокойное, чуть грустное понимание пережитого столкновения мечты и беды, юности и войны.

СОРОКОВЫЕ

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещенья похоронные
И перестуки эшелонные.

Гудят накатанные рельсы.
Просторно. Холодно. Высоко.
И погорельцы, погорельцы
Кочуют с запада к востоку...

А это я на полустанке
В своей замурзанной ушанке,
Где звёздочка не уставная,
А вырезанная из банки.

Да, это я на белом свете,
Худой, весёлый и задорный.
И у меня табак в кисете,
И у меня мундштук¹ наборный.

И я с девчонкой балагурю,
И больше нужного хромаю,
И пайку² надвое ломаю,
И всё на свете понимаю.

Как это было! Как совпало —
Война, беда, мечта и юность!
И это всё в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..

Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

¹ *Мундштук* — здесь: узкая часть табачной трубки.

² *Пайка (паёк)* — набор продуктов, предназначенный для питания военнослужащих.

Размышляем о прочитанном

1. Какими настроениями пронизано стихотворение Д. Самойлова? Как вместе с настроением меняется авторская интонация?
2. Обратите внимание на обилие эпитетов в первом четверостишии. Можно ли понять эмоциональный настрой автора и тему стихотворения, если прочитать вслух только эпитеты этого четверостишия?
3. Как вы думаете, почему так много слов, обозначающих пространство, во втором четверостишии («просторно», «высоко», «с запада к востоку»)?
4. С каким чувством вспоминает о себе юном поэт двадцать лет спустя?
5. Попросите своих близких рассказать вам о стихотворениях и песнях, посвящённых Великой Отечественной войне.

Фонохрестоматия (||| СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ |||)

«Сороковые»

1. Прослушайте внимательно первое и последнее четверостишия. Различаются ли они по звучанию, настроению, интонации? Если различаются, то чем? Дайте развёрнутый ответ на этот вопрос.
2. Подготовьте выразительное чтение стихотворения наизусть. Постарайтесь передать смену чувств и настроений автора.

Творческое задание

Перечитайте последнее четверостишие. О ком: о себе или о целом поколении — говорит поэт? Подготовьте развёрнутый ответ на этот вопрос.

Воспоминанием о давно прошедшем стало и стихотворение «Выезд». Но это воспоминание о ярких картинах, образах, звуках, мгновениях детства. О самых дорогих, близких, родных людях, молодых, красивых, радостных, таких, какими они должны быть в воспоминаниях о счастливой поре жизни.

ВЫЕЗД

Помню — папа ещё молодой,
Помню выезд, какие-то сборы.
И извозчик лихой, завитой,
Конь, пролётка, и кнут, и рессоры.

А в Москве — допотопный трамвай,
Где прицепом — старинная конка.
А над Екатерининским — грай.
Всё впечаталось в память ребёнка.

Помню — мама ещё молода,
Улыбается нашим соседям.
И куда-то мы едем. Куда?
Ах, куда-то, зачем-то мы едем...

А Москва высока и светла.
Суматоха Охотного ряда.
А потом — купола, купола.
И мы едем, всё едем куда-то.

Звонко цокает кованый конь
О булыжник в каком-то проезде.
Куполов угасает огонь,
Зажигаются свечи созвездий.

Папа молод. И мать молода,
Конь горяч, и пролётка крылата.
И мы едем незнамо куда —
Всё мы едем и едем куда-то.

Размышляем о прочитанном

1. В стихотворении воспроизведены яркие детские воспоминания взрослого человека. Что в тексте стихотворения указывает на это?
2. Какие звуки, краски, детали запечатлелись в памяти рассказчика?
3. Прочитайте первое и последнее четверостишие стихотворения. Меняются ли настроения, чувства, которые переданы в начале и в конце стихотворения? Если да, то, как вы думаете, почему?

Творческое задание

Попробуйте описать давно прошедшее яркое событие в вашей жизни, воспроизводя краски, звуки, чувства, ощущения, которые вы пережили во время этого события.

Учимся читать выразительно

Художественное чтение и задачи чтеца

Художественное чтение — искусство исполнительское.

У чтецов исключительные возможности выбора репертуара. От «Илиады» и «Слова о полку Игореве» до злободневного газетного фельетона — всё может быть воплощено в художественном слове. Но задача заключается не в том, чтобы «выразительно огласить» литературное произведение. На основе литературного материала чтец должен создать новое художественное произведение, отличающееся от первоисточника (точно так же, как спектакль отличается от пьесы).

Передать слушателям живую мысль в прочувствованных образах искусства, чтобы в определённом направлении воздействовать на аудиторию, — основная задача чтеца-художника. Поэтому исполнение должно быть понятным, впечатляющим и убедительным. Оно должно воздействовать на ум, чувство и волю слушателей; соответственно, в нём должны участвовать разум, чувство и воля исполнителя. Это возможно лишь тогда, когда чтец убеждён

в идейной и художественной полноценности литературного материала.

Путём внимательного изучения чтец должен определить все авторские указания, которые заключаются как в содержании, так и в форме произведения. Трактовка темы, образы героев, графическое расположение текста и многое другое следует рассматривать как указания автора, требующие определённого выполнения. Там, где чтец, лишённый трудолюбия, творческой чуткости и фантазии, увидит лишь одну возможность «докладывания текста», чтец-художник найдёт много различных способов интерпретации произведения и выберет из них тот, который наиболее близок его индивидуальности. Вследствие этого интерпретация одного и того же произведения будет различной у разных исполнителей.

Чтобы воплотить в звучащем слове любое литературное произведение, исполнителю-чтецу, помимо природной одарённости, необходимы общая культура, положительные знания, профессиональная оснащённость.

Исполняемое произведение, прежде всего, надо любить, сжить-ся с ним.

Умение проанализировать произведение, умение чётко поставить перед собой действенную задачу, умение подчинить этой задаче все художественные средства — вот фундамент правдивого исполнения.

Г. В. Артоболевский

Проверьте себя

Что необходимо помнить, по мнению известного чтеца Г. В. Артоболевского, перед чтением стихотворений вслух? На что надо обратить внимание в процессе подготовки художественного чтения литературного произведения?

*Евгений Александрович
Евтушенко
1933—2017*

Поэтический талант Евгения Евтушенко проявился рано: когда ему не исполнилось ещё и 20 лет, его первые стихи уже появились в печати.

Во время учёбы в Литературном институте им. М. Горького вышел его первый сборник стихов «Разведчики грядущего».

Как поэт Е. Евтушенко сложился в начале 1960-х годов. Он писал и любовную, и гражданскую лирику. Современникам запомнились его стихотворения «Бабий Яр», «Наследники Сталина», «Хотят ли русские войны?..», «Граждане, послушайте меня...» и др. Этим стихам свойственна высокая страстность и глубина чувств. Нередко в его стихах возникает трогательный и нравственно чистый образ России в её прошлом и настоящем. Поэзия Е. Евтушенко не только популярна, но сердечно любима многими поколениями читателей.

Прочитайте исполненное гражданского пафоса, взволнованного одушевления стихотворение Е. Евтушенко «Хотят ли русские войны?..».

* * *

М. Бернесу¹

Хотят ли русские войны?
 Спросите вы у тишины
 над ширью пашен и полей
 и у берёз и тополей.
 Спросите вы у тех солдат,
 что под берёзами лежат,
 и пусть вам скажут их сыны,
 хотят ли русские войны.

Не только за свою страну
 солдаты гибли в ту войну,
 а чтобы люди всей Земли
 спокойно видеть сны могли.
 Под шелест листьев и афиш
 ты спишь, Нью-Йорк, ты спишь, Париж.
 Пусть вам ответят ваши сны,
 хотят ли русские войны.

Да, мы умеем воевать,
 но не хотим, чтобы опять
 солдаты падали в бою
 на землю грустную свою.
 Спросите вы у матерей,
 спросите у жены моей,
 и вы тогда понять должны,
 хотят ли русские войны.

Размышляем о прочитанном

1. Стихотворение «Хотят ли русские войны?..» было написано в 1961 году. В том же году композитор Э. Колмановский переложил стихи на музыку. Впервые песня прозвучала тогда же в исполнении М. Бернеса.

Знакомы ли вы с песней на стихи поэта? Какую «ту войну» вспоминает поэт в стихотворении? Почему в 1961 году эти воспоминания имели особое звучание?

¹ Б е р н е с Марк Наумович (1911—1969) — советский актёр кино и исполнитель песен.

2. Можно ли сказать, что и сегодня текст песни остаётся современным? Подтвердите свой ответ строками из песни.
3. Выучите стихотворение наизусть и подготовьте к выразительному чтению в классе.

«Я разный — я натруженный и праздный. Я весь несовместимый, неудобный...» — писал о себе поэт Евгений Александрович Евтушенко. Да, он был очень разным, но это не означает, что он часто менялся, это свидетельствует о многогранности его таланта. Так, в стихотворении «Хотят ли русские войны?..» он оратор, остросовременный, злободневный. Совсем иная грань его таланта раскрыта в стихотворении «Русская природа».

РУССКАЯ ПРИРОДА

Как медленна ты, русская природа!
 Вода струится с медленностью мёда.
 Медленные мельницы,
 мельницы — медленницы...
 Природа русская, перед тобою, вещей,
 как жалок я с моею спешкой вечной!
 Не беготней, не суетой всечасной —
 ты побеждаешь медленностью властной.
 И вот я вижу роцу, свет процеживающую,
 сову, на ветке целый день просиживающую,
 её глаза судьбу мою таят.
 Где светофоры светятся гнилушечные,
 как городские фонари игрушечные,
 на тонких ножках ландыши стоят.
 Когда придёт мой срок,
 не будьте грустными,
 со мной расстаньтесь просто,
 не скорбя.
 Я не умру!
 Ты как природу русскую,
 природа русская,
 прими в себя!

Размышляем о прочитанном

1. Попробуйте прочитать первые четыре строки стихотворения быстрой скороговоркой. Вряд ли это у вас получится. Они звучат медленно, плавно, величаво. Какое отношение к родной природе поэт выразил в этих строках?
2. Какими художественными средствами поэт добивается величавой медленности стиха? (Обратите внимание на размер стиха, звукоряд.)
3. В стихотворении нет громких фраз о любви к родной природе, однако чувствуется глубокая кровная, нерасторжимая связь с ней. Благодаря каким словам в стихотворении достигается такой эффект?

Учимся читать выразительно

В стихотворении сменяют друг друга описания русской природы и размышления автора. Подготовьте выразительное чтение, подобрав особые интонации для передачи картин русской природы и философских размышлений автора.

ПРОЗА ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI ВЕКА, В ТОМ ЧИСЛЕ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

*Борис Львович
Васильев*
1924—2013

Летом 1941 года, когда началась война, Борис Васильев только окончил девятый класс. Несмотря на юный возраст ему удалось добровольцем уйти на фронт.

В составе истребительного комсомольского батальона он оказался под Смоленском в окружении. Это произошло в начале июля 1941 года. И только осенью, в октябре, ему удалось самостоятельно выйти из окружения.

Во время боёв под Вязьмой будущий писатель получает тяжелейшую контузию, после долгого лечения его направляют на учёбу в военную академию, которую он заканчивает уже в первые послевоенные годы, становится военным инженером. Но любовь к литературе, стремление к словесному творчеству оказались сильнее профессиональной военной службы. В 1954 году тридцатилетний капитан-инженер пишет рапорт об увольнении в запас.

Фронтной опыт жесточайшей войны, служба в армии в мирное время стали и темой, и содержанием пьес, киносценариев, рассказов, повестей, романов писателя Бориса Васильева. Многие познакомились с творчеством Васильева сначала как зрители художественных фильмов, снятых по его сценариям: «Офицеры», «А зори здесь тихие...», «Завтра была война», «В списках не значился». На сценах российских театров идут инсценировки произведений писателя.

Композитор Кирилл Молчанов написал оперу «Зори здесь тихие», которая с успехом шла на сценах музыкальных театров страны. Тема войны почти всегда присутствует в произведениях Бориса Васильева даже тогда, когда писатель обращается к событиям мирного времени (роман «Не стреляйте в белых лебедей», рассказ «Вы чьё, старичьё?»). Одним из таких произведений стал и рассказ «Экспонат № ...».

ЭКСПОНАТ № ...

(В сокращении)

Игорёк уходил ранним утром 2 октября 1941 года. В повестке значилось, что он «должен явиться к семи ноль-ноль, имея при себе...»

— Ложку да кружку, больше ничего не бери, — сказал сосед Володя. — Всё равно либо потеряешь, либо сопрут, либо сам бросишь.

Володя был всего на два года старше, но уже успел повоевать, получить тяжёлое ранение и после госпиталя долечивался дома у отца с матерью. А у Игоря отца не было, только мама, и поэтому мужские советы давал бывалый сосед:

— Ложку, главное, не забудь.

Этот разговор происходил накануне, вечером, а в то раннее утро Игоря провожала мама да женщины их коммуналки. Мама стояла в распахнутых дверях, прижав кулаки ко рту. По щекам её безостановочно текли слёзы, а из-за плеч выглядывали скорбные лица соседок.

Неделей раньше ушёл в ополчение¹ отец Володи; сам Володя, чтобы не смущать, уже спустился, уже ждал в подъезде, а Игорь вниз по лестнице уходил на войну, и женщины в бессловесной тоске глядели ему вслед. На мальчишеский стриженный затылок, на мальчишескую гибкую спину, на мальчишеские узкие плечи, которым предстояло прикрыть собой город Москву и их коммунальную квартиру на пять комнат и пять семей.

¹ *Ополчение* — войсковое формирование, создаваемое в условиях военного времени в помощь регулярной армии из гражданских лиц, освобождённых от действительной военной службы, на добровольных началах.

— Холодно, — гулко сказал снизу Володя. — Главное, не дрейфь, Игорёк. Но пасаран¹.

Было сумрачно, синий свет слабенькой лампочки в подъезде странно освещал маму, которая так хотела проводить его до военкомата, но не могла оставить работу, потому что сменщиц уже не было, а работа ещё была. И она потерянно стояла в дверях, отчаянно прижимая кулаки к безмолвному перекошенному рту, а из-за её судорожно сведённых плеч страшными провальными глазами глядели соседки: по два лица за каждым плечом. Игорь оглянулся в конце первого лестничного марша, но улыбнуться не смог, не до улыбок было в октябре того сорок первого. Но сказал, что все они тогда говорили:

— Я вернусь, мама.

Не вернулся.

И письмо Анна Федотовна получила всего одно-единственное: от 17 декабря; остальные — если были они — либо не дошли, либо где-то затерялись. Коротенькое письмо, написанное второпях химическим карандашом на листочке из ученической тетрадки в линейку.

«Дорогая мамочка! Бьём мы проклятых фрицев и в хвост и в гриву, только клочья летят...»

И об этой великой радости, об этом великом солдатском торжестве — всё письмо. Кроме нескольких строчек:

«...Да, а как там поживает Римма из соседнего подъезда? Если не эвакуировалась, спроси, может, письмо мне напишет? А то ребята во взводе получают, а мне совершенно не с кем вести переписку...»

И ещё, в самом конце:

«...Я здоров, всё нормально, воюю как все. Как ты-то там одна, мамочка?»

И последняя фраза — после «до свидания», после «целую крепко, твой сын Игорь»:

«...Скоро, очень скоро будет и на нашей улице праздник!»

Праздник был не скоро. Скоро пришло второе письмо. От сержанта Вадима Переплётчикова:

«Уважаемая Анна Федотовна! Дорогая мама моего незабвенного друга Игоря! Ваш сын был...»

¹ *Но пасаран* (исп. *No pasaran!* — «(Они) Не пройдут!») — лозунг, выражающий твёрдое намерение защищать свою позицию.

Был.

Был Игорь, Игорёк, Игорёчек. Был сыном, ребёнком, школьником, мальчишкой, солдатом. Хотел переписываться с соседской девочкой Риммой, хотел вернуться к маме, хотел дождаться праздника на нашей улице. И ещё жить он хотел. Очень хотел жить.

Три дня Анна Федотовна кричала и не верила, и коммуналка плакала и не верила, и сосед Володя, который уже считал дни, что оставались до Медкомиссии, ругался и не верил. А ещё через неделю пришла похоронка, и Анна Федотовна перестала кричать и рыдать навсегда.

Каждое утро — зимою и осенью ещё затемно — она шла на Савёловский вокзал, где работала сцепщиком вагонов, и каждый вечер — зимой и осенью уже затемно — возвращалась домой. Вообще-то до войны она работала счетоводом, но в сорок первом на железной дороге не хватало людей, и Анна Федотовна пошла туда добровольно да так потом там и осталась. Там давали рабочую карточку, кое-какой паёк, а за усталой, рано ссутулившейся спиной стояла коммуналка, из которой никто не уехал и в осень сорок первого. И мужчин не было, а дети были, и Анна Федотовна отдавала всю свою железнодорожную надбавку и половину рабочей карточки.

— Аня, всё-то зачем отдаёшь? Ты сама на себя в зеркало глянь.

— Не вам, соседки, детям. А в зеркало мы с вами и после войны не глянемся. Отгляделись.

Отгляделись, да не отплакались. Ещё шли похоронки, ещё не тускнели воспоминания, ещё не остыли подушки, и вместительная кухня горько справляла коммунальные поминки.

— Подружки, соседки, сестрички вы мои, помяните мужа моего Волкова Трофима Авдеевича. Я патефон его премиальный на сырец сменяла, на что мне теперь патефон. Поплачь и ты со мной, Аня, поплачь, родимая.

— Не могу, Маша. Сгорели слёзы мои.

А от Трофима Волкова трое «волчат» осталось. Трое, и старшему — девять. Какие уж тут слёзы, тут слёзы не помогут, тут только одно помочь способно: плечом к плечу. Живой женской стеной оградить от смерти детей. Валентина (мать Володи) плечом к Полине, проживавшей с дочкой

Розочкой в комнате, где прежде, ещё при старом режиме, находилась ванная: там прорубили узенькое окошко, света не хватало, и вся квартира Розочку Беляночкой звала. А Полина — плечом к Маше Волковой, за которой — трое, а Маша — к Любе-аптекарьше с близнецами Герой да Юрой: пятнадцать лет на двоих. А Люба — к Анне Федотовне, а та — опять к Валентине, к другому её плечу, и хоть некого ей было прикрывать, да дети — общие. Это матери у них разные и отцы, если живы, а сами дети — наши. Общие дети коммунальных квартир с переделанными под жильё ванными и кладовками, с заколоченными парадными подъездами ещё с той, с Гражданской войны, с общими коридорами и общими кухнями, на которых в те годы собирались вместе чаще всего по одной причине.

— Вот и моему срок вышел, подруги мои дорогие, — давилась слезами Полина, обнимая свою всегда серьёзную Розочку, которую полутёмная ванная да тёмные дни войны окончательно превратили в Беляночку. — Муж мой Василий Антонович пал храброй смертью, а где могила его, того нам с дочкой не писали. Выходит, что вся земля его могила.

Выпивала Анна Федотовна поминальную за общим столом, шла к себе, стелила постель и, перед тем как уснуть, обязательно перечитывала оба письма и похоронку. Дни складывались в недели, недели — в месяцы, месяцы — в годы; пришёл с войны ещё раз покалеченный Владимир, и это был единственный мужчина, кто вернулся в их коммуналку на пять комнат и пять вдов, не считая сирот. А за ним вскоре пришла Победа, возвращались из эвакуации, с фронтов и госпиталей москвичи, оживал город, и оживала вместе с ним коммуналка. Опять зазвучал смех и песни, и сосед Владимир женился на девушке Римме из соседнего подъезда.

— Как ты мог? — сквозь слёзы сдавленно спросила Анна Федотовна, когда он пригласил её на свадьбу. — Ведь с нею Игорёк переписываться мечтал, как же ты мог?..

— Прости нас, тетя Аня, — сказал Владимир и виновато вздохнул. — Мы всё понимаем, только ты всё-таки приди на свадьбу.

Время шло. Анна Федотовна по-прежнему утром уходила на работу, а вечером читала письма. Сначала это было

мучительно болезненной потребностью, позже — скорбной обязанностью, потом — привычной печалью, без которой ей было бы невозможно уснуть, а затем — ежевечерним непременно и чрезвычайно важным разговором с сыном. С Игорьком, так и оставшимся мальчишкой навсегда.

Она знала письма наизусть, а всё равно перед каждым сном неторопливо перечитывала их, всматриваясь в каждую букву. От ежевечерних этих чтений письма стали быстро ветшать, истираться, ломаться на сгибах, рваться по краям. Тогда Анна Федотовна сама, одним пальцем перепечатала их у знакомой машинистки, с которой когда-то — давным-давно, ещё с голоду двадцатых — вместе перебрались в Москву. Подруга сама рвалась перепечатать пожелтевшие листочки, но Анна Федотовна не разрешила и долго и неумело тюкала одним пальцем. Зато теперь у неё имелись отпечатанные копии, а сами письма хранились в шкатулке, где лежали дорогие пустяки: прядь Игоревых волос, зажим его пионерского галстука, значок «Ворошиловский стрелок» её мужа, нелепо погибшего ещё до войны, да несколько фотографий. А копии лежали в папке на тумбочке у изголовья: читая их перед сном, она каждый раз надеялась, что ей приснится Игорёк, но он приснился ей всего два раза.

Такова была её личная жизнь с декабря сорок первого. Но существовала и жизнь общая, сосредоточенная в общей кухне и общих газетах, в общей бедности и общих праздниках, в общих печалях, общих воспоминаниях и общих шумах. В эту коммунальную квартиру не вернулся не только Игорь: не вернулись отцы и мужья, но они были не просто старше её сына — они оказались жизненнее его, успев дать поросль, и эта поросль сейчас шумела, кричала, смеялась и плакала в общей квартире. А после Игоря остались учебники и старый велосипед на трёх колесах, тетрадка, куда он переписывал любимые стихи и важные изречения, да альбом с марками. Да ещё сама мать осталась: одинокая, почерневшая и разучившаяся рыдать после похоронки. Нет, громкоголосые соседи, сплочённые роковыми сороковыми да общими поминками, никогда не забывали об одинокой Анне Федотовне, и она никогда не забывала о них, но тёмная её сдержанность невольно приглушала звонкость подраставшего поколения, либо уже позабывше-

го, либо вообще не знавшего её Игорька. Всё было естественно, Анна Федотовна никогда ни на что не обижалась, но однажды серьёзная неприятность едва не промелькнула чёрной кошкой за их коммунальным столом.

Случилось это, когда Римма благополучно разрешилась в роддоме первенцем. К тому времени умерла мать Владимира, отец ещё в ноябре сорок первого погиб под Сходней в ополчении, и Владимир попросил Анну Федотовну быть вроде как посажёной матерью и бабкой на коммунальном торжестве. Анна Федотовна не просто сразу согласилась, но и обрадовалась — и потому, что не забыли о ней на чужих радостях, и потому, конечно, что знала Володю с детства, считала своим, почти родственником, дружила с его матерью и очень уважала отца. Но, радостно согласившись, тут же и почернела, и хотя ни слова не сказала, но Владимир понял, что подумала она при этом об Игоре. И вздохнул:

— Мы нашего парнишку Игорем назовём. Чтоб опять у нас в квартире Игорёк был.

Анна Федотовна впервые за много лет улыбнулась, и коммунальное празднество по поводу появления на свет нового Игорька прошло дружно и весело. Анна Федотовна сидела во главе стола, составленного из пяти разнокалиберных кухонных столиков, и соседи говорили тосты не только за младенца да молодых маму с папой, но и за неё, за названую бабуку, и — стоя, конечно, — за светлую память её сына, в честь которого и назвали только что родившегося гражданина.

А через неделю вернулась из роддома счастливая мать с младенцем на руках и с ходу объявила, что ни о каком Игоре и речи быть не может. Что, во-первых, она давно уже решила назвать своего первого Андреем в память погибшего на войне собственного отца, а во-вторых, имя Игорь теперь совершенно немодное. К счастью, все споры по этому поводу между Риммой и Владимиром происходили, когда Анна Федотовна была на работе; в конце концов, Римма, естественно, победила, но молодые родители, а заодно и соседи решили пока ничего не говорить Анне Федотовне. И дружно промолчали; спустя несколько дней Владимир зарегистрировал собственного сына как Андрея Владимировича, к вечеру опять устроили коммунальную складчину, на которой Римма и поведала Анне Федотовне

о тайной записи и показала новенькое свидетельство о рождении. Но Анна Федотовна глядела не в свежие корочки, а в счастливые глаза.

— А Игорёк мой, он ведь любил тебя, — сказала. — Переписываться мечтал.

— Да чего же переписываться, когда я в соседнем подъезде всю жизнь прожила? — улыбнулась Римма, но улыбка у неё получилась несмелой и почему-то виноватой. — И в школе мы одной учились, только он в десятом «Б», а я — в восьмом «А»...

— Будьте счастливы, — не дослушала Анна Федотовна. — И пусть сынок ваш никогда войны не узнает.

И ушла к себе.

Напрасно стучались, звали, просили — даже двери не открыла. И почти полгода с того вечера малыша старалась не замечать. А через полгода — суббота была — в глухую и, кажется, навеки притихшую комнату без стука ворвалась Римма с Андрейкой на руках.

— Тридцать девять у него! Володя на работе, а он — криком кричит. Я за «скорой» сбегая, а вы пока с ним тут...

— Погоди.

Анна Федотовна распеленала ребёнка, животик ему пощупала, вкатила клизму. Когда доктор приехал, Андрейка уже грохотал погремушкой у не признававшей его названной бабки на руках.

— Не умеешь ты ещё, Римма, — улыбнулась Анна Федотовна, когда врач уехал. — Придётся мне старое вспомнить. Ну-ка показывай, что сын ест, где спит да чем играет.

И с этого дня стала самой настоящей бабкой. Сама забирала Андрейку из яслей (сдавала его Римма, ей по времени получалось удобнее), кормила, гуляла с ним, купала, одевала и раздевала и учила молодую мамашу:

— Игрушек много не покупай, а то он всякий интерес потеряет. И на руки пореже бери. В крайнем случае только: пусть наш Андрейка к самостоятельности привыкает. Себя развлекать научиться — это, Римма, огромное дело.

— Анна Федотовна, бабушка наша дорогая, следующего мы непременно Игорьком назовём. Честное комсомольское!

Следующей родилась девочка, и назвали её Валентиной в честь матери Владимира — на этом уж Анна Федотовна настояла. А сама всё ждала и ждала, а её очередь всё не приходила и не приходила.

А время шло себе и шло. Росли дети — уже не просто названные, уже самые что ни на есть родные внуки Анны Федотовны, Андрюша и Валечка; выросли их родители Владимир Иванович и Римма Андреевна; старела, темнела, таяла на глазах и сама Анна Федотовна. Менялись жильцы в некогда плотно населённой коммунальной квартире: получали отдельное жильё, менялись, уезжали и переезжали, и только две семьи — Владимира и Риммы да одиночкой Анны Федотовны — не трогались с места. Владимир и Римма понимали, что Анна Федотовна ни за что не уедет из той комнаты, порог которой навсегда переступил её единственный сын, а дети — да и они сами — так привязались к осиротевшей старой женщине, что Владимир решительно отказывался от всех вариантов, настаивая дать им возможность улучшить свои жилищные условия за счёт освободившейся площади в этой же квартире. И к началу шестидесятых им в конце концов удалось заполучить всю пятикомнатную квартиру с учётом, что одну из комнат они вновь переделают в ванную, которой у них не было чуть ли не с Гражданской войны, одна — большая — остаётся за Анной Федотовной, а три они получают на все свои четыре прописанных головы. К тому времени, как было получено это разрешение, после всех перепланировок и ремонтов, связанных с восстановлением ванной комнаты, Анна Федотовна оформила пенсию, хотела пойти ещё поработать и...

— А внуки? — строго спросил на семейном совете Владимир Иванович. — Андрейке — девять, Валюшке — пять: вот она, самая святая твоя работа, тётя Аня.

— А жить нам вместе сам бог велел, — подхватила Римма. — У нас родители погибли, у вас — Игорёк, так давайте всю вашу пенсию в один котёл, и будем как одна семья.

— А мы и есть одна семья, — улыбнулся муж, и вопрос был решён.

Да, всё менялось в жизни, менялось, в общем, к лучшему, но одно оставалось неизменным: письма. Письмо Иго-

ря, сохранившее для неё не только его полудетский почерк, но и его голос; и письмо однополчанина и друга, звучавшее теперь как последний рассказ о сыне. Время коснулось и писем, но не только тленом, а как бы превратив слова в звуки: теперь она всё чаще и чаще совершенно ясно слышала то, что аккуратно перечитывала перед сном. Знала наизусть и слышала наизусть, а всё равно внимательно вглядывалась в каждую строчку и ни за что не смогла бы уснуть, если бы по какой-либо причине этот многолетний ритуал оказался бы нарушенным. Два перепечатанных письма и похоронка, которую она тоже знала наизусть, но которая тем не менее всегда оставалась безмолвной. В ней не звучало ни единого слова, да и не могло звучать, потому что похоронка всю жизнь воспринималась Анной Федотовной копией могильной плиты её сына, превращённой в листок казённой бумаги, но сохранившей при этом всю свою безмолвную гробовую тяжесть. <...>

И так продолжалось из года в год. Жили в бывшей коммунальной квартире единой семьёй: старшие работали, младшие учились. Анна Федотовна как могла помогала им работать и учиться, взяв на себя домашние хлопоты: готовить, накормить, убрать. После ужина смотрела с Владимиром и Риммой телевизор — старенький, с крохотным экраном «КВН», — а когда заканчивались передачи, уходила к себе, укладывалась в постель, доставала письма, и в её сиротской комнате начинали звучать голоса сорок первого года...

В 1965-м, к юбилею Победы, по телевидению начали передавать множество фильмов о войне — художественных и документальных, смонтированных из военной хроники тех лет. Обычно Анна Федотовна никогда их не смотрела: ещё шли титры, а она уже поднималась и уходила к себе. Не могла она заставить своё насквозь изъеденное тоской сердце обжигаться гибелью мальчиков, ровесников её сына, даже если это был фильм художественный и наземь красиво падали красивые актёры. Для неё это было не столько свидетельством смерти, сколько знаком смерти, ненавистным ей реальным оттиском реального убийства её единственного сына. И она уходила, ничего не объясняя, потому что и объяснять-то было некому: Владимир и Римма и без слов её отлично понимали.

Только однажды задержалась она в комнате дольше обычного. Уже шёл на крохотном кавээновском экране какой-то фильм о войне — сам по себе, собственно, шёл, никто его не смотрел. У одиннадцатилетней Валечки начало вдруг прогрессировать плоскостопие, её срочно показали специалисту, и тем вечером родители и Анна Федотовна горячо обсуждали рекомендации этого специалиста. И так этим увлеклись, что забыли про телевизор, на экране которого с приглушённым звуком (дети уже спали) демонстрировался какой-то документальный фильм. Анна Федотовна совершенно случайно глянула на экран — все её помыслы вертелись тогда вокруг Валечкиного плоскостопия, — но глянула и увидела уходящую от неё узкую мальчишескую спину в грязной шинели, с винтовкой и тощим вещмешком за плечами.

— Игорёк!.. Игорёк, смотрите!..

Но Игорёк (если это был он) снова ушёл, как ушёл почти четверть века назад — навсегда и без оглядки. И никто не знал, что это был за фильм, как он назывался и в какой рубрике телепрограмм его следует искать. Ничего не было известно и ничего невозможно было узнать, и поэтому Анна Федотовна отныне целыми днями сидела у телевизора, придвигаясь почти вплотную к малюсенькому экрану, как только начинались военные передачи. Теперь она смотрела всё, что касалось войны, — фильмы, хронику и даже телеспектакли, потому что в любой момент могла мелькнуть на экране мальчишеская спина в грязной шинели с винтовкой и вещмешком. Пережаривались на кухне котлеты, выкипали супы, редела Валечка из-за неглаженого фартука, хватал двойки уловивший вольготную полосу Андрейка, а Анна Федотовна, не отрываясь, всё смотрела и смотрела старенький громоздкий телевизор.

Не появлялась больше спина, ушедшая тревожной осенью сорок первого прикрывать Москву. А может, не его это была спина, не Игорька? Мало ли их, этих мальчишеских спин, ушло от нас навсегда, так и не оглянувшись ни разу? Это было вероятнее всего, это спокойно и рассудительно доказывал Владимир, об этом осторожно, исподволь нащёптывала Римма, но мать, не слушая доводов, упорно вглядывалась в экран.

— Ну что ты смотришь, что ты смотришь, это же Сталинградская битва!

— Оставь её, Володя. Тут наши уговоры не помогут.
<...>

Вот так в привычных дневных делах, вечернем чтении писем, предрассветных воспоминаниях и вечной непроглядной тьме и проходила её жизнь. Время текло с прежним безразличием к судьбам людским, равномерно отсчитывая падающие в никуда мгновения, но Анна Федотовна уже не замечала своего уходящего времени. Пережив где-то в шестьдесят прозрение в неизбежности скорого разрушения и скорого ухода из жизни, — то, что привычно именуется старостью, — она сохранила ясность ума и способность обходиться без посторонней помощи, потому что весь смысл её жизни был в прошлом. Всё настоящее было проходящим и быстротечным: тот небольшой объём домашней работы, который она оставила за собой; всё истинное, то, ради чего ещё стоило жить и терпеть, начиналось с вечернего чтения Танечки, короткого сна и заканчивалось бесконечно длинными и прекрасными воспоминаниями о сыне. Там, в этих воспоминаниях, она ощущала своё могущество: могла останавливать само время, поворачивать его вспять, вырывать из него любые куски и перетасовывать их по собственному желанию. Это было её личное, всею жизнью выстраданное царство, и если к ней допустимо применить понятие счастья, то Анна Федотовна была счастлива именно сейчас, на глубоком закате своей жизни.
<...>

А затем пришёл 1985 год. Год сорокалетия великой Победы.

К празднику готовились, его ждали, им заслуженно гордились. И снова по телевидению — только теперь несравненно больше, чем двадцать и десять лет назад, — пошли фильмы и хроника, песни и стихи, воспоминания и документы войны. И все, кроме Анны Федотовны, смотрели передачи цикла «Стратегия победы», а Анна Федотовна уходила к себе. Ей было больно и горько: только она, она одна могла узнать родную мальчишескую спину из далёкого сорок первого, но слепота навеки лишила её этой возможности. Возможности последнего чуда: увидеть перед смертью давно погибшего сына. <...>

— Бабуля, это к тебе, — громко и радостно объявила Танечка, входя в квартиру в сопровождении двух очень серьёзных девочек и одного ещё более серьёзного мальчика. — Ты покажи им всё и расскажи, ладно? А я побежала, я в музыкальную школу опаздываю. — И умчалась.

А слепая Анна Федотовна осталась на пороге кухни, не видя, но точно зная, что трое ребятшек застенчиво жмутся у порога.

— Раздевайтесь, — сказала. — И проходите в комнату прямо по коридору. Я сейчас приду к вам.

Гости чинно проследовали в её комнату, а она вернулась на кухню. Привычно домыла тарелки, с привычной осторожностью поставила их на сушилку и прошла к себе. Дети стояли у дверей, выстроившись в шеренгу; проходя, она легонько коснулась каждого пальцами, определяя, какие же они, её внезапные гости, обнаружила, что стоявшая первой девочка выше и крепче очень серьёзного мальчика, а последняя — маленькая и живая: она всё время качалась, шепталась и переминалась с ноги на ногу, поскрипывая туфельками. «Значит, очень уж ей туфельки нравятся, наверно, обновка, — подумала Анна Федотовна. — А высокая, видать, у них за старшую, потому-то парнишка и пыжится. Да ещё и волнуется, лоб у него в испарине». И, сразу же выяснив всё, села в кресло, которое досталось ей по наследству от матери теперь уж тоже покойного Владимира.

— Садитесь, кому где удобнее. И говорите, зачем пришли, по какому такому делу.

Кажется, дети так и не сели, но долго шушукались, подталкивая друг друга. Наконец мальчика, видать, вытолкнули в ораторы.

— Ваша внучка Таня со своей музыкальной школой выступала на сборе нашей пионерской дружины. А мы взяли почин: «Нет неизвестных героев». А она тогда сказала, что у вас фашисты убили сына Игоря и что он вам писал письма.

Мальчик выпалил всё единым духом и замолчал. Анна Федотовна обождала, но девочки молчали тоже, и тогда она уточнила:

— Игорь успел написать всего одно письмо. А второе написал после его смерти его товарищ Вадим Переплётчиков.

Протянула руку, взяла с привычного места — с тумбочки у изголовья — папку и достала оттуда листы. Зачитанные и ещё не очень зачитанные.

Протянула высокой девочке — Анна Федотовна ясно представляла, где она стоит сейчас, эта самая главная девочка.

— Здесь ещё уведомление о смерти.

Папку взяли и сразу же сгрудились над ней: Анне Федотовне показалось даже, как при этом стукнулись все три лба, и она улыбнулась. Пионеры пошущукались, но недолго, и большая девочка сказала с нескрываемым недоверием:

— Это же всё ненастоящее!

— Правильно, это копии, потому что настоящими письмами я очень дорожу, — пояснила Анна Федотовна, хотя ей не очень-то понравился тон. — Девочка... Та, которая маленькая, ты стоишь возле комода. Правда?

— Правда, — растерянно подтвердила маленькая. — А ваша внучка говорила, что вы ослепли от горя.

— Я научилась чувствовать, кто где стоит, — улыбнулась Анна Федотовна. — Открой верхний левый ящик. Там есть деревянная шкатулка. Достань её и передай мне.

Опять раздалось шушуканье, потом скрип выдвигаемого ящика, и тут же кто-то — Анна Федотовна определила, что мальчик, — положил на её руки шкатулку.

— Идите все сюда.

Они сгрудились вокруг: она ощутила их дыхание, теплоту их тел и точно знала, кто где разместился. Открыла шкатулку, бережно достала бесценные листочки.

— Вот, можете посмотреть. Здесь письмо моего сына Игоря, письмо его друга Вадима и... И похоронка. Так называлось тогда официальное уведомление о гибели человека на войне.

Дети долго разглядывали документы, шептались. Анна Федотовна слышала отдельные фразы: «А почему я? Ну почему? Ты — звеньевая...», «А потому, что у неё сын, а не дочь, понятно тебе? Если бы дочь, то я бы сама или Катя, а так ты должен...». Еле уловимый, но, видимо, горячий спор закончился тем, что мальчик нерешительно откашлялся и сказал:

— Вы должны передать эти документы нам. Пожалуйста.

— То есть как это? — почти весело удивилась она. — Эти письма касаются моего сына, почему же я должна передать их вам?

— Потому что у нас в школе организуется музей. Мы взяли торжественное обязательство к сорокалетию великой Победы.

— Я с удовольствием отдам вашему музею копии этих писем.

— А зачем нам ваши копии? — с вызывающей агрессией вклинилась вдруг звеньевая, и Анна Федотовна подивилась, каким официально-нечеловеческим может стать голос десятилетней девочки. — Нет, это даже очень интересно! Ведь копии — это же так просто, это же бумажка. В копии я могу написать, что моя бабушка — героиня «Молодой гвардии», ну и что? Возьмёт такую копию музей?

— Не возьмёт. — Анне Федотовне очень не понравился этот вызывающий, полный непонятной для неё претензии тон. — И вы не берите. И, пожалуйста, верните мне все документы.

Дети снова возбуждённо зашептались. В обычном состоянии для Анны Федотовны не составляло никакого труда расслышать, о чём это они там спорят, но сейчас она была расстроена и обижена и уже ни к чему не могла да и не хотела прислушиваться.

— Верните мне в руки документы.

— Бабушка, — впервые заговорила самая маленькая, и голосок у неё оказался совсем ещё детским. — Вы ведь очень, очень старенькая, правда ведь? А нам предстоит жить и воспитываться на примерах. А вдруг вам станет плохо, и тогда все ваши патриотические примеры могут для нас пропасть.

— Вот когда помру, тогда и забирайте, — угрюмо сказала Анна Федотовна. — Давайте письма. Долго ещё вам говорить?

— А если вы не скоро... — опять задиристо начала большая, но осеклась. — То есть я хочу сказать, что вы можете не успеть к сорокалетию великой Победы, а мы не можем. Мы взяли торжественное обязательство.

— Хочешь, значит, чтобы я до девятого мая померла? — усмехнулась Анна Федотовна. — Кто знает, кто знает. Только и тогда я не вам эти документы велю переслать,

а в другую школу. Туда, где мой Игорь учился: там, поди, тоже музей организуют.

Они молча отдали ей письма и похоронку. Анна Федотовна ощупала каждый листок, удостоверилась, что они подлинные, аккуратно сложила в шкатулку и сказала:

— Мальчик, поставь эту шкатулку в левый ящик комода. И плотно ящик задвинь. Плотно, чтобы я слышала.

Но слушала она сейчас плохо, потому что предыдущий разговор сильно обеспокоил её, удивил и обидел. Это ведь была не детская безгрешная откровенность: её совсем не по-детски, а крепко, по-взрослому прижимали к стене, требуя отдать её единственное сокровище.

— Трус несчастный, — вдруг отчётливо, с невероятным презрением сказала большая девочка. — Только пикни у нас.

— Всё равно нельзя. Всё равно, — горячо и непонятно зашептал мальчик.

— Молчи лучше! — громко оборвала звеньевая. — А то мы тебе такое устроим, что наплачешься. Верно, Катя?

Но и этот громкий голос пролетел мимо сознания Анны Федотовны. Она ждала скрипа задвигаемого ящика, вся была сосредоточена на этом скрипе и, когда наконец он раздался, вздохнула с облегчением:

— Ступайте, дети. Я очень устала.

— До свидания, — три раза по очереди сказали пионеры и направились к дверям. И оттуда мальчик спросил:

— Может быть, надо вызвать врача?

— Нет, спасибо тебе, ничего мне не надо.

Делегация молча удалилась.

Горечь и не очень понятная обида скоро оставили Анну Федотовну. «Да что с несмышлёнышей спрашивать, — думала она. — Что хочется, то и говорится, души-то чистые». И, примирившись, опять перебралась на кухню, где теперь проходила вся её деятельная жизнь: старалась не только мыть да прибирать, но и готовить, и была счастлива, когда все её дружно хвалили. И не догадывалась, что Римма тайком перемывает всю посуду и как может улучшает сваренные ею супы и борщи. Но сегодня Римма с утра уехала к старшему сыну Андрею, у которого заболел один из сорванцов, и поэтому кулинарные творения Анны Федотовны никто не корректировал. Конечно, виной её теперешних

промахов была не столько слепота, сколько возраст. Она забывала привычные дозировки и рецепты, сыпала много соли или не сыпала её вообще, а однажды спутала кастрюли, одновременно кипевшие на плите, и домашние получили довольно загадочное, но абсолютно несъедобное варево. Но старую женщину никто не обижал, и она пребывала в счастливом заблуждении, что и до сей поры не только не обременяет своих, но и приносит им существенную пользу.

Она вскоре позабыла о визите старательных пионеров — она вообще часто забывала то, что только что происходило, но прошлое помнила ясно и цепко, — но чем ближе к вечеру скатывался этот день, тем всё более явно ощущала она некую безадресную тревогу. И оттого, что тревога ощущалась безадресно, оттого, что Анна Федотовна никак не могла припомнить никакой даже косвенной её причины, ей делалось всё беспокойнее. Уже примчалась из музыкальной школы Татьяна, уже Анна Федотовна старательно покорила её, отправила заниматься, перемыла посуду, а тревожное беспокойство всё нарастало в ней.

— Переутомление, — определила Римма, когда по возвращении услышала смутную жалобу Анны Федотовны. — Ложись в постель, я сейчас Таньку пришлю, чтоб почитала.

— Не трогай ты её, Римма. Она только уроки учить села.

— Ну, сама почитаю. И о внуке расскажу. Простуда у него, в хоккей набегался, а панику развели...

К этому времени странность Анны Федотовны уже давно перестала быть тайной. То, чего она боялась, оказалось настолько тактично принятым всеми, что Анна Федотовна уже ничего не скрывала, а, наоборот, просила того, кто был посвободнее, десять минут почитать ей перед сном. Чаще всего это была Танечка, так как Валентина работала на полторы ставки, чтобы содержать семью с двумя пенсионерками и одной пионеркой, а Римма была по горло занята не только собственной семьёй, но и вечно простуженными мальчишками Андрея, жившего в новом районе, как назло, довольно далеко от их квартиры.

— «Я здоров, всё нормально, воюю как все, — читала Римма, тоже наизусть выучив все письма за эти длинные годы. — Как ты-то там одна, мамочка?..»

На этом месте с благоговейным спокойствием воспринимавшая ритуальное это чтение седая старуха вдруг подняла руку, и Римма удивлённо смолкла. Спросила после напряжённого странного молчания:

— Что случилось?

— Он чего-то не хотел, а они грозились, — невразумительно пробормотала Анна Федотовна, то ли всматриваясь, то ли вслушиваясь в себя.

— Кто он-то?

— Мальчик. Мальчик не хотел, а девочка его пугала. Он вроде отказывался — «не буду, мол, не буду», а та — «трус, мол, только скажи...» Римма! — Анна Федотовна вдруг привстала на кровати. — Римма, загляни в шкатулку. Загляни в шкатулку...

Не очень ещё понимая, но и не споря, Римма встала, выдвинула ящик комода, открыла шкатулку. Старуха напряжённо ждала, подавшись вперёд в судорожном напряжении.

— Нету? Ну? Что ты молчишь?

— Нету, — тихо сказала Римма. — Похоронка на месте, фотографии, значки, а писем нет. Ни Игорька, ни второго, друга его. Только одна похоронка.

— Только одна похоронка... — прохрипела Анна Федотовна, теряя сознание.

«Неотложка» приехала быстро, врачи вытащили Анну Федотовну из безвременья, объявили, что функции организма, в общем, не нарушены, что больной следует с недельку полежать и всё придёт в норму. Анна Федотовна молчала, ни на что не жаловалась и глядела невидящими глазами не только сквозь врачей, сквозь Римму, сквозь оказавшую ей первую помощь Валентину и перепуганную Танечку, даже не только сквозь стены родной и вечно для неё коммунальной квартиры, но, казалось, и сквозь само время. Сквозь всю толщу лет, что отделяли её сегодняшнюю от собственного сына.

— Я вернусь, мама.

Нет, не слышала она больше этих слов. Она ясно помнила, где, как и когда произнёс их Игорь, но голос его более не звучал в её душе.

— Идите, — с трудом, но вполне чётко и осознанно произнесла она, по-прежнему строго глядя в существ-

вующую только для неё даль. — Я засну. Я отдохну. Идите.

— Может, почитать... — робко начала Римма, но дочь одёрнула её: читать было нечего.

Они выключили свет и тихо вышли из комнаты. Потом угасли шаги, голоса, проскрипели двери, и всё стихло.

Анна Федотовна прикрыла слепые глаза, затаила дыхание, напряжённо прислушалась, но душа её молчала, и голос сына более не звучал в ней. Он угас, умер, погиб вторично, и теперь уже погиб навсегда. И, поняв это, старая, почти на полстолетия пережившая смерть единственного сына мать ощутила вдруг на дряблых, изрубленных глубокими морщинами щеках что-то тёплое. С трудом поднесла непослушную руку, коснулась щеки и поняла, что это — слёзы. Первые слёзы с того далёкого, отступившего на добрых пять десятков лет дня получения похоронки. Официального клочка бумаги со штампом и печатью, бесстрастно удостоверяющего, что её единственный сын действительно погиб, что нет более никаких надежд и что последнее, что ещё осталось ей, — это память о нём.

А от всей памяти оставили только похоронку. Разумом Анна Федотовна ещё понимала, что память нельзя украсть, но то — разум, а то — действительность, и в этой действительности одновременно с исчезновением писем сына и его друга исчезли и их голоса. Они более не звучали в ней, как ни напрягала она свою память, как ни прислушивалась, как ни умоляла сжалиться над нею и позволить ещё хотя бы разочек, один-единственный раз услышать родной голос.

Но было глухо и пусто. Нет, письма, пользуясь её слепотой, вынули не из шкатулки — их вынули из её души, и теперь ослепла и оглохла не только она, но и её душа.

— Господи...

И вдруг отчётливо и громко зазвучал голос. Не сына, другой: официальный, сухой, без интонаций, тепла и грусти, не говоривший, а докладывающий:

— ...уведомляем, что ваш сын рядовой Силантьев Игорь Иванович пал смертью храбрых восемнадцатого декабря одна тысяча девятьсот сорок первого года в бою под деревней Ракитовка Клинского района Московской области.

«Нет! Нет! Нет! Не надо! Не хочу», — беззвучно кричала она, но голос продолжал всё нарастать и нарастать в ней, заглушая её собственные беспомощные слова: «...что ваш сын рядовой Силантьев Игорь Иванович пал смертью храбрых... что ваш сын Игорь пал...», и голос уже гремел в ней, а по морщинистым щекам без перерыва, точно стремясь наверстать упущенное, текли слёзы.

И даже когда она умерла и перестала ощущать всё живое, голос ещё долго, очень долго звучал в её бездыханном теле, а слёзы всё медленнее и медленнее текли по щекам. Официальный холодный голос смерти и беспомощные тёплые слёзы матери.

А письма оказались в запаснике школьного музея. Пионерам вынесли благодарность за активный поиск, но места для их находки так и не нашлось, и письма Игоря и сержанта Переплётчикова отложили про запас, то есть попросту сунули в долгий ящик. Они и сейчас там, эти два письма с аккуратной пометкой: «ЭКСПОНАТ № ...» Лежат в ящике стола в красной папке с надписью: «ВТОРИЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ».

Размышляем о прочитанном

1. Почему писатель-фронтовик, обращаясь к теме войны, пишет о жизни в послевоенные годы?
2. Как вы думаете, почему в самом начале рассказа из уст приятеля Игоря прозвучала фраза «но пасаран»? Как это характеризует поколение юношей, ушедших после школы на фронт?
3. Перечитайте фрагмент письма Игоря: «Бьём мы проклятых фрицев и в хвост, и в гриву, только клочья летят...» Что это — мальчишеское хвастовство? Уточните, какая была ситуация в районе подмосковного Клина в середине декабря 1941 года.
4. В том же письме — желание переписываться с девушкой Риммой из соседнего подъезда. Как эти строки письма характеризуют Игоря? О чём говорят слова в письме, обращённые к матери?
5. Какой приём использовал писатель, закончив письмо Игоря словами «скоро будет и на нашей улице празд-

ник...» и начав письмо Вадима Переплётчикова словами: «Ваш сын был...»? Какое воздействие этот приём оказывает на читателя?

6. Каким художественным приёмом воспользовался автор рассказа для краткой и выразительной характеристики каждого из пионеров, пришедших к Анне Федотовне?
7. Почему разговор с пионерами сильно обидел героиню рассказа?
8. «Можно ли украсть память?» — задаёт вопрос писатель и своим рассказом отвечает на него. Почему так произошло, ведь музеи, в том числе школьные, должны её сохранять?

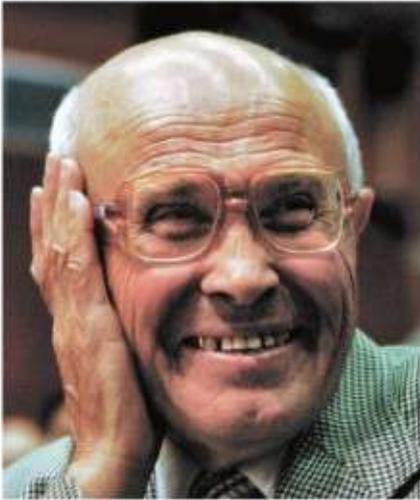
Творческое задание

Как вы думаете, могут ли быть «вторичные материалы к истории Великой Отечественной войны»?

Подготовьте развёрнутый письменный ответ на этот вопрос.

Борис Петрович
Екимов

Род. в 1938 году

Борис Екимов — известный российский писатель. Его рассказы и повести часто переиздаются центральными и местными издательствами России, многие из них переведены на иностранные языки, печатаются в разных странах мира. Чем же так интересны книги писателя, живущего в городе Калач-на-Дону Волгоградской области, отечественным и зарубежным читателям? На этот вопрос полно и точно ответил лауреат Нобелевской премии Александр Исаевич Солженицын: «Во множестве рассказов и очерков Екимов рисует мало кому знакомую обстановку нынешней сельской местности с её новым бытом, манящими возможностями и крутыми угрозами».

Рассказы Бориса Екимова давно пришли в школу, многие учителя обсуждают их со школьниками на уроках внеклассного чтения, о чём потом часто рассказывают на страницах журнала «Литература в школе». Об этом говорил и сам писатель в одном из интервью: «Недавно пришло письмо от учительницы из Казахстана. Она пишет, что сменилось уже несколько поколений учеников, но каждому обязательно читает рассказ „Ночь исцеления“. Сострадание к родителям, к их родителям, оказывается, свойственно молодым людям, надо только его разбудить».

Разбудить, сохранить, укрепить лучшие чувства, качества во взрослеющем человеке — одни из основных задач прозы Бориса Екимова.

Прочитайте рассказ «Ночь исцеления» и подготовьтесь к его обсуждению в классе.

НОЧЬ ИСЦЕЛЕНИЯ

Внук приехал и убежал с ребятами на лыжах кататься. А баба Дуня, разом оживев, резво суетилась в доме: варила щи, пирожки затевала, доставала варенья да компоты и поглядывала в окошко, не бежит ли Гриша.

К обеду внук заявился, поел, как подмёл, и снова умчался, теперь уже в лог¹, с коньками. И снова баба Дуня осталась одна. Но то было не одиночество. Лежала на диване рубашка внука, книжки его — на столе, сумка брошена у порога — всё не на месте, вразлад. И живым духом веяло в доме. Сын и дочь свили гнездо в городе и наезжали редко — хорошо, коли раз в год. Баба Дуня у них гостила не чаще и обыденкою² вечером возвращалась к дому. С одной стороны, за хату боялась: какое ни есть, а хозяйство, с другой...

Вторая причина была поважнее: с некоторых пор спала баба Дуня тревожно, разговаривала, а то и кричала во сне. В своей хате, дома, шуми хоть на весь белый свет. Кто услышит! А вот в гостях... Только улягутся и заснут, как забормочет баба Дуня, в голос заговорит, кого-то убеждает, просит так явственно в ночной тишине, а потом закричит: «Люди добрые! Спасите!!» Конечно, все просыпаются — и к бабе Дуне. А это сон у неё такой тревожный. Поговорят, поуспокаивают, валерьянки дадут и разойдутся. А через час то же самое: «Простите Христа ради! Простите!!» И снова квартира дыбом. Конечно, все понимали, что виновата старость и несладкая жизнь, какую баба Дуня провела. С войной и голодом. Понимать понимали, но от этого было не легче.

Приезжала баба Дуня — и взрослые, считай, ночь пролёт не спали. Хорошего мало. Водили её к врачам. Те прописывали лекарства. Ничего не помогало. И стала баба Дуня ездить к детям всё реже и реже, а потом лишь обыденкою: протрясётся два часа в автобусе, спросит про здоровье и назад. И к ней, в родительский дом, приезжали лишь в отпуск, по лету. Но вот внучек Гриша, в годы войдя, стал ездить чаще: на зимние каникулы, на Октябрьские праздники да Майские.

¹ Лог — широкий, длинный овраг с отлогими склонами.

² Обыденкою (обыденкой) (разг.) — в течение одного дня, одних суток.

Он зимой и летом рыбачил в Дону, грибы собирал, катался на коньках да лыжах, дружил с уличными ребятами, — словом, не скучал. Баба Дуня радовалась.

И нынче с Гришиным приездом она про хвори забыла. День летел невидя, в суете и заботах. Не успела оглянуться, а уж синело за окном, подступал вечер. Гриша заявился по-светлому. Загромыхал на крылечке, в хату влетел краснощёкий, с морозным духом и с порога заявил:

— Завтра на рыбалку! Берш¹ за мостом берётся. Дуром!

— Это хорошо, — одобрила баба Дуня. — Ушицей поладимся.

Гриша поужинал и сел разбирать снасти: мормышки² да блёсны проверял, на полдома разложив своё богатство. А баба Дуня устроилась на диване и глядела на внука, расспрашивая его о том о сём. Внук всё малым был да малым, а в последние год-два вдруг вытянулся, и баба Дуня с трудом признавала в этом длинноногом, большеруком подростке с чёрным пушком на губе косолапого Гришатку.

— Бабаня, я говорю, и можешь быть уверена. Будет уха и жарёха. Фирма веников не вяжет. Учти.

— С вениками правда плохо, — согласилась баба Дуня. — До трёх рублей на базаре.

Гриша рассмеялся:

— Я про рыбу.

— Про рыбу... У меня дядя рыбалил. Дядя Авдей. Мы на Картулях жили. Меня оттуда замуж брали. Так там рыбы...

Гриша сидел на полу, среди блёсен и лесок, длинные ноги — через всю комнатушку, от кровати до дивана. Он слушал, а потом заключил:

— Ничего, и мы завтра наловим: на уху и жарёху.

За окном солнце давно закатилось. Долго розовело небо. И уже светила луна половинкою, но так хорошо, ясно. Укладывались спать. Баба Дуня, совестясь, сказала:

— Ночью, може, я шуметь буду. Так ты разбуди.

Гриша отмахивался:

— Я, бабаня, ничего не слышу. Сплю мёртвым сном.

¹ *Берш* — рыба семейства окунёвых, схожая по внешнему виду с судаком.

² *Мормышка* — искусственная приманка для ловли рыбы, обычно каплеобразной формы, отлитая из свинца; разновидность блесны.

— Ну и слава Богу. А то вот я шумлю, дура старая. Ничего поделать не могу.

Заснули быстро, и баба Дуня, и внук.

Но среди ночи Гриша проснулся от крика:

— Помогите! Помогите, люди добрые!

Спросонья, во тьме он ничего не понял, и страх обуял его.

— Люди добрые! Карточки потеряла! Карточки в синем платочке завязаны! Может, кто поднял? — И смолкла.

Гриша уразумел, где он и что. Это кричала баба Дуня. Во тьме, в тишине так ясно слышалось тяжёлое бабушкино дыхание. Она словно продыхивалась, сил набиралась. И снова запричитала, пока не в голос:

— Карточки... Где карточки... В синем платочке... Люди добрые. Ребятишки... Петяня, Шурик, Таечка... Домой приду, они исть попросят... Хлебец дай, мамушка. А мамушка ихняя... — Баба Дуня запнулась, словно ошеломлённая, и закричала: — Люди добрые! Не дайте помереть! Петяня! Шура! Таечка! — Имена детей она словно выпекала, тонко и болезненно.

Гриша не выдержал, поднялся с постели, прошёл в бабушкину комнату.

— Бабаня! Бабаня! — позвал он. — Проснись...

Она проснулась, заворочалась:

— Гриша, ты? Разбудила тебя. Прости, Христа ради.

— Ты, бабаня, не на тот бок легла, на сердце.

— На сердце, на сердце... — послушно согласилась баба Дуня.

— Нельзя на сердце. Ты на правый ложись.

— Лягу, лягу...

Она чувствовала себя такой виноватой. Гриша вернулся к себе, лёг в постель. Баба Дуня ворочалась, вздыхала. Не сразу отступало то, что пришло во сне. Внук тоже не спал, лежал, угреваясь. Про карточки он знал. На них давали хлеб. Давно, в войну и после. А Петяня, о котором горевала бабушка, — это отец.

В жидкой тьме лунного полусвета темнели шкаф и этажерка. Стало думаться об утре, о рыбалке, и уже в полудрёме Гриша услышал бабушкино бормотание:

— Зима находит... Желудков запастись... Ребятишкам, детишкам... — бормотала баба Дуня. — Хлебца не хватает,

и желудками обойдёмся. Не отымайте, Христа ради... Не отымайте! — закричала она. — Хучь мешки отдайте! Мешки! — И рыдания оборвали крик.

Гриша вскочил с постели.

— Бабаня! Бабаня! — крикнул он и свет зажёл в кухне. — Бабаня, проснись!

Баба Дуня проснулась. Гриша наклонился над ней. В свете электрической лампочки засияли на бабушкином лице слёзы.

— Бабаня... — охнул Гриша. — Ты вправду плачешь? Так ведь это всё сон.

— Плачу, дура старая. Во сне, во сне...

— Но слёзы-то зачем настоящие? Ведь сон — неправда. Ты вот проснулась, и всё.

— Да это сейчас проснулась. А там...

— А чего тебе снилось?

— Снилось? Да нехорошее. Будто за желудями я ходила за Дон, на горы. Набрала в два мешка. А лесники на пароме отнимают. Вроде не положено. И мешки не отдают.

— А зачем тебе жёлуди?

— Кормиться. Мы их толкли, мучки чутók добавляли и чуреки¹ пекли, ели.

— Бабаня, тебе это только снится или это было? — спросил Гриша.

— Снится, — ответила баба Дуня. — Снится — и было. Не приведи, Господи. Не приведи... Ну, ложись иди ложись...

Гриша ушёл, и крепкий сон сморил его или баба Дуня больше не кричала, но до позднего утра он ничего не слышал. Утром ушёл на рыбалку и, как обещал, поймал пять хороших бершей, на уху и жарёху.

За обедом баба Дуня горевала:

— Не даю тебе спать... До двух раз булгачила². Старость.

— Бабаня, в голову не бери, — успокаивал её Гриша. — Выплюсь, какие мои годы...

¹ Чурек — на Кавказе и в Средней Азии: пресный хлеб в форме большой лепёшки.

² Булгáчить — беспокоить, будоражить, волновать.

Он пообедал и сразу стал собираться. А когда надел лыжный костюм, то стал ещё выше. И красив он был, в лыжной шапочке, такое милое лицо, мальчишечье, смуглое, с румянцем. Баба Дуня рядом с ним казалась совсем старой: согбенное, оплывающее тело, седая голова тряслась, и в глазах уже виделось что-то нездешнее. Гриша мельком, но явственно вспомнил лицо её в полутьме, в слезах. Воспоминание резануло по сердцу. Он поспешил уйти.

Во дворе ждали друзья. Рядом лежала степь. Чуть поодаль зеленели посадки сосны. Так хорошо было бежать там на лыжах. Смолистый дух проникал в кровь живительным холодком и, казалось, возносил над лыжнёй послушное тело. И легко было мчаться, словно парить. За соснами высились песчаные бугры — кучугуры, поросшие красноталом¹. Они шли холмистой грядой до самого Дона. Туда, к высоким задонским холмам, тоже заснеженным, тянуло. Манило к крутизне, когда наждаковый ветер высекает из глаз слезу, а ты летишь, чуть присев, узкими щёлочками глаз цепко ловишь впереди каждый бугорок и впадинку, чтобы встретить их, и тело твоё цепенеет в тряском лете. И наконец пулей вылетаешь на гладкую скатерть заснеженной реки и, расслабившись, выдохнув весь испуг, катишь и катишь спокойно, до середины Дона.

Этой ночью Гриша не слышал бабы Дуниных криков, хотя утром по лицу её понял, что она беспокойно спала.

— Не будила тебя? Ну и слава Богу...

Прошёл ещё день и ещё. А потом как-то к вечеру он ходил на почту, в город звонить. В разговоре мать спросила:

— Спать тебе баба Дуня даёт? — И посоветовала: — Она лишь начнёт с вечера говорить, а ты крикни: «Молчать!» Она перестает. Мы пробовали.

По пути домой стало думать о бабушке. Сейчас, со стороны, она казалась такой слабой и одинокой. А тут ещё эти ночи в слезах, словно наказание. Про старые годы вспоминал отец. Но для него они прошли. А для бабушки — нет. И с какой, верно, тягостью ждёт она ночи. Все

¹ *Краснотал* — кустарник или дерево из рода ив, с красно-бурыми побегами; красная верба.

люди прожили горькое и забыли. А у неё оно снова и снова. Но как помочь?

Свечерело. Солнце скрылось за прибрежными донскими холмами. Розовая кайма лежала за Доном, а по ней — редкий далёкий лес узорчатой чернью. В посёлке было тихо, лишь малые детишки смеялись, катаясь на салазках. Про бабушку думать было больно. Как помочь ей? Как мать советовала? Говорит, помогает. Вполне может и быть. Это ведь психика. Приказать, крикнуть — и перестанет. Гриша неторопливо шёл и шёл, раздумывая, и в душе его что-то теплело и таяло, что-то жгло и жгло. Весь вечер за ужином, а потом за книгой, у телевизора Гриша нет-нет да и вспоминал о прошедшем. Вспоминал и глядел на бабушку, думал: «Лишь бы не заснуть».

За ужином он пил крепкий чай, чтобы не сморило. Выпил чашку, другую, готовя себя к бессонной ночи. И пришла ночь. Потушили свет. Гриша не лёг, а сел в постели, дожидаясь своего часа. За окном светила луна. Снег белел. Чернели сараи. Баба Дуня скоро заснула, похрапывая. Гриша ждал. И когда наконец из комнаты бабушки донеслось ещё невнятное бормотание, он поднялся и пошёл. Свет в кухне зажгёт, встал возле кровати, чувствуя, как охватывает его невольная дрожь.

— Потеряла... Нет... Нету карточек... — бормотала баба Дуня ещё негромко. — Карточки... Где... Карточки... — И слёзы, слёзы подкатывали.

Гриша глубоко вздохнул, чтобы крикнуть громче, и даже ногу поднял — топнуть. Чтобы уж наверняка.

— Хлебные... карточки... — в тяжкой муке, со слезами выговаривала баба Дуня.

Сердце мальчика облилось жалостью и болью. Забыв обдуманное, он опустился на колени перед кроватью и стал убеждать, мягко, ласково:

— Вот ваши карточки, бабаня... В синем платочке, да? ваши в синем платочке? Это ваши, вы обронили. А я поднял. Вот видите, возьмите, — настойчиво повторял он. — Все целые, берите...

Баба Дуня смолкла. Видимо, там, во сне, она всё слышала и понимала. Не сразу пришли слова. Но пришли:

— Мои, мои... Платочек мой, синий. Люди скажут. Мои карточки, я обронила. Спаси Христос, добрый человек...

По голосу её Гриша понял, что сейчас она заплачет.

— Не надо плакать, — громко сказал он. — Карточки целые. Зачем же плакать? Возьмите хлеба и несите детишкам. Несите, поужинайте и ложитесь спать, — говорил он, словно приказывал. — И спите спокойно. Спите.

Баба Дуня смолкла.

Гриша подождал, послушал ровное бабушкино дыхание, поднялся. Его бил озноб. Какой-то холод пронизывал до костей. И нельзя было согреться. Печка была ещё тепла. Он сидел у печки и плакал. Слезы катились и катились. Они шли от сердца, потому что сердце болело и ныло, жалея бабу Дуню и кого-то ещё... Он не спал, но находился в странном забытии, словно в годах далёких, иных, и в жизни чужой, и виделось ему там, в этой жизни, такое горькое, такая беда и печаль, что он не мог не плакать. И он плакал, вытирая слёзы кулаком. Но как только баба Дуня заговорила, он забыл обо всём. Ясной стала голова, и ушла из тела дрожь. К бабе Дуне он подошёл вовремя.

— Документ есть, есть документ... вот он... — дрожащим голосом говорила она. — К мужу в госпиталь пробираюсь. А ночь на дворе. Пустите переночевать.

Гриша словно увидел тёмную улицу и женщину во тьме и распахнул ей навстречу дверь.

— Конечно, пустим. Проходите, пожалуйста. Проходите. Не нужен ваш документ.

— Документ есть! — выкрикнула баба Дуня.

Гриша понял, что надо брать документ.

— Хорошо, давайте. Так... Ясно. Очень хороший документ. Правильный. С фотокарточкой, с печатью.

— Правильный... — облегчённо вздохнула баба Дуня.

— Всё сходится. Проходите.

— Мне бы на полу. Лишь до утра. Переждать.

— Никакого пола. Вот кровать. Спите спокойно. Спите. Спите. На бочок и спите.

Баба Дуня послушно повернулась на правый бок, положила под голову ладошку и заснула. Теперь уже до утра. Гриша посидел над ней, поднялся, потушил в кухне свет. Кособокая луна, опускаясь, глядела в окно. Белел снег, посверкивая живыми искрами. Гриша лёг в постель, предвкушая, как завтра расскажет бабушке и как они вместе... Но вдруг обожгло его ясной мыслью: нельзя говорить. Он от-

чётливо понял — ни слова, ни даже намёка. Это должно остаться и умереть в нём. Нужно делать и молчать. За-втрашнюю ночь и ту, что будет за ней. Нужно делать и молчать. И придёт исцеление.

Размышляем о прочитанном

1. Какое впечатление произвёл на вас рассказ? Какие чувства вы испытывали по ходу чтения к героям рассказа, как они менялись?
2. Как родственники относились к болезни бабы Дуни? Почему их попытки помочь ей оказывались бесполезными?
3. Какие события в жизни героини рассказа стали причиной её недуга?
4. Что мать посоветовала Грише сделать, чтобы бабушка не кричала во сне? Почему он не смог последовать совету матери?
5. Как поступил внук, чтобы помочь бабушке? Какие нашёл слова, чтобы избавить её от ночных кошмаров?
6. Почему Гриша решил днём ничего не рассказывать бабушке о ночных диалогах?
7. Как вы понимаете название рассказа? О чём исцелении идёт речь, только ли о бабушкином?

Валентин Григорьевич
Распутин
1937—2015

Чем человек умнее и добрее, тем больше он замечает добра в людях.

Л. Н. Толстой

Уроки доброты

Этот рассказ, когда он впервые появился в книжке, помог мне разыскать мою учительницу Лидию Михайловну. Она купила мою книжку, узнала в авторе меня, а в героине рассказа себя и написала мне.

Удивительно, но Лидия Михайловна, оказывается, не помнит, что она похожим же, как в рассказе, образом отправляла мне посылку с макаронами. Я это прекрасно помню и ошибаться не могу: было. Меня сначала поразило: как же так — не помнит?! Как можно такое забыть?! Но, поразмыслив, я понял, что удивительного тут в сущности нет ничего: истинное добро со стороны того, кто творит его, имеет меньшую память, чем со стороны того, кто его принимает. Так и должно быть. На то оно и добро, чтобы не искать прямой отдачи (я помог тебе — изволь и ты мне помогать), а быть бескорыстным и уверенным в своей тихой чудодейственной силе. И если, уйдя от человека, добро возвращается к нему через много лет совсем с другой стороны, тем больше оно обошло людей и тем шире был круг его действия.

Вы уже догадались, очевидно, что это в немалой степени автобиографический рассказ, то есть такой, где автор описывает события из своей жизни. Для чего он это делает? Вовсе не из-за недостатка воображения, как может показаться, и не из тщеславного желания, пользуясь своим положением писателя, непременно рассказать обо всём, что он пережил. Есть такие понятия: духовная память и духовный опыт человека, которые должны присутствовать в каждом из нас, независимо от нашего возраста.

Это то главное и как бы высшее, дающее нам нравственное¹ направление наперёд, что мы выносим из событий своей жизни и что представляет интерес не только для нас одних. Когда такое происходит и когда моральное извлечение из внешних событий представляется нам важным, мы, естественно, хотим поделиться им с другими людьми.

Вот так и случилось, что спустя более чем двадцать лет я сел за стол и стал вспоминать, что было когда-то со мной, пятиклассником, мальчишкой из глухой сибирской деревни. Вернее, стал записывать то, что никогда и не забывалось, что постоянно просилось во мне на люди. Я написал этот рассказ в надежде, что преподанные мне в своё время уроки лягут на душу как маленького, так и взрослого читателя.

Валентин Распутин

Проверьте себя

1. Что такое духовная память, духовный опыт человека? Как вы это понимаете?
2. Что заставило В. Распутина написать рассказ «Уроки французского»?

Из истории создания рассказа «Уроки французского»

«...Рассказ, героиней которого стала Лидия Михайловна, я посвятил другой учительнице — Анастасии Прокопьевне Копыловой...

Рассказ „Уроки французского“ был впервые опубликован в 1973 году в нашей иркутской комсомольской газете „Советская молодёжь“ в номере, посвящённом памяти Александра Вампилова². Анастасия Прокопьевна — его мать. Глядя в лицо этой удивительной женщины, не старевшей, доброй и мудрой, не раз вспоминал я и свою учительницу и знал, что детям было хорошо и с той и с другой».

В. Г. Распутин

¹ *Нравственное* — относящееся к внутренней, духовной жизни человека, к его морали.

² Вампилов Александр Валентинович (1937—1972) — российский драматург и прозаик.

УРОКИ ФРАНЦУЗСКОГО

Анастасии Прокопьевне Копыловой

Странно: почему мы так же, как и перед родителями, всякий раз чувствуем свою вину перед учителями? И не за то вовсе, что было в школе, — нет, а за то, что случилось с нами после.

* * *

Я пошёл в пятый класс в сорок восьмом году. Правильней сказать, поехал: у нас в деревне была только начальная школа, поэтому, чтобы учиться дальше, мне пришлось снаряжаться из дому за пятьдесят километров в райцентр. За неделю раньше туда съездила мать, уговорилась со своей знакомой, что я буду квартировать у неё, а в последний день августа дядя Ваня, шофёр единственной в колхозе полуторки, выгрузил меня на улице Подкаменной, где мне предстояло жить, помог занести в дом узел с постелью, ободряюще похлопал на прощанье по плечу и укатил. Так, в одиннадцать лет, началась моя самостоятельная жизнь.

Голод в тот год ещё не отпустил, а нас у матери было трое, я самый старший. Весной, когда пришлось особенно туго, я глотал сам и заставлял глотать сестрёнку глазки проросшей картошки и зёрна овса и ржи, чтобы развести посадки в животе, — тогда не придётся всё время думать о еде. Всё лето мы старательно поливали свои семена чистой ангарской водичкой, но урожая почему-то не дождались или он был настолько мал, что мы его не почувствовали. Впрочем, я думаю, что затея эта не совсем бесполезная и человеку когда-нибудь ещё пригодится, а мы по неопытности что-то там делали неверно.

Трудно сказать, как решилась мать отпустить меня в район (райцентр у нас называли районом). Жили мы без отца, жили совсем плохо, и она, видно, рассудила, что хуже уже не будет — некуда. Учился я хорошо, в школу ходил с удовольствием и в деревне признавался за грамотея: писал за старух и читал письма, перебрал все книжки, которые оказались в нашей неказистой библиотеке, и по вечерам рассказывал из них ребятам всякие истории, больше того добавляя от себя. Но особенно в меня верили, когда дело касалось облигаций. Их за войну у людей скопи-

лось много, таблицы выигрышей приходили часто, и тогда облигации несли ко мне. Считалось, что у меня счастливый глаз. Выигрыши и правда случались, чаще всего мелкие, но колхозник в те годы рад был любой копейке, а тут из моих рук сваливалась и совсем нечаянная удача. Радость от неё несколько перепадала и мне. Меня выделяли из деревенской ребятни, даже подкармливали: однажды дядя Илья, в общем-то скупой, прижимистый старик, выиграв четыреста рублей, сгоряча нагрёб мне ведро картошки — под весну это было немалое богатство.

И всё потому же, что я разбирался в номерах облигаций, матери говорили:

— Башковитый у тебя парень растёт. Ты это... давай учи его. Грамота зря не пропадёт.

И мать, наперекор всем несчастьям, собрала меня, хотя до того никто из нашей деревни в районе не учился. Я был первый. Да я и не понимал как следует, что мне предстоит, какие испытания ждут меня, голубчика, на новом месте.

Учился я и тут хорошо. Что мне оставалось? — Затем я сюда и приехал, другого дела у меня здесь не было, а относиться спустя рукава к тому, что на меня возлагалось, я тогда ещё не умел. Едва ли осмелился бы я пойти в школу, останься у меня невыученным хоть один урок, поэтому по всем предметам, кроме французского, у меня держались пятёрки.

С французским у меня не ладилось из-за произношения. Я легко запоминал слова и обороты, быстро переводил, прекрасно справлялся с трудностями правописания, но произношение с головой выдавало всё моё ангарское происхождение вплоть до последнего колена, где никто сроду не выговаривал иностранных слов, если вообще подозревал об их существовании. Я шпарил по-французски на манер наших деревенских скороговорок, половину звуков за ненадобностью проглатывая, а вторую половину выпаливал короткими лающими очередями. Лидия Михайловна, учительница французского, слушая меня, бессильно морщилась и закрывала глаза. Ничего подобного она, конечно, не слыживала. Снова и снова она показывала, как произносятся носовые, сочетания гласных, просила повторять, — я терялся, язык у меня во рту деревенел и не двигался. Всё было впустую. Но самое страшное начиналось, когда я при-

ходил из школы. Там я невольно отвлекался, всё время вынужден был что-то делать, там меня тормозили ребята, вместе с ними — хочешь не хочешь — приходилось двигаться, играть, а на уроках — работать. Но едва я оставался один, сразу наваливалась тоска — тоска по дому, по деревне. Никогда раньше даже на день я не отлучался из семьи и, конечно, не был готов к тому, чтобы жить среди чужих людей. Так мне было плохо, так горько и постыло! — хуже всякой болезни. Хотелось только одного, мечталось об одном — домой и домой. Я сильно похудел: мать, приехавшая в конце сентября, испугалась за меня. При ней я крепился, не жаловался и не плакал, но когда она стала уезжать, не выдержал и с рёвом погнался за машиной. Мать махала мне рукой из кузова, чтобы я отстал, не позорил себя и её, — я ничего не понимал. Тогда она решилась и остановила машину.

— Собирайся, — потребовала она, когда я подошёл. — Хватит, отучился, поедем домой.

Я опомнился и убежал.

Но похудел я не только из-за тоски по дому. К тому же ещё я постоянно недоедал. Осенью, пока дядя Ваня возил на своей полуторке хлеб в Заготзерно, стоявшее неподалёку от райцентра, еду мне посылали довольно часто, примерно раз в неделю. Но вся беда в том, что мне её не хватало. Ничего там не было, кроме хлеба и картошки, изредка мать набивала в баночку творогу, который у кого-то под что-то брала: корову она не держала. Привезут — кажется, много,хватишься через два дня — пусто. Я очень скоро стал замечать, что добрая половина моего хлеба куда-то самым таинственным образом исчезает. Проверил — так и есть: был — нету. То же самое творилось с картошкой. Кто потаскивал — тётя Надя ли, крикливая, замотанная женщина, которая одна мыкалась с тремя ребятишками, кто-то из её старших девчонок или младший, Федька, — я не знал, я боялся даже думать об этом, не то что следить. Обидно было только, что мать ради меня отрывает последнее от своих, от сестрёнки с братишкой, а оно всё равно идёт мимо. Но я заставил себя смириться и с этим. Легче матери не станет, если она услышит правду.

Голод здесь совсем не походил на голод в деревне. Там всегда, и особенно осенью, можно было что-то перехватить,

сорвать, выкопать, поднять, в Ангаре ходила рыба, в лесу летала птица. Тут для меня всё вокруг было пусто: чужие люди, чужие огороды, чужая земля. Небольшую речушку на десять рядов процеживали бреднями. Я как-то в воскресенье просидел с удочкой весь день и поймал трёх маленьких, с чайную ложку, пескариков — от такой рыбалки тоже не раздобреешь. Больше не ходил — что зря время переводить! По вечерам околачивался у чайной, на базаре, запоминая, что почём продают, давился слюной и шёл ни с чем обратно. На плите у тёти Нади стоял горячий чайник; пошвырвав гольного кипяточку и согрев желудок, ложился спать. Утром опять в школу. Так и дотягивал до того счастливого часа, когда к воротам подъезжала полуторка и в дверь стучал дядя Ваня. Наголодавшись и зная, что харч мой всё равно долго не продержится, как бы я его ни экономил, я наедался до отвала, до рези в животе, а затем, через день или два, снова подсаживал зубы на полку.

* * *

Однажды, ещё в сентябре, Федька спросил у меня:

— Ты в «чику» играть не боишься?

— В какую «чику»? — не понял я.

— Игра такая. На деньги. Если деньги есть, пойдём сыграем.

— Нету.

— И у меня нету. Пойдём так, хоть посмотрим. Увидишь, как здорово.

Федька повёл меня за огороды. Мы прошли по краю продолговатого, грядой, холма, сплошь заросшего крапивой, уже чёрной, спутанной, с отвисшими ядовитыми гроздьями семян, перебрались, прыгая по кучам, через старую свалку и в низинке, на чистой и ровной небольшой поляне, увидели ребят. Мы подошли. Ребята насторожились. Все они были примерно тех же лет, что и я, кроме одного — рослого и крепкого, заметного своей силой и властью, парня с длинной рыжей чёлкой. Я вспомнил: он ходил в седьмой класс.

— Этого ещё зачем привёл? — недовольно сказал он Федьке.

— Он свой, Вадик, свой, — стал оправдываться Федька. — Он у нас живёт.

- Играть будешь? — спросил меня Вадик.
- Денег нету.
- Гляди, не вякни кому, что мы здесь.
- Вот ещё! — обиделся я.

Больше на меня не обращали внимания, я отошёл в сторонку и стал наблюдать. Играли не все — то шестеро, то семеро, остальные только глазели, болея в основном за Вадика. Хозяиничал здесь он, это я понял сразу.

Разобраться в игре ничего не стоило. Каждый выкладывал на кон по десять копеек, стопку монет решками вверх опускали на площадку, ограниченную жирной чертой метра в двух от кассы, а с другой стороны, от валуна, вросшего в землю и служившего упором для передней ноги, бросали круглую каменную шайбу. Бросать её надо было с тем расчётом, чтобы она как можно ближе подкатилась к черте, но не вышла за неё, — тогда ты получал право первым разбивать кассу. Били всё той же шайбой, стараясь перевернуть монеты на орла. Перевернул — твоя, бей дальше, нет — отдай это право следующему. Но важней всего считалось ещё при броске накрыть шайбой монеты, и если хоть одна из них оказывалась на орле, вся касса без разговоров переходила в твой карман, и игра начиналась снова.

Вадик хитрил. Он шёл к валуну после всех, когда полная картина очерёдности была у него перед глазами и он видел, куда бросать, чтобы выйти вперёд. Деньги доставались первым, до последних они доходили редко. Наверное, все понимали, что Вадик хитрит, но сказать ему об этом никто не смел. Правда, и играл он хорошо. Подходя к камню, чуть приседал, прищурившись, наводил шайбу на цель и неторопливо, плавно выпрямлялся — шайба выскальзывала из его руки и летела туда, куда он метил. Быстрым движением головы он забрасывал съехавшую чёлку наверх, небрежно сплёвывал в сторону, показывая, что дело сделано, и ленивым, нарочито замедленным шагом ступал к деньгам. Если они были в куче, бил резко, со звоном, одиночные же монетки трогал шайбой осторожно, с накатиком, чтобы монетка не билась и не крутилась в воздухе, а, не поднимаясь высоко, всего лишь переваливалась на другую сторону. Никто больше так не умел. Ребята лупили наобум и доставали новые монеты, а кому нечего было доставать, переходили в зрители.

Мне казалось, что, будь у меня деньги, я бы смог играть. В деревне мы возились с бабками, но и там нужен точный глаз. А я, кроме того, любил придумывать для себя забавы на меткость: наберу горсть камней, отыщу цель потруднее и бросаю в неё до тех пор, пока не добьюсь полного результата — десять из десяти. Бросал и сверху, из-за плеча, и снизу, навешивая камень над целью. Так что кой-какая сноровка у меня была. Не было денег.

Мать потому и отправляла мне хлеб, что денег у нас не водилось, иначе я покупал бы его и здесь. Откуда им в колхозе взяться? Всё же раза два она подкладывала мне в письмо по пятёрке — на молоко. На теперешние это пятьдесят копеек, не разживёшься, но всё равно деньги, на них на базаре можно было купить пять пол-литровых баночек молока, по рублю за баночку. Молоко мне наказано пить от малокровия, у меня часто ни с того ни с сего принималась вдруг кружиться голова.

Но, получив пятёрку в третий раз, я не пошёл за молоком, а разменял её на мелочь и отправился на свалку. Место здесь было выбрано с толком, ничего не скажешь: полянка, замкнутая холмами, ниоткуда не просматривалась. В селе, на виду у взрослых, за такие игры гоняли, грозили директором и милицией. Тут нам никто не мешал. И недалеко, за десять минут добежишь.

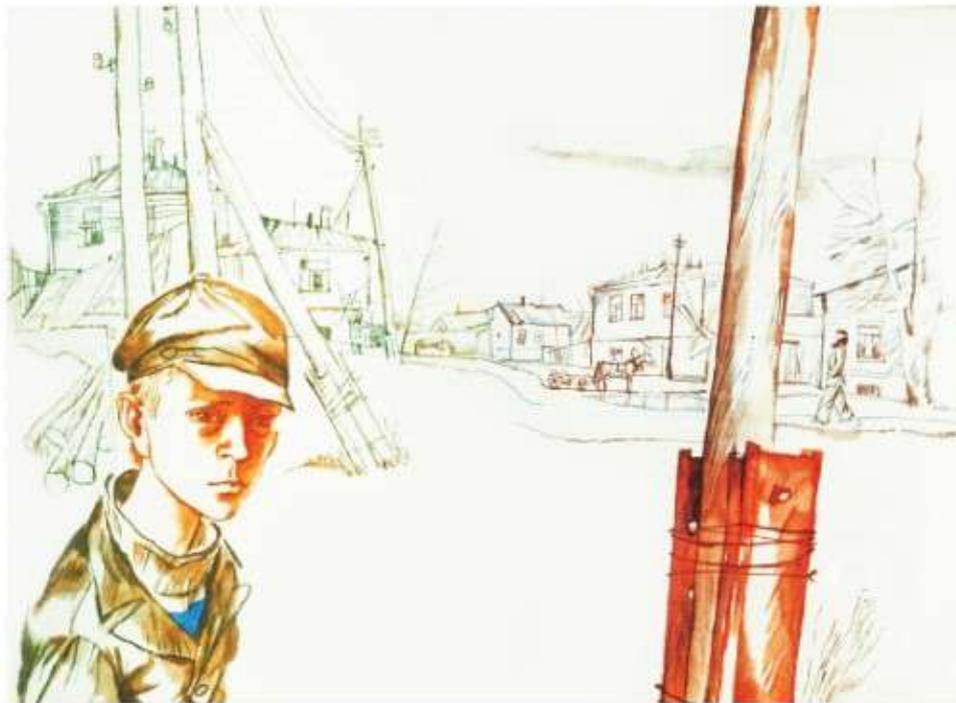
В первый раз я спустил девяносто копеек, во второй — шестьдесят. Денег было, конечно, жалко, но я чувствовал, что приноравливаюсь к игре, рука постепенно привыкала к шайбе, училась отпускать для броска ровно столько силы, сколько требовалось, чтобы шайба прошла верно, глаза тоже учились заранее знать, куда она упадёт и сколько ещё прокатится по земле. По вечерам, когда все расходились, я снова возвращался сюда, доставал из-под камня спрятанную Вадиком шайбу, выгребал из кармана свою мелочь и бросал, пока не темнело. Я добился того, что из десяти бросков три или четыре угадывали точно на деньги.

И наконец наступил день, когда я остался в выигрыше.

Осень стояла тёплая и сухая. Ещё и в октябре пригревало так, что можно было ходить в рубашке, дожди выпадали редко и казались случайными, ненароком занесёнными откуда-то из непогоды слабым попутным ветерком. Небо синело совсем по-летнему, но стало словно бы уже,

и солнце заходило рано. Над холмами в чистые часы курился воздух, разнося горьковатый, дурманящий запах сухой полыни, ясно звучали дальние голоса, кричали отлетающие птицы. Трава на нашей полянке, пожелтевшая и сморённая, всё же осталась живой и мягкой, на ней возились свободные от игры, а лучше сказать, проигравшиеся ребята.

Теперь каждый день после школы я прибежал сюда. Ребята менялись, появлялись новички, и только Вадик не пропускал ни одной игры. Она без него и не начиналась. За Вадиком, как тень, следовал большеголовый, стриженный под машинку, коренастый парень, по прозвищу Птаха. В школе я Птаху до этого не встречал, но, забегая вперёд, скажу, что в третьей четверти он вдруг, как снег на голову, свалился на наш класс. Оказывается, остался в пятом на второй год и под каким-то предлогом устроил себе до января каникулы. Птаха тоже обычно выигрывал, хоть и не так, как Вадик, поменьше, но в убытке не оставался. Да потому, наверно, и не оставался, что был заодно с Вадиком и тот ему потихоньку помогал.

«Уроки французского». Художник В. Гальдяев

Из нашего класса на полянку иногда набегал Тишкин, суетливый, с моргающими глазёнками мальчишка, любивший на уроках поднимать руку. Знает, не знает — всё равно тянет. Вызовут — молчит.

— Что ж ты руку поднимал? — спрашивают Тишкина.

Он шлёпал своими глазёнками:

— Я помнил, а пока вставал, забыл.

Я с ним не дружил. От робости, молчаливости, излишней деревенской замкнутости, а главное — от дикой тоски по дому, не оставлявшей во мне никаких желаний, ни с кем из ребят я тогда ещё не сошёлся. Их ко мне тоже не тянуло, я оставался один, не понимая и не выделяя из горького своего положения одиночества: один — потому что здесь, а не дома, не в деревне, там у меня товарищей много.

Тишкин, казалось, и не замечал меня на полянке. Быстро проигравшись, он исчезал и появлялся снова не скоро.

А я выигрывал. Я стал выигрывать постоянно, каждый день. У меня был свой расчёт: не надо катать шайбу по площадке, добиваясь права на первый удар; когда много играющих, это не просто: чем ближе тянешься к черте, тем больше опасности перевалить за неё и остаться последним. Надо накрывать кассу при броске. Так я и делал. Конечно, я рисковал, но при моей сноровке это был оправданный риск. Я мог проиграть три, четыре раза подряд, зато на пятый, забрав кассу, возвращал свой проигрыш втройне. Снова проигрывал и снова возвращал. Мне редко приходилось стучать шайбой по монетам, но и тут я пользовался своим приёмом: если Вадик бил с накатом на себя, я, наоборот, тюкал от себя — так было непривычно, но так шайба придерживала монету, не давала ей вертеться и, отходя, переворачивала вслед за собой.

Теперь у меня появились деньги. Я не позволял себе чересчур увлекаться игрой и торчать на полянке до вечера, мне нужен был только рубль, каждый день по рублю. Получив его, я убегал, покупал на базаре баночку молока (тётки ворчали, глядя на мои погнутые, побитые, истерзанные монеты, но молоко наливали), обедал и садился за уроки. Досыта всё равно я не наедался, но уже одна мысль,

что я пью молоко, прибавляла мне силы и смиряла голод. Мне стало казаться, что и голова теперь у меня кружится гораздо меньше.

Поначалу Вадик спокойно относился к моим выигрышам. Он и сам не оставался внакладе, а из его карманов вряд ли мне что-нибудь перепало. Иногда он даже похваливал меня: вот, мол, как надо бросать, учитеесь, мазины. Однако вскоре Вадик заметил, что я слишком быстро выхожу из игры, и однажды остановил меня:

— Ты что это — загрёб кассу и драть? Ишь шустрый какой! Играй.

— Мне уроки надо, Вадик, делать, — стал отговариваться я.

— Кому надо делать уроки, тот сюда не ходит.

А Птаха подпел:

— Кто тебе сказал, что так играют на деньги? За это, хочешь знать, бьют маленько. Понял?

Больше Вадик не давал мне шайбу раньше себя и подпускал к камню только последним. Он хорошо бросал, и нередко я лез в карман за новой монетой, не прикоснувшись к шайбе. Но я бросал лучше, и если уж мне доставалась возможность бросать, шайба, как намагниченная, летела точно на деньги. Я и сам удивлялся своей меткости, мне надо бы догадаться придержать её, играть незаметней, а я бесхитростно и безжалостно продолжал бомбить кассу. Откуда мне было знать, что никогда и никому ещё не прощалоь, если в своём деле он вырывается вперёд? Не жди тогда пощады, не ищи заступничества, для других он выскочка, и больше всех ненавидит его тот, кто идёт за ним следом. Эту науку мне пришлось в ту осень постигнуть на собственной шкуре.

Я только что опять угодил в деньги и шёл собирать их, когда заметил, что Вадик наступил ногой на одну из рассыпавшихся по сторонам монет. Все остальные лежали вверх решками. В таких случаях при броске обычно кричат «в склад!», чтобы — если не окажется орла — собрать для удара деньги в одну кучу, но я, как всегда, понадеялся на удачу и не крикнул.

— Не в склад! — объявил Вадик.

Я подошёл к нему и попытался сдвинуть его ногу с монеты, но он оттолкнул меня, быстро схватил её с земли

и показал мне решку. Я успел заметить, что монета была на орле, — иначе он не стал бы её закрывать.

— Ты перевернул её, — сказал я. — Она была на орле, я видел.

Он сунул мне под нос кулак.

— А этого ты не видел? Понюхай, чем пахнет.

Мне пришлось смириться. Настаивать на своём было бессмысленно: если начнётся драка, никто, ни одна душа за меня не заступится, даже Тишкин, который вертелся тут же.

Злые, прищуренные глаза Вадика смотрели на меня в упор. Я нагнулся, тихонько ударил по ближней монете, перевернул её и подвинул вторую. «Хлюзда на правду наведёт, — решил я. — Всё равно я их сейчас все заберу».

Снова наставил шайбу для удара, но опустить уже не успел: кто-то вдруг сильно поддал мне сзади коленом, и я неловко, склонённой вниз головой, ткнулся в землю. Вокруг засмеялись.

За мной, ожидающе улыбаясь, стоял Птаха. Я опешил:

— Чего-о ты?!

— Кто тебе сказал, что это я? — отпёрся он. — Приснилось, что ли?

— Давай сюда! — Вадик протянул руку за шайбой, но я не отдал её. Обида перехлестнула во мне страх, ничего на свете я больше не боялся. За что? За что они так со мной? Что я им сделал?

— Давай сюда! — потребовал Вадик.

— Ты перевернул ту монетку! — крикнул я ему. — Я видел, что перевернул. Видел.

— Ну-ка повтори, — надвигаясь на меня, попросил он.

— Ты перевернул её, — уже тише сказал я, хорошо зная, что за этим последует.

Первым, опять сзади, меня ударил Птаха. Я полетел на Вадика, он быстро и ловко, не примериваясь, поддел меня головой в лицо, и я упал, из носу у меня брызнула кровь. Едва я вскочил, на меня снова набросился Птаха. Можно было ещё вырваться и убежать, но я почему-то не подумал об этом. Я вертелся меж Вадиком и Птахой, почти не защищаясь, зажимая ладонью нос, из которого хлестала кровь, и в отчаянии, добавляя им ярости, упрямо выкрикивая одно и то же:

— Перевернул! Перевернул! Перевернул!

Они били меня по очереди, один и второй, один и второй. Кто-то третий, маленький и злобный, пинал меня по ногам, потом они почти сплошь покрылись синяками. Я старался только не упасть, ни за что больше не упасть, даже в те минуты мне казалось это позором. Но в конце концов они повалили меня на землю и остановились.

— Иди отсюда, пока живой! — скомандовал Вадик. — Быстро!

Я поднялся и, всхлипывая, швыряя омертвевшим носом, поплёлся в гору.

— Только вякни кому — убьём! — пообещал мне вслед Вадик.

Я не ответил. Всё во мне как-то затвердело и сомкнулось в обиде, у меня не было сил достать из себя слово. И только поднявшись на гору, я не утерпел и, словно сдурев, закричал что было мочи — так что слышал, наверное, весь посёлок:

— Переверну-у-ул!

За мной кинулся было Птаха, но сразу вернулся, — видно, Вадик рассудил, что с меня хватит, и остановил его. Минут пять я стоял и, всхлипывая, смотрел на полянку, где снова началась игра, затем спустился по другой стороне холма к ложбинке, затянутой вокруг чёрной крапивой, упал на жёсткую сухую траву и, не сдерживаясь больше, горько, навзрыд заплакал.

Не было в тот день и не могло быть во всём белом свете человека несчастнее меня.

Утром я со страхом смотрел на себя в зеркало: нос вспух и раздулся, под левым глазом синяк, а ниже его, на щеке, изгибается жирная кровавая ссадина. Как идти в школу в таком виде, я не представлял, но как-то идти надо было, пропускать по какой бы то ни было причине уроки я не решался. Допустим, носы у людей и от природы случаются почище моего, и если бы не привычное место, ни за что не догадаешься, что это нос, но ссадину и синяк ничем оправдать нельзя: сразу видно, что они красуются тут не по моей доброй воле.

Прикрывая глаз рукой, я юркнул в класс, сел за свою парту и опустил голову. Первым уроком, как назло, был французский. Лидия Михайловна, по праву классного ру-

ководителя, интересовалась нами больше других учителей, и скрыть от неё что-либо было трудно. Она входила, здоровалась, но до того, как посадить класс, имела привычку внимательным образом осматривать почти каждого из нас, делая будто бы и шутливые, но обязательные для исполнения замечания. И знаки на моём лице она, конечно, увидела сразу, хоть я, как мог, и прятал их; я понял это потому, что на меня стали оборачиваться ребята.

— Ну вот, — сказала Лидия Михайловна, открывая журнал. — Сегодня среди нас есть раненые.

Класс засмеялся, а Лидия Михайловна снова подняла на меня глаза. Они у неё косили и смотрели словно бы мимо, но мы к тому времени уже научились распознавать, куда они смотрят.

— И что случилось? — спросила она.

— Упал, — брякнул я, почему-то не догадавшись заранее придумать хоть мало-мальски приличное объяснение.

— Ой, как неудачно. Вчера упал или сегодня?

— Сегодня. Нет, вчера вечером, когда темно было.

— Хи, упал, — выкрикнул Тишкин, захлёбываясь от радости. — Это ему Вадик из седьмого класса поднёс. Они на деньги играли, а он стал спорить и заработал. Я же видел. А говорит — упал.

Я остолбенел от такого предательства. Он что — совсем ничего не понимает, или это он нарочно? За игру на деньги у нас в два счёта могли выгнать из школы. Доигрался. В голове у меня от страха всё всполошилось и загудело: пропал, теперь пропал. Ну, Тишкин. Вот Тишкин так Тишкин. Обрадовал. Внёс ясность — нечего сказать.

— Тебя, Тишкин, я хотела спросить совсем другое, — не удивляясь и не меняя спокойного, чуть безразличного тона, остановила его Лидия Михайловна. — Иди к доске, раз уж ты разговорился, и приготовься отвечать. — Она подождала, пока растерявшийся, ставший сразу несчастным Тишкин выйдет к доске, и коротко сказала мне: — После уроков останешься.

Больше всего я боялся, что Лидия Михайловна потащит меня к директору. Это значит, что, кроме сегодняшней беседы, завтра меня выведут перед школьной линейкой и заставят рассказывать, что меня побудило заниматься этим грязным делом. Директор, Василий Андреевич, так и спра-

шивал провинившегося, что бы он ни натворил, — разбил окно, подрался или курил в уборной: «Что тебя побудило заниматься этим грязным делом?» Он расхаживал перед линейкой, закинув руки за спину, вынося вперёд в такт широким шагам плечи, так, что казалось, будто наглухо застёгнутый, оттопыривающийся тёмный френч двигается самостоятельно чуть наперёд директора, и подгонял: «Отвечай, отвечай. Мы ждём. Посмотри, вся школа ждёт, что ты нам скажешь». Ученик начинал в своё оправдание что-то бормотать, но директор обрывал его: «Ты мне на вопрос отвечай, на вопрос. Как был задан вопрос?» — «Что меня побудило?» — «Вот именно: что побудило? Слушаем тебя».

Дело обычно заканчивалось слезами, лишь после этого директор успокаивался, и мы расходились на занятия. Труднее было со старшеклассниками, которые не хотели плакать, но и не могли ответить на вопрос Василия Андреевича.

Однажды первый урок у нас начался с опозданием на десять минут, и всё это время директор допрашивал одного девятиклассника, но, так и не добившись от него ничего вразумительного, увёл к себе в кабинет.

А что, интересно, скажу я? Лучше бы сразу выгоняли. Я мельком, чуть коснувшись этой мысли, подумал, что тогда я смогу вернуться домой, и тут же, словно обжёгшись, испугался: нет, с таким позором и домой нельзя. Другое дело — если бы я сам бросил школу... Но и тогда про меня можно сказать, что я человек ненадёжный, раз не выдержал того, что хотел, а тут и вовсе меня станет чураться каждый. Нет, только не так. Я бы ещё потерпел здесь, я бы привык, но так домой ехать нельзя.

После уроков, замирая от страха, я ждал Лидию Михайловну в коридоре. Она вышла из учительской и, кивнув, завела меня в класс. Как всегда, она села за стол, я хотел устроиться за третьей партой, подальше от неё, но Лидия Михайловна показала мне на первую, прямо перед собой.

— Это правда, что ты играешь на деньги? — сразу начала она. Она спросила слишком громко, мне казалось, что в школе об этом нужно говорить только шёпотом, и я испугался ещё больше. Но запираться никакого смысла не было, Тишкин успел продать меня с потрохами. Я промямлил:

— Правда.

— Ну и как — выигрываешь или проигрываешь?

Я замялся, не зная, что лучше.

— Давай рассказывай, как есть. Проигрываешь, наверно?

— Вы... выигрываю.

— Хорошо, хоть так. Выигрываешь, значит. И что ты делаешь с деньгами?

В первое время в школе я долго не мог привыкнуть к голосу Лидии Михайловны, он сбивал меня с толку. У нас в деревне говорили, запахивая голос глубоко в нутро, и потому звучал он вволюшку, а у Лидии Михайловны он был каким-то мелким и лёгким, так что в него приходилось вслушиваться, и не от бессилия вовсе — она иногда могла сказать и всласть, а словно бы от притаённости и ненужной экономии. Я готов был свалить всё на французский язык: конечно, пока училась, пока приноравливалась к чужой речи, голос без свободы сел, ослаб, как у птички в клетке, жди теперь, когда он опять разойдётся и окрепнет. Вот и сейчас Лидия Михайловна спрашивала так, будто была в это время занята чем-то другим, более важным, но от вопросов её всё равно было не уйти.

— Ну, так что ты делаешь с деньгами, которые выигрываешь? Покупаешь конфеты? Или книги? Или копишь на что-нибудь? Ведь у тебя их, наверное, теперь много?

— Нет, не много. Я только рубль выигрываю.

— И больше не играешь?

— Нет.

— А рубль? Почему рубль? Что ты с ним делаешь?

— Покупаю молоко.

— Молоко?

Она сидела передо мной аккуратная, вся умная и красивая, красивая и в одежде, и в своей женской молодой поре, которую я смутно чувствовал, до меня доходил запах духов от неё, который я принимал за самое дыхание; к тому же она была учительницей не арифметики какой-нибудь, не истории, а загадочного французского языка, от которого тоже исходило что-то особое, сказочное, неподвластное любому-каждому, как, например, мне. Не смея поднять глаза на неё, я не посмел и обмануть её. Да и зачем, в конце концов, мне было обманывать?

Она помолчала, рассматривая меня, и я кожей почувствовал, как при взгляде её косящих внимательных глаз все мои беды и несуразности прямо-таки взбухают и наливаются своей дурной силой. Посмотреть, конечно, было на что: перед ней крючился на парте тощий диковатый мальчишка с разбитым лицом, неопрятный без матери и одинокий, в старом, застиранном пиджачишке на обвислых плечах, который впору был на груди, но из которого далеко вылезали руки; в перешитых из отцовских галифе и заправленных в чирки¹ марких светло-зелёных штанах со следами вчерашней драки. Я ещё раньше заметил, с каким любопытством поглядывает Лидия Михайловна на мою обутку. Из всего класса в чирках ходил только я. Лишь на следующую осень, когда я наотрез отказался ехать в них в школу, мать продала швейную машину, единственную нашу ценность, и купила мне кирзовые сапоги.

— И всё-таки на деньги играть не надо, — задумчиво сказала Лидия Михайловна. — Обошёлся бы ты как-нибудь без этого. Можно обойтись?

Не смея поверить в своё спасение, я легко пообещал:

— Можно.

Я говорил искренне, но что поделаешь, если искренность нашу нельзя привязать верёвками.

Справедливости ради надо сказать, что в те дни мне пришлось совсем плохо. Колхоз наш по сухой осени рано расчитался с хлебосдачей, и дядя Ваня больше не приезжал. Я знал, что дома мать места себе не находит, переживая за меня, но мне от этого было не легче. Мешок картошки, привезённый в последний раз дядей Ваней, испарился так быстро, будто ею кормили, по крайней мере, скот. Хорошо ещё, что, спохватившись, я догадался немножко припрятать в стоящей во дворе заброшенной сараюшке, и вот теперь только этой притайкой и жил. После школы, крадучись, как вор, я шмыгал в сараюшку, совал несколько картофелин в карманы и убегал за улицу, в холмы, чтобы где-нибудь в удобной и скрытой низинке развести огонь. Мне всё время хотелось есть, даже во сне я чувствовал, как по моему желудку прокатываются судорожные волны.

¹ Чирки — самодельная обувь.

В надежде наткнуться на новую компанию игроков, я стал потихоньку обследовать соседние улицы, бродил по пустырям, следил за ребятами, которых заносило в холмы. Всё было напрасно, сезон кончился, подули холодные октябрьские ветры. И только на нашей полянке по-прежнему продолжали собираться ребята. Я кружил неподалёку, видел, как взблёскивает на солнце шайба, как, размахивая руками, командует Вадик и склоняются над кассой знакомые фигуры.

В конце концов я не выдержал и спустился к ним. Я знал, что иду на унижение, но не меньшим унижением было раз и навсегда смириться с тем, что меня избили и выгнали. Меня зудило посмотреть, как отнесутся к моему появлению Вадик и Птаха и как смогу держать себя я. Но больше всего подгонял голод. Мне нужен был рубль — уже не на молоко, а на хлеб. Других путей раздобыть его я не знал.

Я подошёл, и игра сама собой приостановилась, все уставились на меня. Птаха был в шапке с подвёрнутыми ушами, сидящей, как и всё на нём, беззаботно и смело, в клетчатой, навывпуск рубахе с короткими рукавами; Вадик форсил в красивой толстой куртке с замком. Рядом, сваленные в одну кучу, лежали фуфайки и пальтишки, на них, сжавшись под ветром, сидел маленький, лет пяти-шести, мальчишка.

Первым встретил меня Птаха:

— Чего пришёл? Давно не били?

— Играть пришёл, — как можно спокойней ответил я, глядя на Вадика.

— Кто тебе сказал, что с тобой, — Птаха выругался, — будут тут играть?

— Никто.

— Что, Вадик, сразу будем бить или подождём немножко?

— Чего ты пристал к человеку, Птаха? — щурясь на меня, сказал Вадик. — Понял, человек играть пришёл. Может, он у нас с тобой по десять рублей хочет выиграть?

— У вас нет по десять рублей, — только чтобы не казаться себе трусом, сказал я.

— У нас есть больше, чем тебе снилось. Ставь, не разговаривай, пока Птаха не рассердился. А то он человек горячий.

— Дать ему, Вадик?

— Не надо, пусть играет. — Вадик подмигнул ребятам. — Он здорово играет, мы ему в подмётки не годимся.

Теперь я был учёный и понимал, что это такое — доброта Вадика. Ему, видно, надоела скучная, неинтересная игра, поэтому, чтобы пощекотать себе нервы и почувствовать вкус настоящей игры, он и решил допустить в неё меня. Но как только я затрону его самолюбие, мне опять не поздоровится. Он найдёт, к чему придраться, рядом с ним Птаха.

Я решил играть осторожно и не зариться на кассу. Как и все, чтобы не выделяться, я катал шайбу, боясь ненароком угодить в деньги, потом тихонько тюкал по монетам и оглядывался, не зашёл ли сзади Птаха. В первые дни я не позволял себе мечтать о рубле; копеек двадцать—тридцать, на кусок хлеба, и то хорошо, и то давай сюда.

Но то, что должно было рано или поздно случиться, разумеется, случилось. На четвёртый день, когда, выиграв рубль, я собрался уйти, меня снова избили. Правда, на этот раз обошлось легче, но один след остался: у меня сильно вздулась губа. В школе приходилось её постоянно прикусывать. Но как ни прятал я её, как ни прикусывал, а Лидия Михайловна разглядела. Она нарочно вызвала меня к доске и заставила читать французский текст. Я его с десятью здоровыми губами не смог бы правильно произнести, а об одной и говорить нечего.

— Хватит, ой, хватит! — испугалась Лидия Михайловна и замахала на меня, как на нечистую силу, руками. — Да что же это такое?! Нет, придётся с тобой заниматься отдельно. Другого выхода нет.

* * *

Так начались для меня мучительные и неловкие дни. С самого утра я со страхом ждал того часа, когда мне придётся остаться наедине с Лидией Михайловной и, ломая язык, повторять вслед за ней неудобные для произношения, придуманные только для наказания слова. Ну, зачем ещё, как не для издевательства, три гласные сливать в один толстый тягучий звук, то же «о», например, в слове «веаисоир» (много), которым можно подавиться? Зачем с каким-то пристоном пускать звуки через нос, когда ис-

покон веков он служил человеку совсем для другой надобности? Зачем? Должны же существовать границы разумного. Я покрывался потом, краснел и задыхался, а Лидия Михайловна без передышки и без жалости заставляла меня мозолить бедный мой язык. И почему меня одного? В школе сколько угодно было ребят, которые говорили по-французски ничуть не лучше, чем я, однако они гуляли на свободе, делали, что хотели, а я, как проклятый, отдувался один за всех.

Оказалось, что и это ещё не самое страшное. Лидия Михайловна вдруг решила, что времени в школе у нас до второй смены остаётся в обрез, и сказала, чтобы я по вечерам приходил к ней на квартиру. Жила она рядом со школой, в учительских домах. На другой, большей половине дома Лидии Михайловны жил сам директор.

Я шёл туда как на пытку. И без того от природы робкий и стеснительный, теряющийся от любого пустяка, в этой чистенькой, аккуратной квартире учительницы я в первое время буквально каменел и боялся дышать. Мне надо было говорить, чтобы я раздевался, проходил в комнату, садился, — меня приходилось передвигать, словно вещь, и чуть ли не силой добывать из меня слова. Моим успехам во французском это никак не способствовало. Но, странное дело, мы и занимались здесь меньше, чем в школе, где нам будто бы мешала вторая смена. Больше того, Лидия Михайловна, хлопоча что-нибудь по квартире, расспрашивала меня или рассказывала о себе. Подозреваю, что она нарочно для меня придумала, будто пошла на французский факультет потому лишь, что в школе этот язык ей тоже не давался и она решила доказать себе, что может овладеть им не хуже других.

Забившись в угол, я слушал, не чая дожидаться, когда меня отпустят домой. В комнате было много книг, на тумбочке у окна стоял большой красивый радиоприёмник с проигрывателем — редкое по тем временам, а для меня и вовсе невиданное чудо. Лидия Михайловна ставила пластинки, и ловкий мужской голос опять-таки учил французскому языку. Так или иначе, от него никуда было не деться. Лидия Михайловна в простом домашнем платье, в мягких войлочных туфлях ходила по комнате, заставляя меня вздрагивать и замирать, когда она приближалась ко

мне. Я никак не мог поверить, что сижу у неё в доме, всё здесь было для меня слишком неожиданным и необыкновенным, даже воздух, пропитанный лёгкими и незнакомыми запахами иной, чем я знал, жизни. Невольно создавалось ощущение, словно я подглядываю эту жизнь со стороны, и от стыда и неловкости за себя я ещё глубже запахивался в свой кургузый пиджачишко...

Лидии Михайловне тогда было, наверное, лет двадцать пять или около того; я хорошо помню её правильное и потому не слишком живое лицо с прищуренными, чтобы скрыть в них косинку, глазами; тугую, редко раскрывающуюся до конца улыбку и совсем чёрные, коротко стриженные волосы. Но при всём этом не было видно в её лице жёсткости, которая, как я позже заметил, становится с годами чуть ли не профессиональным признаком учителей, даже самых добрых и мягких по натуре, а было какое-то осторожное, с хитринкой, недоумение, относящееся к ней самой и словно говорившее: интересно, как я здесь очутилась и что я здесь делаю? <...>

Стыдно сейчас вспомнить, как я пугался и терялся, когда Лидия Михайловна, закончив наш урок, звала меня ужинать. Будь я тысячу раз голоден, из меня пулей тут же выскакивал всякий аппетит. Садиться за один стол с Лидией Михайловной! Нет, нет! Лучше я к завтрашнему дню наизусть выучу весь французский язык, чтобы никогда больше сюда не приходиться. Кусок хлеба, наверное, и вправду застрял бы у меня в горле. Кажется, до того я не подозревал, что и Лидия Михайловна тоже, как все мы, питается самой обыкновенной едой, а не какой-нибудь манной небесной, — настолько она представлялась мне человеком необыкновенным, не похожим на всех остальных.

Я вскакивал и, бормоча, что сыт, что не хочу, пятился вдоль стенки, к выходу. Лидия Михайловна смотрела на меня с удивлением и обидой, но остановить меня никакими силами было невозможно. Я убежал. Так повторялось несколько раз, затем Лидия Михайловна, отчаявшись, перестала приглашать меня за стол. Я вздохнул свободней.

Однажды мне сказали, что внизу, в раздевалке, для меня лежит посылка, которую занёс в школу какой-то мужик. Дядя Ваня, конечно, наш шофёр, — какой ещё мужик! Наверное, дом у нас был закрыт, а ждать меня с уроков дядя

Ваня не мог — вот и оставил в раздевалке. Я с трудом дотерпел до конца занятий и кинулся вниз. Тётя Вера, школьная уборщица, показала мне на стоящий в углу белый фанерный ящичек, в каких снаряжают посылки по почте. Я удивился: почему в ящичке? — мать обычно отправляла еду в обыкновенном мешке. Может быть, это и не мне вовсе? Нет, на крышке были выведены мой класс и моя фамилия. Видно, надписал уже здесь дядя Ваня — чтобы не перепутали для кого. Что это мать выдумала заколачивать продукты в ящик?! Глядите, какой интеллигентной стала!

Нести посылку домой, не узнав, что в ней, я не мог: не то терпение. Ясно, что там не картошка. Для хлеба тара тоже, пожалуй, маловата, да и неудобна. К тому же хлеб мне отправляли недавно, он у меня ещё был. Тогда что там? Тут же, в школе, я забрался под лестницу, где, помнил, лежит топор, и, отыскав его, оторвал крышку. Под лестницей было темно, я вылез обратно и, воровато озираясь, поставил ящик на ближний подоконник.

Заглянув в посылку, я обомлел: сверху, прикрытые аккуратно большим белым листом бумаги, лежали макароны. Вот это да! Длинные жёлтые трубочки, уложенные одна к другой ровными рядами, вспыхнули на свету таким богатством, дороже которого для меня ничего не существовало. Теперь понятно, почему мать собрала ящик: чтобы макароны не поломались, не крошились, прибыли ко мне в целостности и сохранности. Я осторожно вынул одну трубочку, глянул, дунул в неё и, не в состоянии больше сдерживаться, стал жадно хрумкать. Потом таким же образом взялся за вторую, за третью, размышляя, куда бы мне спрятать ящик, чтобы макароны не достались чересчур прожорливым мышам в кладовке моей хозяйки. Не для того мать их покупала, тратила последние деньги. Нет, макаронами я так просто не попускаюсь. Это вам не какая-нибудь картошка.

И вдруг я поперхнулся. Макароны... Действительно, где мать взяла макароны? Сроду их у нас в деревне не было, ни за какие шиши их там купить нельзя. Это что же тогда получается? Торопливо, в отчаянии и надежде, я разгрёб макароны и нашёл на дне ящичка несколько больших кусков сахара и две плитки гематогена. Гематоген подтвер-

дил: посылку отправляла не мать. Кто же в таком случае, кто? Я ещё раз взглянул на крышку: мой класс, моя фамилия — мне. Интересно, очень интересно.

Я втиснул гвозди крышки на место и, оставив ящик на подоконнике, поднялся на второй этаж и постучал в учительскую. Лидия Михайловна уже ушла. Ничего, найдём, знаем, где живёт, бывали. Значит, вот как: не хочешь садиться за стол — получай продукты на дом. Значит, так. Не выйдет. Больше никому. Это не мать: она бы и записку не забыла вложить, рассказала бы, откуда, с каких приисков взялось такое богатство.

Когда я бочком влез с посылкой в дверь, Лидия Михайловна приняла вид, что ничего не понимает. Она смотрела на ящик, который я поставил перед ней на пол, и удивлённо спрашивала:

— Что это? Что такое ты принёс? Зачем?

— Это вы сделали, — сказал я дрожащим, срывающимся голосом.

— Что я сделала? О чём ты?

— Вы отправили в школу эту посылку. Я знаю, вы.

Я заметил, что Лидия Михайловна покраснела и смутилась. Это был тот единственный, очевидно, случай, когда я не боялся смотреть ей прямо в глаза. Мне было наплевать, учительница она или моя троюродная тётка. Тут спрашивал я, а не она, и спрашивал не на французском, а на русском языке, без всяких артиклей. Пусть отвечает.

— Почему ты решил, что это я?

— Потому что у нас там не бывает никаких макарон. И гематогену не бывает.

— Как! Совсем не бывает?! — она изумилась так искренне, что выдала себя с головой.

— Совсем не бывает. Знать надо было.

Лидия Михайловна вдруг засмеялась и попыталась меня обнять, но я отстранился от неё.

— Действительно, надо было знать. Как же это я так?! — Она на минутку задумалась. — Но тут и догадаться трудно было — честное слово! Я же городской человек. Совсем, говоришь, не бывает? Что же у вас тогда бывает?

— Горох бывает. Редька бывает.

— Горох... редька... А у нас на Кубани яблоки бывают. Ох, сколько сейчас там яблок. Я нынче хотела поехать на

Кубань, а приехала почему-то сюда. — Лидия Михайловна вздохнула и покосилась на меня. — Не злись. Я же хотела как лучше. Кто знал, что можно попасться на макаронах? Ничего, теперь буду умнее. А макароны эти ты возьми...

— Не возьму, — перебил я её.

— Ну зачем ты так? Я знаю, что ты голодаешь. А я живу одна, денег у меня много. Я могу покупать что захочу, но ведь мне одной... Я и ем-то помаленьку, боюсь потолстеть.

— Я совсем не голодаю.

— Не спорь, пожалуйста, со мной, я знаю. Я говорила с твоей хозяйкой. Что плохого, если ты возьмёшь сейчас эти макароны и сварить себе сегодня хороший обед? Почему я не могу тебе помочь — единственный раз в жизни? Обещаю больше никаких посылок не подсовывать. Но эту, пожалуйста, возьми. Тебе надо обязательно есть досыта, чтобы учиться. Сколько у нас в школе сытых лоботрясов, которые ни в чём ничего не соотнобразают и никогда, наверное, не будут соотнобразать, а ты способный мальчишка, школу тебе бросать нельзя.

Её голос начинал на меня действовать усыпляюще; я боялся, что она меня уговорит, и, сердясь на себя за то, что понимаю правоту Лидии Михайловны, и за то, что собираюсь её всё-таки не понять, я, мотая головой и бормоча что-то, выскочил за дверь.

* * *

Уроки наши на этом не прекратились, я продолжал ходить к Лидии Михайловне. Но теперь она взялась за меня по-настоящему. Она, видимо, решила: ну что ж, французский так французский. Правда, толк от этого выходил, постепенно я стал довольно сносно выговаривать французские слова, они уже не обрывались у моих ног тяжёлыми булыжниками, а, позванивая, пытались куда-то лететь.

— Хорошо, — подбадривала меня Лидия Михайловна. — В этой четверти пятёрка ещё не получится, а в следующей — обязательно.

О посылке мы не вспоминали, но я на всякий случай держался настороже. Мало ли что Лидия Михайловна возьмётся ещё придумать? Я по себе знал: когда что-то не выходит, всё сделаешь для того, чтобы вышло, так просто не отступишься. Мне казалось, что Лидия Михайловна

всё время ожидающе присматривается ко мне, а присматриваясь, посмеивается над моей диковатостью, — я злился, но злость эта, как ни странно, помогала мне держаться уверенней. Я уже был не тот безответный и беспомощный мальчишка, который боялся ступить здесь шагу, помаленьку я привыкал к Лидии Михайловне и к её квартире. Всё ещё, конечно, стеснялся, забивался в угол, пряча свои чирки под стул, но прежние скованность и угнетённость отступали, теперь я сам осмеливался задавать Лидии Михайловне вопросы и даже вступать с ней в споры.

Она сделала ещё попытку посадить меня за стол — напрасно. Тут я был непреклонен, упрямства во мне хватало на десятерых.

Наверное, уже можно было прекратить эти занятия на дому, самое главное я усвоил, язык мой обмяк и зашевелился, остальное со временем добавилось бы на школьных уроках. Впереди годы да годы. Что я потом стану делать, если от начала до конца выучу всё одним разом? Но я не решался сказать об этом Лидии Михайловне, а она, видимо, вовсе не считала нашу программу выполненной, и я продолжал тянуть свою французскую лямку. Впрочем, лямку ли? Как-то невольно и незаметно, сам того не ожидая, я почувствовал вкус к языку и в свободные минуты без всякого понукания лез в словарь, заглядывал в дальние в учебнике тексты. Наказание превращалось в удовольствие. Меня ещё подстёгивало самолюбие: не получалось — получится, и получится — не хуже, чем у самых лучших. Из другого я теста, что ли? Если бы ещё не надо было ходить к Лидии Михайловне... Я бы сам, сам...

Однажды, недели через две после истории с посылкой, Лидия Михайловна, улыбаясь, спросила:

— Ну, а на деньги ты больше не играешь? Или где-нибудь собираетесь в сторонку да поигрываете?

— Как же сейчас играть?! — удивился я, показывая взглядом за окно, где лежал снег.

— А что это была за игра? В чём она заключается?

— Зачем вам? — насторожился я.

— Интересно. Мы в детстве когда-то тоже играли. Вот и хочу знать, та это игра или нет. Расскажи, расскажи, не бойся.

— Чего мне бояться?!

Я рассказал, умолчав, конечно, про Вадика, про Птаху и о своих маленьких хитростях, которыми я пользовался в игре.

— Нет, — Лидия Михайловна покачала головой. — Мы играли в «пристенок». Знаешь, что это такое?

— Нет.

— Вот смотри. — Она легко выскочила из-за стола, за которым сидела, отыскала в сумочке монетки и отодвинула от стены стул. — Иди сюда, смотри. Я бью монетой о стену. — Лидия Михайловна легонько ударила, и монета, зазвенев, дугой отлетела на пол. — Теперь, — Лидия Михайловна сунула мне вторую монетку в руку, — бьёшь ты. Но имей в виду: бить надо так, чтобы твоя монета оказалась как можно ближе к моей. Чтобы их можно было замерить, достать пальцами одной руки. По-другому игра называется: замеряшки. Достанешь — значит, выиграл. Бей.

Я ударил — моя монета, попав на ребро, покатила в угол.

— О-о, — махнула рукой Лидия Михайловна. — Далекко. Сейчас ты начинаешь. Учти: если моя монета заденет твою, хоть чуточку, краешком, — я выигрываю вдвойне. Понимаешь?

— Чего тут непонятного?

— Сыграем?

Я не поверил своим ушам:

— Как же я с вами буду играть?

— А что такое?

— Вы же учительница!

— Ну и что? Учительница — так другой человек, что ли? Иногда надоедает быть только учительницей, учить и учить без конца. Постоянно одёргивать себя: то нельзя, это нельзя. — Лидия Михайловна больше обычного прищурила глаза и задумчиво, отстранённо смотрела в окно. — Иной раз полезно забыть, что ты учительница, — не то такой сделаешься бякой и букой, что живым людям скучно с тобой станет. Для учителя, может быть, самое важное — не принимать себя всерьёз, понимать, что он может научить совсем немногому. — Она встряхнулась и сразу повеселела. — А я в детстве была отчаянной девчонкой, родители со мной натерпелись. Мне и теперь ещё часто хо-

чется прыгать, скакать, куда-нибудь мчаться, что-нибудь делать не по программе, не по расписанию, а по желанию. Я тут, бывает, прыгаю, скачу. Человек стареет не тогда, когда он доживает до старости, а когда перестаёт быть ребёнком. Я бы с удовольствием каждый день прыгала, да за стенкой живёт Василий Андреевич. Он очень серьёзный человек. Ни в коем случае нельзя, чтобы он узнал, что мы играем в «замеряшки».

— Но мы не играем ни в какие «замеряшки». Вы только мне показали.

— Мы можем сыграть так просто, как говорят, понарошку. Но ты всё равно не выдавай меня Василию Андреевичу.

Господи, что творится на белом свете! Давно ли я до смерти боялся, что Лидия Михайловна за игру на деньги потащит меня к директору, а теперь она просит, чтобы я не выдавал её. Светопреставление — не иначе. Я озирался, неизвестно чего пугаясь, и растерянно хлопал глазами.

— Ну что — попробуем? Не понравится — бросим.

— Давайте, — нерешительно согласился я.

— Начинай.

Мы взялись за монеты. Видно было, что Лидия Михайловна когда-то действительно играла, а я только-только примеривался к игре, я ещё не выяснил для себя, как бить монетой о стену — ребром ли, или плашмя, на какой высоте и с какой силой когда лучше бросать. Мои удары шли вслепую; если бы мы вели счёт, я бы на первых же минутах проиграл довольно много, хотя ничего хитрого в этих «замеряшках» не было. Больше всего меня, разумеется, стесняло и угнетало, не давало мне освоиться то, что я играю с Лидией Михайловной. Ни в одном сне не могло такое присниться, ни в одной дурной мысли подуматься. Я опомнился не сразу и не легко, а когда опомнился и стал понемножку присматриваться к игре, Лидия Михайловна взяла и остановила её.

— Нет, так неинтересно, — сказала она, выпрямляясь и убирая съехавшие на глаза волосы. — Играть — так по-настоящему, а то что мы с тобой как трёхлетние малыши.

— Но тогда это будет игра на деньги, — несмело напомнил я.

— Конечно. А что мы с тобой в руках держим? Игру на деньги ничем другим подменить нельзя. Этим она хороша

и плоха одновременно. Мы можем договориться о совсем маленькой ставке, а всё равно появится интерес.

Я молчал, не зная, что делать и как быть.

— Неужели боишься? — подзадоривала меня Лидия Михайловна.

— Вот ещё! Ничего я не боюсь.

У меня была с собой кой-какая мелочишка. Я отдал монету Лидии Михайловне и достал из кармана свою.

Что ж, давайте играть по-настоящему, Лидия Михайловна, если хотите. Мне-то что — не я первый начал. Вадик по первости на меня тоже ноль внимания, а потом опомнился, полез с кулаками. Научился там, научусь и здесь. Это не французский язык, а я и французский скоро к зубам приберу.

«Уроки французского». Художник И. Пчелко

Мне пришлось принять одно условие: поскольку рука у Лидии Михайловны больше и пальцы длиннее, она станет замерять большим и средним пальцами, а я, как и положено, большим и мизинцем. Это было справедливо, и я согласился.

Игра началась заново. Мы перебрались из комнаты в прихожую, где было свободнее, и били о ровную дощатую заборку. Били, опускались на колени, ползали по полу, задевая друг друга, растягивали пальцы, замеряя монеты, затем опять поднимались на ноги, и Лидия Михайловна объявляла счёт. Играла она шумно: вскрикивала, хлопала в ладоши, поддразнивала меня — одним словом, вела себя как обыкновенная девчонка, а не учительница, мне даже хотелось порой на неё прикрикнуть. Но выигрывала тем не менее она, а я проигрывал. Я не успел опомниться, как на меня набежало восемьдесят копеек, с большим трудом мне удалось скостить этот долг до тридцати, но Лидия Михайловна издали попала своей монетой на мою, и счёт сразу подскочил до пятидесяти. Я начал волноваться. Мы договорились расплачиваться по окончании игры, но, если дело и дальше так пойдёт, моих денег уже очень скоро не хватит, их у меня чуть больше рубля. Значит, за рубль переваливать нельзя — не то позор и стыд на всю жизнь.

И тут я неожиданно заметил, что Лидия Михайловна и не старается вовсе у меня выигрывать. При замерах её пальцы горбились, не выстилаясь во всю длину, — там, где она якобы не могла дотянуться до монеты, я дотянулся без всякой натуги. Это меня обидело, и я поднялся.

— Нет, — заявил я, — так я не играю. Зачем вы мне подыгрываете? Это нечестно.

— Но я действительно не могу их достать, — стала отказываться она. — У меня пальцы какие-то деревянные.

— Можете.

— Хорошо, хорошо, я буду стараться.

Не знаю, как в математике, а в жизни самое лучшее доказательство — от противного. Когда на следующий день я увидел, что Лидия Михайловна, чтобы коснуться монеты, исподтишка подталкивает её к пальцу, я обомлел. Взглядывая на меня и почему-то не замечая, что я прекрасно вижу её чистой воды мошенничество, она как ни в чём не бывало продолжала двигать монету.

— Что вы делаете? — возмутился я.

— Я? А что я делаю?

— Зачем вы её подвинули?

— Да нет же, она тут и лежала, — самым бессовестным образом, с какой-то даже радостью отпёрлась Лидия Михайловна, ничуть не хуже Вадика или Птахи.

Вот это да! Учительница называется! Я своими собственными глазами на расстоянии двадцати сантиметров видел, что она трогала монету, а она уверяет меня, что не трогала, да ещё и смеётся надо мной. За слепого, что ли, она меня принимает? За маленького? Французский язык преподаёт, называется. Я тут же напрочь забыл, что всего вчера Лидия Михайловна пыталась подыграть мне, и следил только за тем, чтобы она меня не обманула. Ну и ну! Лидия Михайловна, называется.

В этот день мы занимались французским минут пятнадцать—двадцать, а затем и того меньше. У нас появился другой интерес. Лидия Михайловна заставляла меня прочесть отрывок, делала замечания, по замечаниям выслушивала ещё раз, и мы, не мешкая, переходили к игре. После двух небольших проигрышей я стал выигрывать. Я быстро приловчился к «замеряшкам», разобрался во всех секретах, знал, как и куда бить, что делать в роли разыгрывающего, чтобы не подставить свою монету под замер.

И опять у меня появились деньги. Опять я бегал на базар и покупал молоко — теперь уже в мороженных кружках. Я осторожно срезал с кружка наплыв сливок, совал рассыпающиеся ледяные ломтики в рот и, ощущая во всём теле их сытую сладость, закрывал от удовольствия глаза. Затем переворачивал кружок вверх дном и долбил ножом сладковатый молочный отстой. Остаткам позволял растаять и выпивал их, заедая куском чёрного хлеба. Ничего, жить можно было, а в скором будущем, как залечим раны войны, для всех обещали счастливое время.

Конечно, принимая деньги от Лидии Михайловны, я чувствовал себя неловко, но всякий раз успокаивался тем, что это честный выигрыш. Я никогда не напрашивался на игру, Лидия Михайловна предлагала её сама. Отказаться я не смел. Мне казалось, что игра доставля-

ет ей удовольствие, она веселела, смеялась, тормошила меня.

Знать бы нам, чем это всё кончится...

...Стоя друг против друга на коленях, мы заспорили о счёте. Перед тем тоже, кажется, о чём-то спорили.

— Пойми ты, голова садовая, — напозая на меня и размахивая руками, доказывала Лидия Михайловна, — зачем мне тебя обманывать? Я веду счёт, а не ты, я лучше знаю. Я трижды подряд проиграла, а перед тем была «чика».

— «Чика» не считово.

— Почему это не считово?

— У вас тоже была «чика».

Мы кричали, перебивая друг друга, когда до нас донёсся удивлённый, если не сказать, поражённый, но твёрдый, звенящий голос:

— Лидия Михайловна!

Мы замерли. В дверях стоял Василий Андреевич.

— Лидия Михайловна, что с вами? Что здесь происходит?

Лидия Михайловна медленно, очень медленно поднялась с колен, покрасневшая и взлохмаченная, и, пригладив волосы, сказала:

— Я, Василий Андреевич, надеялась, что вы постучите, прежде чем входить сюда.

— Я стучал. Мне никто не ответил. Что здесь происходит? Объясните, пожалуйста. Я имею право знать как директор...

— Играем в «пристенок», — спокойно ответила Лидия Михайловна.

— Вы играете на деньги с этим?.. — Василий Андреевич ткнул в меня пальцем, и я со страху пополз за перегородку, чтобы укрыться в комнате. — Играете с учеником? Я правильно вас понял?

— Правильно.

— Ну, знаете... — директор задыхался, ему не хватало воздуха. — Я теряюсь сразу назвать ваш поступок. Это преступление. Раствление. Сокращение. И ещё, ещё... Я двадцать лет работаю в школе, видывал всякое, но такое...

И он воздел над головой руки.

* * *

Через три дня Лидия Михайловна уехала. Накануне она встретила меня после школы и проводила до дому.

— Поеду к себе на Кубань, — сказала она, прощаясь. — А ты учись спокойно, никто тебя за этот дурацкий случай не тронет. Тут виновата я. Учись, — она потрепала меня по голове и ушла.

И больше я её никогда не видел.

Среди зимы, уже после январских каникул, мне пришла на школу по почте посылка. Когда я открыл её, достав опять топор из-под лестницы, — аккуратными, плотными рядами в ней лежали трубочки макарон. А внизу в толстой ватной обёртке я нашёл три красных яблока.

Раньше я видел яблоки только на картинках, но догадался, что это они.

Размышляем о прочитанном

1. Чем интересен для вас этот рассказ?
 2. Осуждает или оправдывает автор своего героя?
 3. Когда и как началась у героя самостоятельная жизнь? Какие испытания ожидали его? Что означает признание мальчика: «Но самое страшное начиналось, когда я приходил из школы»?
 4. Почему герой рассказа стал играть в «чику»? Как относятся к этой игре Вадик и рассказчик?
 5. Прочитайте приведённые ниже пейзажные зарисовки:
 - а) «Осень стояла тёплая и сухая. Ещё и в октябре пригревало так, что можно было ходить в рубашке, дожди выпадали редко и казались случайными, ненароком занесёнными откуда-то из непогоды слабым попутным ветерком. Небо синело совсем по-летнему, но стало словно бы уже, и солнце заходило рано...»;
 - б) «Минут пять я стоял и, всхлипывая, смотрел на полянку, где снова началась игра, затем спустился по другой стороне холма к ложбинке, затянутой вокруг чёрной крапивой, упал на жёсткую сухую траву и, не сдерживаясь больше, горько, навзрыд заплакал».
- Вспомните, какие события в жизни героя произошли в это время. Чем и почему отличаются эти картины при-

роды друг от друга? Как они связаны с настроением и состоянием рассказчика?

6. Прочитайте разговор Лидии Михайловны и героя рассказа после уроков. Обратите внимание на их портреты. Почему эти описания автор поставил рядом? Как называется этот приём?
7. «И почему меня одного? В школе сколько угодно было ребят, которые говорили по-французски ничуть не лучше, чем я, однако они гуляли на свободе, делали что хотели, а я, как проклятый, отдувался один за всех». Как вы думаете, почему именно рассказчика выбрала Лидия Михайловна для отдельных занятий? Случайно ли это? Постарайтесь вспомнить, как сама учительница объясняет это своему ученику.
8. Почему Лидия Михайловна решилась на игру в «заме-ряшки» со своим учеником? Как вы расцениваете этот поступок? Что выдавало её во время игры? Почему так пристально следил за игрой рассказчик? Чего он боялся? Как это его характеризовало?

Будьте внимательны к слову

1. Обратите внимание на портреты героев рассказа:
 - а) «Все они были примерно тех же лет, что и я, кроме одного — рослого и крепкого, заметного своей силой и властью, парня с длинной рыжей чёлкой»;
 - б) «Перед ней крючился на парте тощий диковатый мальчишка с разбитым лицом, неопрятный без матери и одинокий, в старом, застиранном пиджачишке на обвислых плечах, который в пору был на груди, но из которого далеко вылезали руки; в перешитых из отцовских галифе и заправленных в чирки марких светло-зелёных штанах со следами вчерашней драки».
 Какую роль играют эпитеты в создании каждого конкретного портрета?
2. Объясните значение приведённых ниже слов и выражений: «притайка», «не зариться», «ненароком», «так просто не попустишь», «плашмя», «французский скоро к зубам приберу», «не считово». Подберите к ним синонимы.

Учимся читать выразительно

Подготовьте одну из сцен в рассказе для выразительного чтения (или исполнения в лицах). Подумайте, какие интонации требуются для чтения реплик каждого из героев.

Сделает выводы

1. Когда герой рассказа понял истинный смысл игры, которую придумала учительница?
2. Расскажите о герое по следующему примерному плану:
 - а) Почему мальчик оказался в райцентре?
 - б) Как он чувствовал себя на новом месте?
 - в) Почему он не убежал в деревню?
 - г) Какие отношения сложились у него с товарищами?
 - д) Почему он ввязался в игру на деньги?
 - е) Как характеризуют его отношения с учительницей?
3. Попробуйте самостоятельно составить цитатный план к рассказу о герое. Напишите сочинение «Портрет героя».
4. Почему рассказ называется «Уроки французского»?

Литература и другие виды искусства

1. Обратите внимание на иллюстрации к рассказу «Уроки французского». Какие эпизоды выбрали художники? Озаглавьте их.
2. Рассказ «Уроки французского» иллюстрировали разные художники. Если вы найдёте различные издания книги В. Распутина, то сможете рассмотреть, каким каждый из художников изобразил главного героя. Кто, по-вашему, точнее и глубже раскрывает его характер?
3. По рассказу «Уроки французского» режиссёром Евгением Ташковым в 1978 году был поставлен телевизионный фильм. Посмотрите этот фильм. Понравился ли вам главный герой? Таким ли вы его себе представляли? Напишите отзыв на этот фильм.

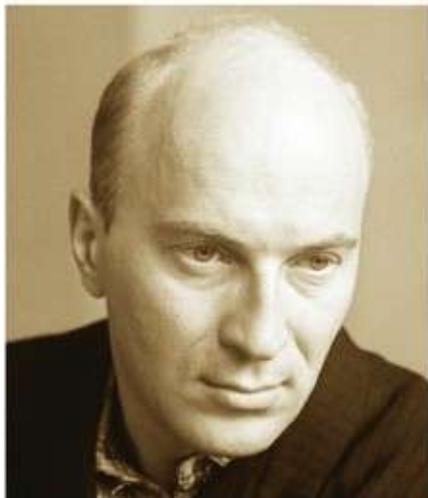

Фонохрестоматия ((((СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ)))

«Уроки французского»

1. Помогло ли вам чтение актёра более зримо представить героев рассказа?
2. Какие черты характера Лидии Михайловны и директора стали для вас понятнее после прослушивания фонозаписи? Почему?
3. Подготовьте пересказ событий, описанных в рассказе, от лица Лидии Михайловны, передав её переживания, сомнения, объяснения поступков, которыми она пыталась помочь ученику.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ НА ТЕМУ ВЗРОСЛЕНИЯ

Юрий Павлович

Казakov

1927—1982

Родился я в Москве в 1927 году в семье рабочего. Отец и мать мои — бывшие крестьяне, выходцы из Смоленской губернии. В роду нашем, насколько мне известно, не было ни одного образованного человека, хотя талантливы были многие. Таким образом, я — первый человек в нашей родне, занимающийся литературным трудом.

Писателем я стал поздно. Перед тем как начать писать, я долго увлекался музыкой. В 1942 году в школе в одном со мной классе учился музыкант. Одновременно он посещал и музыкальную школу, где занимался в классе виолончели. Его одержимость музыкой в значительной мере повлияла и на меня, а мои природные музыкальные данные позволили и мне в скором времени стать молодым музыкантом. Сначала я стал играть на виолончели, но так как заниматься музыкой я начал довольно поздно (с 15 лет) и пальцы мои были уже не столь гибки, то я скоро понял, что виртуозом-виолончелистом мне не стать, и перешёл тогда на контрабас, потому что контрабас вообще менее «технический» инструмент, и тут я мог рассчитывать на успех.

Я не помню сейчас, почему меня в одно прекрасное время потянуло вдруг к литературе. В своё время я окончил музыкальное училище в Москве, года три играл в симфонических и джазовых оркестрах, но уже где-то между 1953 и 1954 годами стал всё чаще подумывать о себе как о будущем писателе. Скорее всего, это

случилось потому, что я, как, наверное, и каждый молодой человек, мечтал тогда о славе, об известности и т. п., а моя судьба в оркестрах, конечно, никакой особенной славы не обещала. И вот я, помню, стал тяготиться своей безвестностью и стал попеременно мечтать о двух профессиях — о профессии дирижёра симфонического оркестра и о профессии писателя или, на худой конец, журналиста. Я страстно хотел увидеть свою фамилию напечатанной в афише, в газете или в журнале.

Тяга к писательству всё-таки пересилила, я стал более внимательно читать очерки и рассказы, стараясь понять, как они сделаны. А через некоторое время стал и сам писать что-то. Не помню теперь уже, как я тогда писал, потому что не хранил своих рукописей. Но уверен, конечно, что писал я тогда и по отсутствию опыта и вкуса, и по недостаточной литературной образованности — плохо. Всё-таки, видимо, было что-то в моих тогдашних писаниях симпатично, потому что отношение ко мне с самого начала в редакциях было хорошее, и в 1953 году я успел напечатать несколько небольших очерков в газете «Советский спорт» и в том же году был принят в Литературный институт.

Ю. П. Казаков

ТИХОЕ УТРО

Ещё только-только прокричали сонные петухи, ещё темно было в избе, мать не доила коровы и пастух не выгонял стадо в луга, когда проснулся Яшка.

Он сел на постели, долго таращил глаза на голубоватые потные окошки, на смутно белеющую печь. Сладок предрассветный сон, и голова валится на подушку, и глаза слипаются, но Яшка переборол себя. Спотыкаясь, цепляясь за лавки и стулья, стал бродить по избе, разыскивая старые штаны и рубаху.

Поев молока с хлебом, Яшка взял в сенях удочки и вышел на крыльцо. Деревня, будто большим пуховым одеялом, была укрыта туманом. Ближние дома были ещё видны, дальние едва проглядывали тёмными пятнами, а ещё дальше, к реке, уже ничего не было видно, и казалось, никогда не было ни ветряка на горке, ни пожарной каланчи, ни школы, ни леса на горизонте...

Всё исчезло, притаилось сейчас, и центром маленького замкнутого мира оказалась Яшкина изба.

Кто-то проснулся раньше Яшки, стучал возле кузницы молотком; чистые металлические звуки, прорываясь сквозь пелену тумана, долетали до большого невидимого амбара и возвращались оттуда уже ослабленными. Казалось, стучат двое: один погромче, другой потише.

Яшка соскочил с крыльца, замахнулся удочками на подвернувшегося под ноги петуха и весело затрусил к риге¹. У риги вытащил из-под доски ржавый косарь² и стал рыть землю. Почти сразу же начали попадаться красные и лиловые холодные червяки. Толстые и тонкие, они одинаково проворно уходили в рыхлую землю. Но Яшка всё-таки успевал выхватывать их и скоро набросал почти полную банку. Подсыпав червякам свежей земли, он побежал вниз по тропинке, перевалился через плетень и задами пробрался к сараю, где на сеновале спал его новый приятель — Володя.

Яшка заложил в рот испачканные землёй пальцы и свистнул. Потом сплюнул и прислушался. Было тихо.

— Володька! — позвал он. — Вставай!

Володя зашевелился на сене, долго возился и шуршал там, наконец неловко слез, наступая на незавязанные шнурки. Лицо его, измятое после сна, было бессмысленно и неподвижно, как у слепого, а в волосы набилась сенная труха, она же, видимо, попала ему и за рубашку, потому что, стоя уже внизу, рядом с Яшкой, он всё дергал тонкой шеей, поводил плечами и почёсывал спину.

— А не рано? — сипло спросил он, зевнул и, покачнувшись, схватился рукой за лестницу.

Яшка разозлился: он встал на целый час раньше, червяков накопал, удочки притащил... а если по правде говорить, то и встал-то он сегодня из-за этого... заморыша — хотел места рыбные ему показать, — и вот вместо благодарности и восхищения — «рано»!

— Для кого рано, а для кого и не рано! — зло ответил он и с пренебрежением осмотрел Володю с головы до ног.

¹ *Рига* — крытое строение с печью для сушки льна или хлеба в снопах; иногда ригой называют обычный сарай.

² *Косарь* — здесь: большой тяжёлый нож, который делается из обломков косы и применяется обычно для щепления лучины.

Володя выглянул на улицу, лицо его оживилось, глаза заблестели, он начал торопливо зашнуровывать ботинки. Но для Яшки вся прелесть утра была уже отравлена.

— Ты что, в ботинках пойдёшь? — презрительно спросил он и посмотрел на оттопыренный палец своей босой ноги. — А галоши наденешь?

Володя промолчал, покраснел и принялся за другой ботинок.

— Ну да, — меланхолично продолжал Яшка, ставя удочки к стене, — у вас там, в Москве, небось, босиком не ходят...

— Ну и что? — Володя снизу посмотрел в широкое насмешливо-злое лицо Яшки.

— Да ничего... Забежи домой — пальто возьми...

— Ну и забегу! — сквозь зубы ответил Володя и ещё больше покраснел.

Яшка заскучал. Зря он связался со всем этим делом... На что уж Колька да Женька Воронковы рыбаки, а и те признают, что лучше его нет рыболова во всём колхозе. Только отведи на место да покажи — яблоками засыплют! А этот... пришёл вчера, вежливый: «Пожалуйста, пожалуйста»... Дать ему по шее, что ли? Надо было связываться с этим москвичом, который, наверное, и рыбы в глаза не видал! Идёт на рыбалку в ботинках!..

— А ты галстук надень, — съязвил Яшка и хрипло засмеялся. — У нас рыба обижается, когда к ней без галстука суёшься.

Володя наконец справился с ботинками и, подрагивая от обиды ноздрями и глядя прямо перед собой невидящим взглядом, вышел из сарая. Он готов был отказаться от рыбалки и тут же разревётся, но он так ждал этого утра! За ним нехотя вышел Яшка, и ребята молча, не глядя друг на друга, пошли по улице. Они шли по деревне, и туман отступал перед ними, открывая всё новые и новые дома, и сараи, и школу, и длинные ряды молочно-белых построек фермы... Будто скупой хозяин, он показывал всё это только на минуту и потом снова плотно смыкался сзади.

Володя жестоко страдал. Он сердился на себя за грубые ответы Яшке, сердился на Яшку и казался сам себе в эту

минуту неловким и жалким. Ему было стыдно своей неловкости, и, чтобы хоть как-нибудь заглушить это непонятное чувство, он думал, ожесточаясь: «Ладно, пусть... Пускай издевается. Они меня ещё узнают, я не позволю им смеяться! Подумаешь, велика важность босиком идти! Воображалы какие!» Но в то же время он с откровенной завистью и даже с восхищением поглядывал на босые Яшкины ноги, на холщовую сумку для рыбы и на заплатанные, надетые специально на рыбную ловлю штаны и серую рубаху. Он завидовал и Яшкиному загару, и той особенной походке, при которой шевелятся плечи, и лопатки, и даже уши и которая у многих деревенских ребят считается особенным шиком. Проходили мимо колодца со старым, поросшим зеленью срубом.

— Стой! — сказал хмуро Яшка. — Попьём!

Он подошёл к колодцу, загремел цепью и, вытащив тяжёлую бадью с водой, жадно приник к ней. Пить ему не хотелось, но он считал, что лучше этой воды нигде нет, и поэтому каждый раз, проходя мимо колодца, пил её с огромным наслаждением. Вода, переливаясь через край бадьи, плескала ему на босые ноги, он поджимал их, но всё пил и пил, изредка отрываясь и шумно дыша.

— На, пей! — сказал он наконец Володе, вытирая рукавом губы.

Володе тоже не хотелось пить, но, чтобы ещё больше не рассердить Яшку, он послушно припал к бадье и стал тянуть воду мелкими глоточками, пока от холода у него не заломило в затылке.

— Ну, как водичка? — самодовольно осведомился Яшка, когда Володя отошёл от колодца.

— Законная! — отозвался Володя и поёжился.

— Небось, в Москве такой нету? — ядовито прищурился Яшка.

Володя ничего не ответил, только втянул сквозь сжатые зубы воздух и примиряюще улыбнулся.

— Ты ловил ли рыбу-то? — спросил Яшка.

— Нет... Только на Москве-реке видел, как ловят, — упавшим голосом сознался Володя и робко взглянул на Яшку.

Это признание несколько смягчило Яшку, и он, пощупав банку с червями, сказал как бы между прочим:

— Вчера наш завклубом в Плещанском бочаге¹ сома видал...

У Володи заблестели глаза:

— Большой?

— А ты думал! Метра два... А может, и все три — в темноте не разобрать было. Наш завклубом аж перепугался, думал — крокодил. Не веришь?

— Врёшь! — восторженно выдохнул Володя и подёрнул плечами; по его глазам было видно, что верит он всему безусловно.

Яшка изумился:

— Я вру? Хочешь, айда сегодня вечером ловить! Ну?

— А можно? — с надеждой спросил Володя, и уши его порозовели.

— А чего... — Яшка сплюнул, вытер нос рукавом. — Снасть у меня есть. Лягвы, вьюнов наловим... Выползков захватим — там голавли ещё водятся — и на две зари! Ночью костёр запалим... Пойдёшь?

Володе стало необыкновенно весело, и он только теперь почувствовал, как хорошо выйти утром из дому. Как славно и легко дышится, как хочется побежать по этой мягкой дороге, помчаться во весь дух, подпрыгивая и взвизгивая от восторга!

Что это так странно звякнуло там, сзади? Кто это вдруг, будто ударяя раз за разом по натянутой тугой струне, ясно и мелодически прокричал в лугах? Где это было с ним? А может, и не было? Но почему же тогда так знакомо это ощущение восторга и счастья?

Что это затрещало так громко в поле? Мотоцикл? Володя вопросительно посмотрел на Яшку.

— Трактор! — ответил важно Яшка.

— Трактор? Но почему же он трещит?

— Это он заводится. Скоро заведётся... Слушай. Во-во... Слышал? Загудел! Ну, теперь пойдёт... Это Федя Костылёв. Всю ночь пахал с фарами, чуток поспал и опять пошёл...

Володя посмотрел в ту сторону, откуда слышался гул трактора, и тотчас спросил:

¹ *Бочаг* — глубокая яма, залитая водой, или омут в реке; бочагом называют иногда и остаток пересохшей реки.

— Туманы у вас всегда такие?

— Не... Когда чисто, а когда — попоздней, к сентябрю поближе — глядишь, и инеем ударит. А вообще в туман рыба берёт — успевай таскать!

— А какая у вас рыба?

— Рыба-то? Рыба всякая... И караси на плёсах есть, щука, ну, потом, эти... окунь, плотва, лещ... Ещё линь. Знаешь линя? Как поросёнок. То-олстый! Я сам первый раз поймал — рот разинул.

— А много можно поймать?

— Гм!.. Всяко бывает. Другой раз кило пять, а другой раз так, только кошке...

— Что это свистит? — Володя остановился, поднял голову.

— Это! Это ути летят... Чирочки.

— Ага! Знаю... А это что?

— Дрозды звенят. На рябину прилетели к тёте Насте в огород. Ты дроздов-то ловил когда?

— Никогда не ловил.

— У Мишки Каюнёнка сетка есть... Вот погоди, пойдём ловить. Они, дрозды-то, жаднющие. По полям стаями летают, червяков из-под трактора берут. Ты сетку растяни, рябины набросай, затаись и жди. Как налетят, так сразу штук пять под сетку полезут... Потешные они; не все, правда, но есть толковые... У меня один всю зиму жил, так по-всякому умел: и как паровоз, и как пила...

Деревня скоро осталась позади. Бесконечно потянулся низкорослый овёс, впереди еле проглядывала тёмная полоса леса.

— Долго ещё идти? — спрашивал Володя.

— Скоро... Вот рядом. Пошли ходчее, — каждый раз отвечал Яшка.

Вышли на бугор, свернули вправо, лощиной спустились вниз, перешли тропкой через льняное поле, и тут совсем неожиданно перед ними открылась река.

Она была небольшая, густо поросла раkitником, ветлой по берегам, ясно звенела на перекатах и часто разливалась глубокими, мрачными омутами.

Солнце наконец взошло; тонко заржала в лугах лошадь, и как-то необыкновенно быстро посветлело, порозовело всё

вокруг; ещё отчётливей стала видна седая роса на ёлках и кустах, а туман пришёл в движение, поредел и стал неохотно открывать стога сена, тёмные на дымчатом фоне близкого теперь леса. Рыба гуляла.

В омутах раздавались редкие тяжкие всплески, вода волновалась, прибрежная куга тихонько покачивалась.

Володя готов был хоть сейчас начать ловить, но Яшка шёл всё дальше берегом реки. Они почти по пояс вымокли в росе, когда наконец Яшка шёпотом сказал: «Здесь!» — и стал спускаться к воде. Нечаянно он оступился, влажные комья земли посыпались из-под его ног, и тотчас же, невидимые, закричали утки, заплескали крыльями, взлетели и потянулись над рекой, пропадая в тумане. Яшка съёжился и зашипел, как гусь. Володя облизнул пересохшие губы и спрыгнул вслед за Яшкой вниз. Оглядевшись, он поразился мрачности, которая царила в этом омуте. Пахло сыростью, глиной и тиной, вода была чёрная, вёты в буйном росте почти закрыли всё небо, и, несмотря на то что верхушки их уже порозовели от солнца, а сквозь туман было видно синее небо, здесь, у воды, было сыро, угрюмо и холодно.

— Тут знаешь глубина какая? — Яшка округлил глаза. — Тут и дна нету...

Володя немного отодвинулся от воды и вздрогнул, когда у противоположного берега гулко ударила рыба.

— В этом бочаге у нас никто не купается...

— Почему? — слабым голосом спросил Володя.

— Засасывает... Как ноги опустил вниз, так всё... Вода — как лёд — и вниз утягивает. Мишка Каюнёнок говорил — там осьминоги на дне лежат.

— Осьминоги только... в море, — неуверенно сказал Володя и ещё отодвинулся.

— «В море»!.. Сам знаю! А Мишка видал! Пошёл на рыбалку, идёт мимо, смотрит — из воды щуп, и вот по берегу шарит... Ну? Мишка аж до самой деревни бёг! Хотя, наверное, он врёт, я его знаю, — несколько неожиданно заключил Яшка и стал разматывать удочки.

Володя приободрился, а Яшка, уже забыв про осьминогов, нетерпеливо поглядывал на воду, и каждый раз, когда шумно всплывала рыба, лицо его принимало напряжённо-страдальческое выражение.

Размотав удочки, он передал одну из них Володе, отсыпал ему в спичечную коробку червей и глазами показал место, где ловить.

Закинув насадку, Яшка, не выпуская из рук удилица, нетерпеливо уставился на поплавок. Почти сейчас же закинул свою насадку и Володя, но зацепил при этом удилицем за ветлу. Яшка страшно взглянул на Володю, выругался шёпотом, а когда перевёл взгляд опять на поплавок, то вместо него увидел только лёгкие расходящиеся круги. Яшка тотчас с силой подсёк, плавно повёл рукой вправо, с наслаждением почувствовал, как в глубине упруго заходила рыба, но напряжение лески вдруг ослабло, и из воды, чмокнув, выскочил пустой крючок. Яшка задрожал от ярости.

— Ушла, а? Ушла... — пришепётывал он, надевая мокрыми руками нового червя на крючок.

Снова забросил насадку и снова, не выпуская из рук удилица, неотрывно смотрел на поплавок, ожидая поклёвки. Но поклёвки не было, и даже всплесков не стало слышно. Рука у Яшки устала, и он осторожно воткнул удилице в мягкий берег. Володя посмотрел на Яшку и тоже воткнул своё удилице.

Солнце, поднимаясь всё выше, заглянуло наконец и в этот мрачный омут. Вода сразу ослепительно засверкала, и загорелись капли росы на листьях, на траве и на цветах. Володя, жмурясь, посмотрел на свой поплавок, потом оглянулся и неуверенно спросил:

— А что, может рыба в другой бочаг уйти?

— Ясное дело! — злобно ответил Яшка. — Та сорвалась и всех распугала. А здоровая, верно, была... Я как дёрнул, так у меня руку сразу вниз потащило! Может, на кило потянуло бы.

Яшке немного стыдно было, что он упустил рыбу, но, как часто бывает, вину свою он склонен был приписать Володе. «Тоже мне рыбак! — думал он. — Сидит раскорякой... Один ловишь или с настоящим рыбаком — только успевай таскать...» Он хотел чем-нибудь уколоть Володю, но вдруг схватился за удочку: поплавок чуть шевельнулся. Напрягаясь, будто дерево с корнем вырывал, он медленно вытащил удочку из земли и, держа её на весу, чуть приподнял вверх. Поплавок снова качнулся, лёг набок,

чуть подержался в таком положении и опять выпрямился. Яшка перевёл дыхание, скосил глаза и увидел, как Володя, побледнев, медленно приподнимается. Яшке стало жарко, пот мелкими капельками выступил у него на носу и верхней губе. Поплавок опять вздрогнул, пошёл в сторону, погрузился наполовину и наконец исчез, оставив после себя заметный завиток воды. Яшка, как и в прошлый раз, мягко подсёк и сразу подался вперёд, стараясь выпрямить удилице. Леска с дрожащим на ней поплавком вычертила кривую, Яшка привстал, перехватил удочку другой рукой и, чувствуя сильные и частые рывки, опять плавно повёл руками вправо. Володя подскочил к Яшке и, блестя отчаянными, круглыми глазами, закричал тонким голосом:

— Давай, давай, дава-ай!..

— Уйди! — просипел Яшка, пяясь, часто переступая ногами.

На мгновение рыба вырвалась из воды, показала свой сверкающий широкий бок, туго ударила хвостом, подняла фонтан розовых брызг и опять ринулась в холодную глубину. Но Яшка, оперев комель удилица в живот, всё пятился и кричал:

— Врёшь, не уйдё-ошы!..

Наконец он подвёл упирающуюся рыбу к берегу, рывком выбросил её на траву и сейчас же упал на неё животом. У Володи пересохло горло, сердце неистово колотилось.

— Что у тебя? — присев на корточки, спрашивал он. — Покажи, что у тебя?

— Ле-ещ! — с упоением выговорил Яшка.

Он осторожно вытащил из-под живота большого холодного леща, повернул к Володе своё счастливое широкое лицо, сипло засмеялся было, но улыбка его внезапно пропала, глаза испуганно уставились на что-то за спиной Володи, он съёжился, ахнул:

— Удочка-то... Глянь-ка!

Володя обернулся и увидел, что его удочка, отвалив ком земли, медленно сползает в воду и что-то сильно дёргает леску. Он вскочил, споткнулся и, на коленях подтянувшись к удочке, успел схватить её. Удилище сильно согнулось. Володя повернул к Яшке круглое бледное лицо.

— Держи! — крикнул Яшка.

Но в этот момент земля под ногами у Володи зашевелилась, подалась, он потерял равновесие, выпустил удочку, нелепо, будто ловя мяч, всплеснул руками, звонко крикнул: «Ааа!» — и упал в воду.

— Дурак! — сипло закричал Яшка, злобно и страдальчески искривив лицо. — Недотёпа чёртова!.. Рыбу распугал...

Он вскочил, схватил ком земли с травой, готовясь швырнуть в лицо Володе, как только он вынырнет. Но, взглянув в воду, он замер, и у него появилось то томительное чувство, которое испытываешь во сне, когда вялое тело не подчиняется сознанию. Володя в трёх метрах от берега бил, шлёпал по воде руками, запрокидывая к небу белое лицо с выпученными глазами, захлёбывался и, окунаясь в воду, всё силился что-то крикнуть, но в горле у него клокотало и получалось: «Уаа... Уа...»

«Тонет! — с ужасом подумал Яшка. — Утягивает!» Бросил комок земли, которым хотел ударить Володю, и, вытирая липкую руку о штаны, не отрывая глаз от него и чувствуя слабость в ногах, попятился вверх, прочь от воды. На ум ему сразу пришёл рассказ Мишки о громадных осьминогах на дне бочага, в груди и животе стало холодно от ужаса: он понял, что Володю схватил осьминог... Земля сыпалась у него из-под ног, он упирался трясущимися руками и, совсем как во сне, неповоротливо и тяжело лез вверх.

Наконец, подгоняемый страшными звуками, которые издавал Володя, Яшка выскочил на луг, кинулся к деревне, но, не пробежав и десяти шагов, остановился, будто споткнувшись, чувствуя, что убежать никак нельзя. Поблизости не было никого, и некому было крикнуть о помощи... Яшка судорожно шарил в карманах и в сумке в поисках хоть какой-нибудь бечёвки и, не найдя ничего, бледный, стал подкрадываться к бочагу. Подойдя к обрыву, он заглянул вниз, ожидая увидеть страшное и в то же время надеясь, что всё как-то обошлось, и опять увидел Володю. Володя теперь уже не бился, он почти весь скрылся под водой, только макушка с торчащими волосами была ещё видна... Она скрывалась и опять показывалась, скрывалась и показывалась... Яшка, не отрывая взгляда от этой макушки, начал растёгивать штаны, потом вскрикнул и скатился

вниз. Высвободившись из штанов, он, как был, в рубашке и с сумкой через плечо, прыгнул в воду, в два взмаха подплыл к Володе, схватил его за руку.

Володя сразу же вцепился в Яшку, стал быстро-быстро перебирать руками, цепляясь за рубашку и сумку, наваливаясь на него, по-прежнему выдавливая из себя нечеловеческие, страшные звуки: «Уаа... Уааа...» Вода хлынула Яшке в рот. Чувствуя у себя на шее мёртвую хватку, он попытался выставить из воды своё лицо, но Володя, дрожа мелкой дрожью, всё карабкался на него, наваливался всей тяжестью, старался влезть на плечи. Яшка захлебнулся, закашлялся, задыхаясь, глотая воду, и тогда дикий, небывалый ужас охватил его, в глазах с ослепительной силой вспыхнули красные и жёлтые круги. Он понял, что Володя утопит его, что пришла его смерть, дёрнулся из последних сил, забарахтался, закричал так же нечеловечески страшно, как кричал Володя минуту назад, ударил Володю ногой в живот, вынырнул и сквозь бегущую с волос воду увидел яркий сплюснутый шар солнца. Чувствуя ещё на себе тяжесть Володи, он оторвал, сбросил его с себя, замолотил по воде руками и ногами и, поднимая буруны пены, в ужасе бросился к берегу.

И только ухватившись рукой за прибрежную осоку, он опомнился и посмотрел назад. Взбаламученная вода в омуте успокаивалась, и никого уже не было на её поверхности. Из глубины весело выскочило несколько пузырьков воздуха, и у Яшки застучали зубы.

Он оглянулся: ярко светило солнце, и листья кустов и вётлы блестели, радужно светилась паутина между цветами, и трясогузка сидела вверху, на бревне, покачивала хвостом и блестящим глазом смотрела на Яшку, и всё было так же, как и всегда, всё дышало покоем и тишиной, и стояло над землёй тихое утро, а между тем вот только сейчас, совсем недавно, случилось небывалое — только что утонул человек, и это он, Яшка, ударил, утопил его...

Яшка моргнул, отпустил осоку, повёл плечами под мокрой рубашкой, глубоко, с перерывами вздохнул воздух и нырнул. Открыв под водой глаза, он не мог сначала ничего разобрать: кругом дрожали неясные желтоватые и зеленоватые блики и какие-то травы, освещённые солнцем. Но свет солнца не проникал туда, в глубину... Яшка опу-

стился ещё ниже, проплыл немного, задевая руками и лицом за травы, и тут увидел Володю. Володя держался на боку, одна нога его запуталась в траве, а сам он медленно поворачивался, покачиваясь, подставляя солнечному свету круглое бледное лицо и шевеля левой рукой, словно пробуя на ощупь воду. Яшке показалось, что Володя притворяется и нарочно покачивает рукой, что он следит за ним, чтобы схватить, как только он дотронется до него.

Чувствуя, что сейчас задохнётся, Яшка рванулся к Володе, схватил его за рубашку, зажмурился, торопливо дёрнул тело Володи вверх и удивился, как легко и послушно Володя последовал за ним. Вынырнув, он жадно задышал, и теперь ему ничего не нужно и не важно было, кроме как дышать и чувствовать, как грудь раз за разом наполняется удивительно чистым воздухом.

Не выпуская Володиной рубашки, он стал подталкивать его к берегу. Плыть было тяжело. Почувствовав дно под ногами, Яшка положил Володю грудью на берег, лицом в траву, тяжело вылез сам и вытащил Володю. Он вздрагивал, касаясь холодного тела, глядя на мёртвое, неподвижное лицо, торопился и чувствовал себя таким усталым, таким несчастным...

Перевернув Володю на спину, он стал разводить его руки, давить на живот, дуть в нос. Он запыхался и ослабел, а Володя был всё такой же белый и холодный. «Помер?» — с испугом подумал Яшка, и ему стало очень страшно. Убежать бы куда-нибудь, спрятаться, чтобы только не видеть этого равнодушного, холодного лица!

Яшка всхлипнул от ужаса, вскочил, схватил Володю за ноги, вытянул, насколько хватило сил, вверх и, побагровев от натуги, начал трясти. Голова Володи билась по земле, волосы свалились от грязи. И в тот самый момент, когда Яшка, окончательно обессилев и упав духом, хотел бросить всё и бежать куда глаза глядят, — в этот самый момент изо рта Володи хлынула вода, он застонал и судорога прошла по его телу. Яшка выпустил Володины ноги, закрыл глаза и сел на землю.

Володя опёрся слабыми руками, привстал, точно собирался немедленно куда-то бежать, но снова повалился, снова зашёлся судорожным кашлем, брызгаясь водой и корчась на сырой траве.

Яшка отполз в сторону и расслабленно смотрел на Володю. Никого сейчас не любил он больше Володи, ничто на свете не было ему милее этого бледного, испуганного и страдающего лица. Робкая, влюблённая улыбка светилась в глазах Яшки, с нежностью смотрел он на Володю и бессмысленно спрашивал:

— Ну как? А? Ну как?..

Володя немного оправился, вытер рукой лицо, взглянул на воду и незнакомым, хриплым голосом, с заметным усилением, заикаясь, выговорил:

— Как я... то-нул...

Тогда Яшка вдруг сморщился, зажмурился, из глаз у него брызнули слёзы, и он заревел, заревел горько, безутешно, сотрясаясь всем телом, задыхаясь и стыдясь своих слёз. Плакал он от радости, от пережитого страха, от того, что всё хорошо кончилось, что Мишка Каюнёнок врал и никаких осьминогов в этом бочаге нет...

Глаза Володи потемнели, рот приоткрылся, и с испугом и недоумением смотрел он на Яшку.

— Ты... что? — выдавил он из себя.

— Да-а... — выговорил Яшка, что есть силы стараясь не плакать и вытирая глаза штанами, — ты уто-о... утопать... а мне тебя спа-а... спаса-а-ать...

И он заревел ещё отчаянней и громче.

Володя заморгал, покривился, посмотрел опять на воду, сердце его дрогнуло, он всё вспомнил...

— Как... как я тону-ул!.. — будто удивляясь, сказал он и тоже заплакал, дёргая худыми плечами, беспомощно опустив голову и отворачиваясь от своего спасителя.

Вода в омуте давно успокоилась, рыба с Володиной удочки сорвалась, удочка прибилась к берегу... Светило солнце, пылали кусты, обрызганные росой, и только вода в омуте оставалась всё такой же чёрной.

Воздух нагрелся, и горизонт дрожал в его тёплых струях. Издали, с полей, с другой стороны реки, вместе с порывами тёплого ветра летели запахи сена и сладкого клевера. Запахи эти, смешиваясь с более дальними, но острыми запахами леса, и этот лёгкий тёплый ветер были похожи на дыхание проснувшейся земли, радующейся новому светлому дню.

Размышляет о прочитанном

1. Чем отличается поведение Яшки по дороге к реке от поведения Володи? По каким признакам Яшка узнавал, что летят утки, звенят дрозды? Что рассказал он о дроздах?
2. Как вели себя в минуту опасности мальчики? Как объяснить, что для Яшки после того, как всё кончилось благополучно, не было ничего на свете милее бледного, испуганного, страдающего лица Володи?
3. По высказываниям исследователей творчества Казакова, писатель ничего невыгодного для своих героев не утаивает от читателя, который сам должен решить, насколько они хороши или плохи. Как вы думаете, что мог утаить, но не утаил от читателя автор в поведении Яшки?

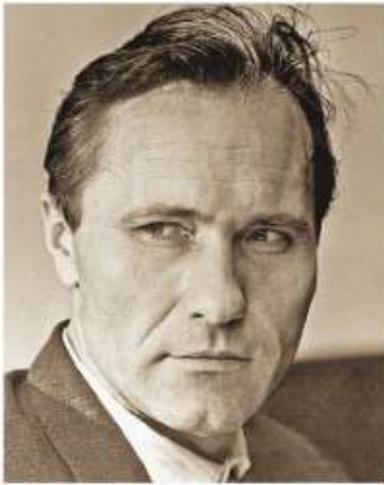
Совершенствует свою речь

Подготовьте по самостоятельно составленному плану пересказ или чтение рассказа по ролям (на выбор).

Творческое задание

1. Бывали ли с вами в лесу или на реке сложные ситуации? Как вы себя вели в это время? Кто вам помог? Помогли ли вы кому-нибудь? Отвечая на вопросы, постарайтесь использовать пословицы «Друзья познаются в беде», «Одному не под силу — зови товарищей».
2. Прочитайте самостоятельно рассказ Ю. Казакова «По дороге». Подготовьте устный или письменный отзыв на этот рассказ (на выбор).

Василий Макарович
Шукшин
1929—1974

Василий Макарович Шукшин прожил недолгую жизнь. Значительная её часть ушла на скитания и «университеты жизни». Творческая жизнь Шукшина как прозаика, драматурга, актёра и режиссёра составила всего 20 лет.

Будущий знаменитый писатель родился в селе Сростки Бийского района Алтайского края в крестьянской семье. Его отец был арестован, когда мальчику было 4 года, и реабилитирован¹ посмертно в 1956 году. Воспитывали Шукшина мать, женщина почти неграмотная, но от природы добрая и смышлёная, с сильной натурой, чуткая к слову, к музыке, к песне, и отчим, погибший на фронте. От матери передались Шукшину разнообразные дарования.

Детство у Шукшина было трудное: в колхозе и дома он исполнял всю крестьянскую работу. Он рано пристрастился к чтению. Есть сведения, что некоторое время Шукшин учился в Бийском автомобильном техникуме, затем, по его словам, «работал в Калуге на строительстве турбинного завода, во Владимире на тракторном заводе, на стройках Подмосковья». Шукшин перепробовал множество профессий: был и разнорабочим, и слесарем-такелажником, и учеником маляра, и грузчиком. В конце 1940-х годов он был призван в армию и служил на флоте. После досрочной демобилизации из-за болезни он возвратился в родные Сростки и был директором вечерней школы, одновременно преподавая русский язык и литературу. В это время он решил получить высшее образование. Но для этого надо было завершить среднее. Шукшин экстерном сдал экзамены и, имея на руках аттестат зрелости, в 1954 году поступил на режиссёрский факультет ВГИКа (Все-

¹ *Реабилитрован* — в данном случае — признан несправедливо осуждённым.

союзного государственного института кинематографии). Он попал в мастерскую замечательного режиссёра М. Ромма, который оказал на Шукшина большое влияние и как художник, и как человек. Вкусу, уму и интуиции М. Ромма Шукшин доверил свои первые рассказы и рецензии, которые начал сочинять в институте. Впоследствии Шукшин писал, что на первых порах ему было очень трудно учиться в институте. Его однокурсники знали больше, чем он, и знали то, что не знать было нельзя. Шукшин учился, по его признанию, отрывисто, с пропусками. К началу 1960-х годов, когда Шукшин закончил институт, он решил в полный голос заявить о себе прозаическими сочинениями. И хотя он в ту пору уже напечатал один рассказ и снимался в кинофильмах «Два Фёдора», «Алёнка», своим писательским дебютом считал появление рассказов «Правда», «Светлая душа», «Стёпкина любовь», «Экзамен» и сборника «Сельские жители».

Первую книгу Шукшина критика встретила доброжелательно. Особенностью шукшинской прозы критика считала «философскую» раздумчивость персонажей, которые размышляют о самых простых и вместе с тем самых сложных вопросах жизни. Мужики у Шукшина думают о том, что такое жизнь, для чего она дана и как надо жить.

Проверьте себя

1. Что вы знали раньше о рассказах В. М. Шукшина? Читали ли вы произведения писателя? Расскажите о них.
2. Прочитайте рассказ В. М. Шукшина «Критики». Подумайте, почему в нём смешное, юмористическое соединяется с грустным, печальным?

КРИТИКИ

Деду было семьдесят три, Петьке, внуку, — тринадцать. Дед был сухой и нервный и страдал глухотой. Петька, не по возрасту самостоятельный и длинный, был стыдлив и упрям. Они дружили.

Больше всего на свете они любили кино. Половина дедовой пенсии уходила на билеты. Обычно, подсчитав к концу месяца деньги, дед горько и весело объявлял Петьке:

— Ухайдакали мы с тобой пять рубликов.

Петька для приличия делал удивлённое лицо.

— Ничего, прокормют, — говорил дед (имелись в виду отец и мать Петьки. Дед Петьке доводился по отцу). — А нам с тобой это для пользы.

Садилась всегда в первый ряд: дешевле, и потом там дед лучше слышал. Но всё равно половину слов он не разбирал, а догадывался по губам актёров. Иногда случалось, что дед вдруг ни с того ни с сего начинал хохотать. А в зале никто не смеялся. Петька толкал его в бок и сердито шипел:

— Ты чего? Как дурак...

— А как он тут сказал? — спрашивал дед.

Петька шёпотом пересказывал деду в самое ухо:

— Не снижая темпов.

— Хе-хе-хе, — негромко смеялся дед уже над собой. — А мне не так показалось.

Иногда дед плакал, когда кого-нибудь убивали невинного.

— Эх вы... люди! — горько шептал он и сморкался в платок. Вообще он любил высказаться по поводу того, что видел на экране. Когда там горячо целовались, например, он усмеялся и шептал:

— От черти!.. Ты гляди, гляди... Хэх!

Если дрались, дед, вцепившись руками в стул, напряжённо и внимательно следил за дракой (в молодости, говорят, он охотник был подраться. И умел).

— Нет, вон тот не... это... слабый. А этот ничего, вёрткий.

Впрочем, фальшь чуял.

— Ну-у, — обиженно говорил он, — это они понарошке.

— Так кровь же идёт, — возражал Петька.

— Та-а... кровь. Ну и что? Нос, он же слабый: дай потихоньку, и то кровь пойдёт. Это не в том дело.

— Ничего себе не в том!

— Конечно, не в том.

На них шикали сзади, и они умолкали.

Спор основной начинался, когда выходили из клуба. Особенно в отношении деревенских фильмов дед был категоричен до жестокости.

— Хреновина, — заявлял он. — Так не бывает.

— Почему не бывает?

— А что, тебе разве этот парень глянется?

— Какой парень?

— С гармошкой-то. Который в окно-то лазил.

— Он не лазил в окно, — поправлял Петька; он точно помнил всё, что происходило в фильме, а дед путал, и это раздражало Петьку. — Он только к окну лез, чтобы спеть песню.

— Ну, лез. Я вон один раз, помню, полез было...

— А что, он тебе не глянется?

— Кто?

— Кто-кто!.. Ну парень-то, который лез-то. Сам же заговорил про него.

— Ни вот на столько. — Дед показывал кончик мизинца. — Ваня-дурачок какой-то. Поёт и поёт ходит... У нас Ваня-дурачок такой был — всё пел ходил.

— Так он же любит! — начинал нервничать Петька.

— Ну и что, что любит?

— Ну и поёт.

— А?

— Ну и поёт, говорю!

— Да его бы давно на смех подняли, такого! Ему бы проходу не было. Он любит... Когда любят, то стыдятся. А этот трезвонит ходит по всей деревне... Какая же дура пойдёт за него! Он же несерьёзный парень. Мы вон, помню: поглянется девка, так ты её за две улицы обходишь — потому что совестно. Любит... Ну и люби на здоровье, но зачем же...

— Чего — зачем?

— Зачем же людей-то смешить? Мы вон, помню...

— Опять «мы, мы». Сейчас же люди-то другие стали!

— Чего это они другие-то стали? Всегда люди одинаковые. Ты у нас много видел таких дурачков?

— Это же кино всё-таки. Нельзя же сравнивать.

— Я и не сравниваю. Я говорю, что парень непохожий, вот и всё, — стоял на своём дед.

— Так всем же глянется! Смеялись же! Я даже и то смеялся.

— Ты маленький ишо, поэтому тебе всё смешно. Я вот небось не засмеюсь где попало.

Со взрослыми дед редко спорил об искусстве — не умел. Начинал сразу нервничать, обзывался.

Один раз только крепко схлестнулся он со взрослыми, и этот-то единственный раз и навлёк на его голову беду.

Дело было так.

Посмотрели они с Петькой картину — комедию, вышли из клуба и дружно разложили её по косточкам.

— И ведь что обидно: сами ржут, черти (актёры), а тут сидишь — хоть бы хны, даже усмешки нету! — горько возмущался дед. — У тебя была усмешка?

— Нет, — признался Петька. — Один раз только, когда они с машиной перевернулись.

— Ну вот! А ведь мы же деньги заплатили — два рубля по-старому! А они сами посмеялись, и всё.

— Главное, пишут: «Комедия».

— Комедия!.. По зубам за такую комедию надавать.

Пришли домой злые.

А дома в это время смотрели по телевизору какую-то деревенскую картину. К ним в гости приехала Петькина тётя, сестра матери Петьки. С мужем. Из города. И вот все сидят и смотрят телевизор. (Дед и Петька «не переваривали» телевизор. «Это я, когда ещё холостым был, а брат Микита женился, так вот я любил к ним в горницу через щёлочку подглядывать. Так и телевизор ихний: всё вроде как подглядываешь», — сказал дед, посмотрев пару раз телевизионные передачи.)

Вот, значит, сидят все, смотрят.

Петька сразу ушёл в прихожую учить уроки, а дед остановился за всеми, посмотрел минут пять на телевизорную мельтешню¹ и заявил:

— Хреновина. Так не бывает.

Отец Петьки обиделся.

— Помолчи, тять, не мешай.

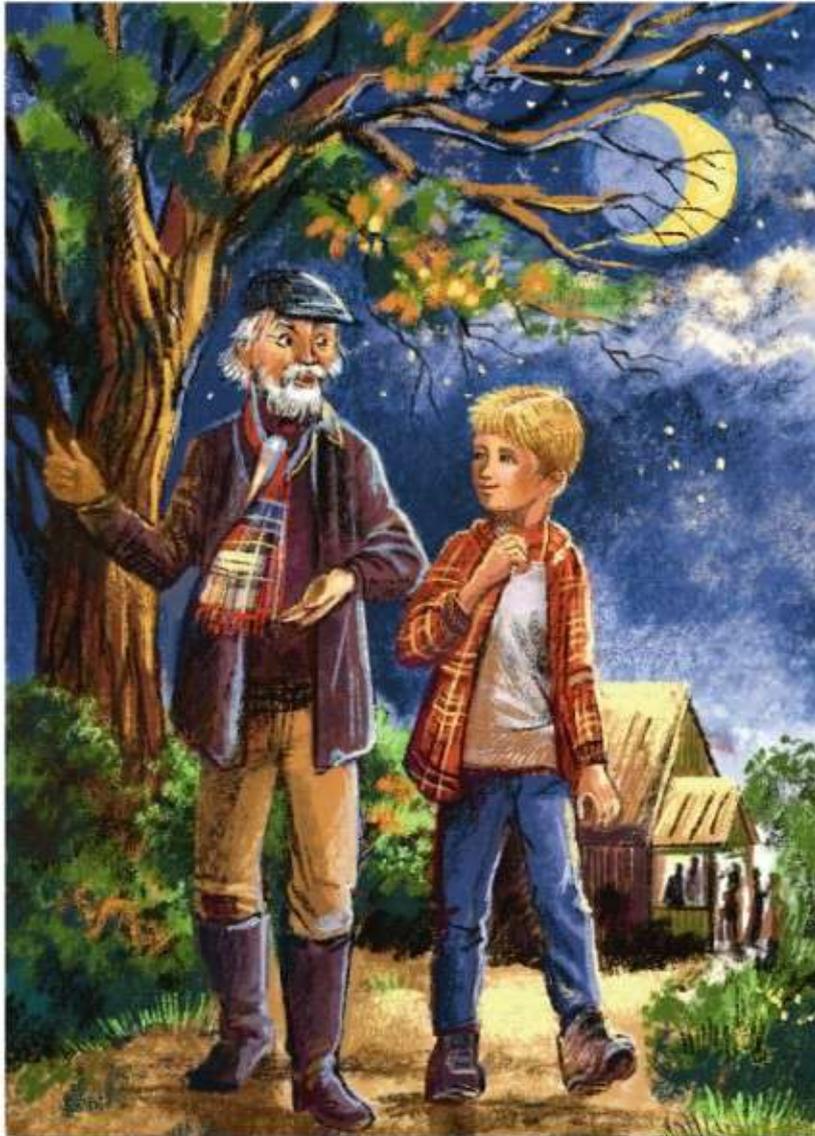
— Нет, это любопытно, — сказал городской вежливый мужчина. — Почему так не бывает, дедушка? Как не бывает?

— А?

— Он недослышит у нас, — пояснил Петькин отец.

— Я спросил: почему так не бывает?! А как бывает?! — громко повторил городской мужчина, заранее почему-то улыбаясь.

¹ Мельтешня (мельтешить) — надоедливое мелькание перед глазами.

«Критики». Художник А. Мелентьева

Дед презрительно посмотрел на него.

— Вот так и не бывает. Ты вот смотришь и думаешь, что он правда плотник, а я, когда глянул, сразу вижу: никакой он не плотник. Он даже топор правильно держать не умеет.

— Они у нас критики с Петькой, — сказал Петькин отец, желая немного смягчить резкий дедов тон.

— Любопытно, — опять заговорил городской. — А почему вы решили, что он топор неправильно держит?

— Да потому, что я сам всю жизнь плотничал. «Почему решили?»

— Дедушка, — встряла в разговор Петькина тётя, — а разве в этом дело?

— В чём?

— А мне вот гораздо интереснее сам человек. Понимаете? Я знаю, что это не настоящий плотник, — это актёр, но мне инте... мне гораздо интереснее...

— Вот такие и пишут на студии, — опять с улыбкой сказал муж Петькиной тётя. Они были очень умные и всё знали — Петькина тётя и её муж. Они улыбались, когда разговаривали с дедом. Деда это обозлило.

— Тебе не важно, а мне важно, — отрезал он. — Тебя им надуть — пара пустяков, а меня не надуют.

— Ха-ха-ха, — засмеялся городской человек. — Получила?

Петькина тётя тоже усмехнулась.

Петькиному отцу и Петькиной матери было очень неудобно за деда.

— Тебе ведь трудно угодить, тять, — сказал Петькин отец. — Иди лучше к Петьке, помоги ему. — Склонился к городскому человеку и негромко пояснил: — Помогает моему сыну уроки учить, а сам — ни в зуб ногой. Спорят друг с другом. Умора!

— Любопытный старик, — согласился городской человек.

Все опять стали смотреть картину, про деда забыли. Он стоял сзади как оплётанный. Постоял ещё немного и пошёл к Петьке.

— Смеются, — сказал он Петьке.

— Кто?

— Вон... — Дед кивнул в сторону горницы. — Ничего, говорят, ты не понимаешь, старый хрен. А они понимают!

— Не обращай внимания, — посоветовал Петька.

Дед присел к столу, помолчал. Потом опять заговорил.

— Ты, говорят, дурак, из ума выжил...

— Что, так и сказали?

— А?

— Так и сказали на тебя — дурак?

— Усмехаются сидят. Они шибко много понимают! — Дед постепенно «заводился», как выражался Петька.

— Не обращай внимания, — опять посоветовал Петька.

— Приехали... Грамотеи! — Дед встал, покопался у себя в сундуке, взял деньги и ушёл. Пришёл через час пьяный.

— О-о! — удивился Петька (дед редко пил). — Ты чего это?

— Смотрят? — спросил дед.

— Смотрят. Не ходи к ним. Давай я тебя раздену. Зачем напился-то?

Дед грузно опустился на лавку.

— Они понимают, а мы с тобой не понимаем! — громко заговорил он. — Ты, говорят, дурак, дедушка! Ты ничего в жизни не понимаешь. А они понимают! Денег много?! — Дед уже кричал. — Если и много, то не подымай нос! А я честно всю жизнь горбатился!.. И я же теперь сиди, помалкивай. А ты сроду топора в руках не держал! — Дед разговаривал с дверью, за которой смотрели телевизор.

Петька растерялся.

— Не надо, деда, не надо, — успокаивал он деда. — Давай я тебя разую. Ну их!..

— Нет, постой, я ему скажу... — Дед хотел встать, но Петька удержал его.

— Не надо, деда!

— Финтифлюшки городские. — Дед как будто успокоился, притих.

Петька снял с него один сапог.

Но тут дед опять чего-то вскинул голову.

— Ты мне усмешечки строишь? — Опять глаза его безрассудно заблестели. — А я тебе одно слово могу сказать!.. — Взял сапог и пошёл в горницу. Петька не сумел удержать его.

Вошёл дед в горницу, размахнулся и запустил сапогом в телевизор.

— Вот вам!.. И плотникам вашим!

Экран — вдребезги.

Все повскакали с мест. Петькина тётя даже взвизгнула.

— Усмешечки строить! — закричал дед. — А ты когда-нибудь топор держал в руках?!

Отец Петькин хотел взять деда в охапку, но тот оказал сопротивление. С грохотом полетели стулья. Петькина тётя опять взвизгнула и вылетела на улицу.

Петькин отец всё-таки одолел деда, заломил ему руки назад и стал связывать полотенцем.

— Удосужил ты меня, удосужил, родитель, — зло говорил он, накрепко стягивая руки деда. — Спасибо тебе.

Петька перепугался насмерть, смотрел на всё это широко открытыми глазами. Городской человек стоял в сторонке и изредка покачивал головой. Мать Петьки подбирала с пола стёкла.

— Удосужил ты меня... — всё приговаривал отец Петьки и нехорошо скалился.

Дед лежал на полу вниз лицом, тёрся бородой о крашеную половицу и кричал:

— Ты мне усмешечки, а я тебе — одно слово!.. Слово скажу тебе, и ты замолкнешь. Если я дурак, как ты говоришь...

— Да разве я так говорил? — спросил городской мужчина.

— Не говорите вы с ним, — сказала мать Петьки. — Он сейчас совсем оглох. Бессовестный.

— Вы меня с собой за стол сажать не хотите — ладно! Но ты мне... Это — ладно, пускай! — кричал дед. — Но ты мне тогда скажи: ты хоть один сруб срубил за свою жизнь? А-а!.. А ты мне же говоришь, что я в плотниках не понимаю! А я половину этой деревни своими руками построил!..

— Удосужил, родимчик тебя возьми, удосужил, — приговаривал отец Петьки.

И тут вошли Петькина тётя и милиционер, здешний мужик, Ермолай Кибяков.

— Ого-го! — воскликнул Ермолай, широко улыбаясь. — Ты чего это, дядя Тимофей? А?

— Удосужил меня на радостях-то, — сказал отец Петьки, поднимаясь.

Милиционер хмыкнул, почесал ладонью подбородок и посмотрел на отца Петьки. Тот согласно кивнул головой и сказал:

— Надо. Пусть там переночует.

Ермолай снял фуражку, аккуратно повесил её на гвоздик, достал из планшета лист бумаги, карандаш и присел к столу.

Дед притих.

Отец Петьки стал рассказывать, как всё было. Ермолай пригладил заскоруждой тёмной ладонью жидкие волосы

на большой голове, кашлянул и стал писать, навалившись грудью на стол и наклонив голову влево.

«Гражданин Новоскольцев Тимофей Макарыч, одна тысяча...»

— Он с какого года рождения?

— С девяностого.

«Одна тысяча девяностого года рождения, плотник в бывшем, сейчас сидит на пенсии. Особых примет нету. ...Вышеуказанный Тимофей двадцать пятого сентября сего года заявился домой в состоянии крепкого алкоголя. В это время семья смотрела телевизор. И гости ещё были».

— Как кинофильм назывался?

— Не знаю. Мы включили, когда там уже шло, — пояснил отец. — Про колхоз.

«...Заглавие фильма не помнят. Знают одно: про колхоз».

Тимофей тоже стал смотреть телевизор. Потом он сказал: „Таких плотников не бывает“. Все попросили Тимофея оправиться. Но он продолжал возбуждённое состояние. Опять сказал, что таких плотников не бывает, враньё, дескать. „Руки, говорит, у плотников совсем не такие“. И стал совать свои руки. Его ещё раз попросили оправиться. Тогда Тимофей снял с ноги правый сапог (размер 43—45, яловый) и произвёл удар по телевизору. Само собой, вышиб всё на свете, то есть там, где обычно бывает видно.

Старший сержант милиции КИБЯКОВ».

Ермолай встал, сложил протокол вдвое, спрятал в планшет.

— Пошли, дядя Тимофей!

Петька до последнего момента не понимал, что происходит. Но когда Кибяков и отец стали поднимать деда, он понял, что деда сейчас поведут в каталажку. Он громко заплакал и кинулся защищать его.

— Куда вы его?! Деда, куда они тебя!.. Не надо, тять, не давай!..

Отец оттолкнул Петьку, а Кибяков засмеялся.

— Жалко дедушку-то? Сча-ас мы его в тюрьму посадим. Сча-ас...

Петька заплакал ещё громче. Мать увела его в уголок и стала уговаривать.

— Ничего не будет с ним, что ты плачешь-то? Переночует там ночь и придёт. А завтра стыдно будет. Не плачь, сынок.

Деда обули и повели из избы. Петька заплакал навзрыд. Городская тётя подошла к ним и тоже стала уговаривать Петьку.

— Что ты, Петенька? В отрезвитель ведь его повели-то, в отрезвитель! Он же придёт скоро. У нас в Москве знаешь сколько водят в отрезвитель!..

Петька вспомнил, что это она, тётя, привела милиционера, грубо оттолкнул её от себя, залез на печку и там долго ещё горько плакал, уткнувшись лицом в подушку.

Размышляем о прочитанном

1. Почему рассказ называется «Критики»?
2. Что объединяло подростка Петьку и его деда?
3. В чём взгляды на кино деда и Петьки совпадали? Случались ли разногласия в их оценке фильма или киногероя? В чём? Почему?
4. Как вы думаете, почему «со взрослыми дед редко спорил об искусстве...»?
5. Почему деда так обозлило то обстоятельство, что городские гости улыбались, когда разговаривали с ним?
6. Перечитайте текст протокола, составленного милиционером Ермолаем Кибяковым. Почему этот текст вызывает улыбку, какими языковыми средствами создаётся комическая ситуация?

Творческое задание

Подготовьте устный пересказ «Критиков» от лица Петьки. Постарайтесь при пересказе передать характер взаимоотношений внука и деда, оценку Петькой конфликтной ситуации между дедом и городскими гостями, причину его горьких рыданий в финале рассказа.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ-ФАНТАСТОВ

*Андрей Валентинович
Жвалевский*

Род. в 1967 году

*Евгения Борисовна
Пастернак*

Род. в 1972 году

Ваши ровесники, подростки, вышедшие из детства и стоящие на пороге юности, часто были героями произведений русской классической литературы. Таковы Николенька Иртеньев из трилогии «Детство», «Отрочество» и «Юность» Л. Н. Толстого, Алёша Пешков из автобиографической трилогии М. Горького, Витя Потылицын из произведений В. П. Астафьева, герой рассказа В. Г. Распутина «Уроки французского».

Читая названные произведения, вы отмечали сходство и различия в характерах, поведении, чувствах юных героев, живших в разное время. Что отличает подростков начала XXI века от их ровесников предыдущих эпох? Об этом размышляют многие современные писатели.

К таким писателям относятся Андрей Жвалевский и Евгения Пастернак, живущие в Белоруссии, но пишущие свои произведения на русском языке. Их книги «Правдивая история Деда Мороза», «Время всегда хорошее», «Гимназия № 13», «Шекспиру и не снилось» популярны у современных школьников. Писатели удостоены многих российских и международных литературных премий в об-

ласти детской и юношеской литературы: «Алые паруса», «Заветная мечта» и др.

Предлагаем вам прочитать отрывок из фантастической повести А. В. Жвалевского и Е. Б. Пастернак «Время всегда хорошее», написанной в 2007 году. Фантастичность сюжета повести основана на том, что её герои путешествуют во времени: пионер Витя Шевченко из 1980 года вдруг перемещается в 2018-й, а его ровесница Оля Воробьёва из своего 2018-го — в 1980-й.

ВРЕМЯ ВСЕГДА ХОРОШЕЕ

(Отрывок из повести)

Синичка, 10 апреля 2018 года, утро

Я проснулась от радостного «ку-ка-ре-ку» и выключила будильник на комике. Встала, побрела на кухню, по дороге включила комп. До первого урока ещё час, вполне можно посмотреть, что за ночь на форуме написали.

Пока комп грузился, я успела налить себе чашку чая и выслушать от мамы стандартное:

— Оля, куда ты пошла, поешь, как человек, за столом в кои-то веки.

— Ага, — буркнула я, стащила бутерброд и отправилась к монитору.

Я полезла на форум школы. Как обычно, интернет ночью жил насыщенной жизнью. Большой Обезьян опять разругался с Птицей. Долго ругались, до двух часов ночи. Вот везёт людям, никто их спать не гонит.

— Оля, тебе выходить через полчаса, а ты ещё в пижаме!

— Ну щас...

Я раздражённо оторвалась от компа и отправилась одеваться. В школу тащиться страшно не хотелось, тем более что первым уроком намечалась контрольная по математике. Эту контрольную ещё не писал ни один класс, поэтому на форуме задания не появились, а прошлогодние искать в архиве было лень. Потом физра, история и только один приличный урок — ОКГ. Да и то, чему нас там учат! Печатать? Школьная программа не менялась уже лет десять! Ха! Да сейчас любой нормальный школьник текст быстрее наберёт, чем проговорит.

Пока одевалась, я всё равно дочитывала вчерашнюю форумскую ругню. И тут глаз вдруг зацепился за то, что в ящичке, оказывается, есть личное сообщение. Я открыла и... сердце заколотилось часто-часто. От Ястреба...

Сообщение было коротеньким. «Привет! А у тебя парень есть?» — но у меня прям руки затряслись. Ястреб заходил на форум редко, но метко. Иногда как напишет что-нибудь, как пошутит, так все и сбегаются читать. А однажды он даже стихи свои написал. Ястреб — просто мечта всех девочек. В личке часто только и обсуждали, что Ястреб новенького напишет. А главное, никто-никто не знал, кто он на самом деле.

То, что Ястреб написал мне, Синичке, это было просто как гром среди ясного неба.

— Оля, ты в школу собираешься?

— Щас!

Ох, и зачем только куда-то уходить, если вот она, настоящая жизнь. Сейчас бы сесть, спокойно придумать ответ, написать. А потом выведать номер его аськи и болтать, болтать ночами... я аж зажмурилась от счастья. А потом взяла портфель и угрюмо поплелась к двери.

Витя, 10 апреля 1980 года, утро

Четвёртая четверть — самая классная. До летних каникул остаётся совсем чуть-чуть, каких-то полтора месяца. А самое главное — до подведения годовых отметок. Я очень люблю апрель, а ещё больше — конец мая. Ещё пара контрольных, сбор дневников... и открываешь последнюю страницу, а там — твёрдые, заслуженные пятёрки. И похвальный лист в нагрузку...

Нет, я не задаюсь, но приятно всё-таки. Честно говоря, когда меня вызвали к завучу, не сомневался, что услышу что-нибудь приятное. А когда вошёл и увидел в кабинете старшую пионервожатую, то решил, что это приятное будет связано с моей должностью в отряде. Может, в совет дружины введут? Было бы здорово!

Но угадал я только наполовину.

— Садись, Витя, — строго сказала Тамара Васильевна, наш завуч по прозвищу Васса, — у нас с Таней к тебе разговор как к председателю совета отряда!

Я сел, автоматически подумав: «Перед „как“ запятая не нужна, потому что тут оно в значении „в качестве“».

Танечка и Васса смотрели на меня строго. Теперь было видно, что речь пойдёт о каком-то важном, но не очень приятном деле. Возможно, о внеплановом сборе металлолома в честь открытия новой комсомольской стройки.

— Помнишь, Витя, — продолжила завуч, — Женя Архипов приносил в понедельник в школу кулич?

Я удивился. Какой-то неожиданный вопрос.

— Булку? — уточнил я.

— Кулич! — Танечка поправила меня таким противным голосом, что стало понятно, именно в этом куличе всё и дело.

Я кивнул.

— Что ты киваешь? — вдруг зашипела Танечка. — Языка нет?

На вожатку это было не похоже. Обычно она со мной говорила приветливо и даже уважительно. Не так, как со всеми остальными. Я торопливо сказал:

— Я помню, как Архипов приносил булку... кулич!

— Танечка! Не надо на Витю кричать, — Васса старалась говорить помягче, но у неё это плохо получалось.

Просто вместо обычного металла в голосе звучал... наверное, какой-нибудь мягкий металл. Свинец, например.

— Он же не виноват, — продолжила завуч.

Я вообще перестал что-нибудь соображать. В чём виноват? Что мы эту булку... кулич ели не в столовой?

— Но это же вопиюще... — начала Танечка, но Васса не дала ей договорить.

— Виктор, — сказала она своим обычным командирским голосом, — расскажи нам, пожалуйста, как всё было.

Я честно рассказал всё. Как Женька притащил булку, как всех угощал, как все ели. И даже Ирку Воронько угостил, хотя они перед этим поругались. И меня угостил. Булка была вкусная, сладкая, только немного подсохшая. Всё.

— А о чём вы при этом говорили? — с угрозой спросила пионервожатая.

— Не помню, — откровенно признался я, подумав.

— Вы говорили о бабушке Архипова, — сообщила мне Васса.

— Да! Точно! — я обрадовался, что вспомнил нужное. — Он говорил, что она булку испекла!

Две пары глаз так и впились в меня.

— А зачем она испекла этот... эту булку, ты помнишь? — голос завучихи звучал вкрадчиво.

Я вспомнил. Мне стало жарко. Теперь понятно, почему меня вызвали.

— Нуууу... — начал я. — Просто так... Кажется...

— Вот! — обличающе подняла палец старшая пионервожатая. — Вот тлетворное влияние! Витя! Ты же никогда не врал! Ты же председатель совета отряда! Отличник! У тебя папа партийный работник!

Мне стало совсем плохо. Я действительно впервые в жизни врал старшим товарищам. Но правду мне говорить совсем не хотелось. Поэтому я решил молчать.

— Эх, Виктор, Виктор... — покачала головой Васса. — Разве этому я тебя учила? Разве так поступали пионеры-герои? Разве так поступал Павлик Морозов, имя которого носит наша дружина?

— Между прочим, — добавила Танечка, — мы боролись за это право с пятидесятой школой! И победили!

Завуч строго посмотрела на вожатую, и та осеклась. Видимо, сейчас было не время вспоминать прошлые заслуги. Я смотрел в пол и чувствовал, как жаркая краска заливает мне щёки.

Мы немного помолчали, и с каждой секундой мне становилось всё жарче.

— Итак, — тихо проскрежетала Васса, — ты не помнишь, для чего бабушка Архипова испекла кулич?

Я не пошевелился. На меня словно столбняк напал.

— Ладно, — вздохнула завуч, — придётся напомнить. Бабушка Архипова испекла этот кулич... пасхальный кулич!.. к религиозному празднику «Пасха».

Я слушал этот стальной голос и вспоминал неясные слухи, которые ходили про Вассу. То ли она памятники Сталину лично сносила, то ли охраняла их от сноса... Об этом говорить сейчас было не принято, так что подробностей никто не знал. Но что она при этом отличилась — это точно.

— Бабушка Архипова, — продолжала завуч, — таким образом пытается...

Васса замолчала, подбирая слова, и ей на помощь пришла пионервожатая:

— Пытается охмурить! И завлечь в сети религиозного дурмана.

Завуч нахмурилась. Ей, преподавательнице русского языка с огромным стажем, что-то не понравилось в словосочетании «сети религиозного дурмана». Но она не стала поправлять Танечку, наоборот, поддержала её.

— Вот именно!

Завуч и пионервожатая торжественно замолчали. Наверное, чтобы до меня лучше дошло.

Зря старались — до меня уже так дошло, что лучше и быть не может.

— И что ты собираешься делать по этому поводу? — спросила наконец Васса.

Я смог выдавить только:

— Мы больше не будем...

Вожатка и завуч закатили глаза так, что сами стали похожи на религиозных старух из какого-то фильма. А потом объяснили мне, что я должен сделать.

Синичка, 10 апреля 2018 года, день

День в школе не задался с самого начала. Математичка совсем озверела, урок начала с того, что собрала у всех комики. То есть контрольную я писала вообще как без рук, ни тебе с кем поговорить, ни тебе шпор, ни тебе калькулятора. Просто как в доисторические времена! Главное, у многих же есть вторые комики, но как-то не догадались взять их с собой. Да, а потом она вообще учудила, взяла и раздала нам бумажки — это, говорит, контрольная, решайте. Класс аж обалдел. Как, говорит, её решать?

А она улыбается так ехидно и говорит: ручкой пишете по бумажке. И подробное решение каждой задачи. Жуть! Я уже, наверное, полгода ручку вообще в руках не держала. Могу себе представить, что я там нарешала и как это всё понаписала. Короче, балла на три, наверное, из десяти...

Так что по сравнению с этой контрольной всё остальное было просто семечки. Зато весь день форум гудел. Мы ж даже не можем задания в сетку выложить, никто не сообразил стащить листик, чтоб его отсканить, а наизусть тоже не запомнишь, и в голову не пришло записать. Мы потом на всех уроках уже из сети не выходили, так и триндели по комикам. На кого не посмотришь, у всех комики под партами и только пальцы мелькают — набираются со-

общения. А на форуме было одновременно почти двести человек, это вся параллель пятых классов, и ещё любопытные из других повлезали. На переменах только и успевали тему пролистать, да на вопросы ответить. Из кабинета в кабинет перейдёшь, на парту плюхнешься и сразу в комик, читать, что там новенького случилось. Прикольно так, в класс заходишь — тишина. И все сидят что-то набирают, набирают... Удобнее, конечно, голосовым набором пользоваться, но не в классе же! Потому что тогда сразу все узнают твой ник. А этого ну никак допустить нельзя. Ник — это наисекретнейшая информация.

Я знала пару ников. Красавица — это Нинка, Мурёха — это Лиза. И ещё догадывалась про несколько человек, но не знала наверняка. Ну и то, что я Синичка, — это тоже знали буквально трое. Синичка — потому что фамилия у меня Воробьёва. Но если б написала «Воробей», все б сразу догадались, что я — это я, написала «Синичка». И аватарку нашла такую прикольную — сидит синичка и трюшит сало из кормушки.

Однажды была у нас история, девчонку из седьмого класса рассекретили. Кто-то из подружек взял и написал в сети, что Фиалка — это Кирова из седьмого «А». Ужас... Так ей и пришлось потом в другую школу уйти. Потому что ж ты можешь написать, если все знают, что это ты! Даже пофлиртовать невозможно, это как взять и кому-то в открытую в любви признаться! Бррр...

И мой ник только самые-самые проверенные знают. Мы с ними дружим. Даже один раз вместе в кафе ходили, когда у меня день рождения был. Я про них всё-всё знаю. И аську, и мейл. Короче, эти точно не сдадут!

Так вот, про день, который не задался. Последний урок у нас — классный час. Приходит наша училка и говорит таким сердитым голосом:

— А ну-ка убрали все телефоны.

Мы аж подпрыгнули. Кто-то даже вслух сказал:

— Вы чё, сговорились все, что ли!

А училка, наша классная, Елена Васильевна как гавкнет:

— Телефоны на стол! И слушайте внимательно, сейчас, можно сказать, ваша судьба решается.

Мы совсем затихли. А она по рядам прошла и комики поотключала. Ну вообще конец света...

А потом вышла перед классом и прочитала трагическим голосом:

— «Постановление Министерства образования от 3 апреля 2018 года»...

Я коротенько перескажу, своими словами.

В связи с излишней компьютеризированностью школьников и для проверки их знаний учредить в конце каждого учебного года экзамены. Оценка выставляется по десятибалльной системе и выносится в аттестат зрелости. Это чтоб, мол, мы все года хорошо учились, а не только последний класс. Да, но самый-то ужас не в этом, а в том, что экзамены эти будут проходить не в виде тестов, а устно.

— Чего? — спросил кто-то из мальчишек.

Я даже оглянулась, но не поняла, кто спросил, я их вообще плохо различаю.

— Экзамена три, — продолжала Елена Васильевна, — русский язык и литература — устно, математика — письменно, но не на компьютере, а на бумаге, и история — тоже устно. Делается это для того, чтоб вы, современные школьники, научились хоть немного владеть устной речью и писать ручкой по бумаге. Экзамены через три недели.

Класс завис. Так и разошлись в полном ужасе. Я даже до самого дома комик не включила...

Витя, 10 апреля 1980 года, вечер

Вечером мне надо было готовиться к политинформации. Как раз шла передача про то, как американские империалисты пытаются сорвать Олимпиаду в Москве, а люди доброй воли им не дают этого сделать. Но я никак не мог сосредоточиться — сидел и думал про Женьку. Он, конечно, неправ, но всё равно на душе было противно.

В конце концов я осознал, что ничего не понимаю из рассказа диктора, и выключил телевизор. К ужину придёт папа, принесёт «Правду» и «Советскую Белоруссию» — перепишу оттуда. Я позвонил Женьке, но трубку подняла бабушка.

— Он уже второй час где-то бегаёт. Ты ему скажи, Витенька, — голос у Женькиной бабушки был скрипучий, но приятный, — чтобы он шёл домой! Я волнуюсь! Скоро стемнеет!

Я наскоро пообещал и побежал во двор. То, что пришлось говорить с виновницей всей этой истории, расстроило меня ещё больше. Бабушка, конечно, старенькая, лет пятьдесят, а то и все семьдесят, но это её не оправдывает. Нельзя так подводить родного внука!

Архипыча я пошёл искать на нашей груше — той, что возле трансформаторной будки. Даже листьев на ней ещё не было, но на дереве так здорово сидеть и болтать ногами! Ветки густые, ты всех видишь, а тебя — никто!

— Женька! — крикнул я, подходя. — Слазь, поговорить надо!

С груши послышалось хихиканье. Пришлось лезть самому. Архипыч сидел на самой верхушке, куда я всегда боялся долазить. Когда я был маленьким, ещё во втором классе, я навернулся с самой нижней ветки этой груши, и с тех пор жутко боюсь высоты. Сейчас тоже не полез наверх, устроился на любимой ветке в самом центре дерева. Ветка была толстая, надёжная и изгибалась очень удобно — как спинка кресла.

— Чего молчишь? — сердито спросил я. — Молчит... Хихикает...

— Здорово, Тарас! — отозвался Женька.

<...>

— Говорю тебе: слезай, надо поговорить! А ты чего?

— Давай лучше ты ко мне! Тут здорово!

Лезть не хотелось, но пришлось. Разговор был такой, что... В общем, не хотелось о нём кричать на весь двор.

Когда я осторожно уселся на ближайшую к Архипычу ветку, тот завопил:

— Качка! Свистать всех наверх! — и принялся раскачивать верхушку.

Я вцепился в ветку изо всех сил и взмолился:

— Хватит! Сломается!

— Не сломается! — возразил Женька, но «качку» всё-таки прекратил. — Так чего ты хотел?

Я стал рассказывать про разговор с вожаткой и завучихой. Чем больше рассказывал, тем мрачнее становился Женька. Да и меня всё больше мутило — то ли от высоты, то ли ещё от чего. Когда добрался до самого неприятного, то пришлось даже замолчать на минутку, а то меня точно стошнило бы.

— И чего они хотят? — спросил Архипыч, и в этот момент голос у него стал такой же скрипучий, как у его бабки.

Я кое-как продышался и ответил:

— Чтобы ты сказал, что Бога нет! Прямо перед всем классом!

— И всё? — Женька сразу повеселел.

— Не всё, — признался я. — Надо, чтобы ты... в общем... сказал, что твоя бабушка неправильно поступила, что дала нам ту булку. И тебе стыдно, что она верит в Бога.

— Ничего мне не стыдно! — опять заскрипел Женька. — Какая разница, верит или не верит? Она хорошая и добрая!

— Это само собой. Но она ведь верит! Значит, тебе должно быть стыдно!

— Глупости это! Не буду я такого говорить!

— Тогда с тобой знаешь что сделают? Из школы выгонят!

— Не выгонят! Я самый умный в классе! Если меня выгонять, то всех остальных тоже гнать надо!

Это было правдой. Архипыч никогда особо не зубрил, но получал одни «пятаки». Я тоже ходил в отличниках, но некоторые пятёрки давались мне нелегко. Особенно по русскому языку — ну не мог я написать длинное слово, чтобы не было в нём исправлений! А по рисованию мне четвёрку вообще только из жалости поставили. Я прямую линию даже под линейку ровно провести не могу. Очень стараюсь, но всё без толку. Эх, изобрести бы такую штуку, чтобы она сама линии рисовала! Кнопку нажал — линия, вторую нажал — круг, третью — какой-нибудь хитрый график, как в газете «Правда» на второй странице. А если бы штука ещё сама ошибки исправляла... Но это уже, конечно, фантастика.

А вот Женька и математику с русским здорово знает, и по истории все даты помнит, и рисует почти как настоящий художник. Прав он, не выгонят такого хорошего ученика. Да я и сам не верил, когда говорил. Так, припугнуть хотел.

— Ну, ругать будут!

— Пусть ругают! Поругают и отстанут! Возразить было нечего. Хотя очень хотелось.

Я понял, что завидую Женьке. Вот я очень не люблю, когда меня ругают. Не потому, что папа с мамой меня ру-

гают, — честно говоря, они дома редко бывают. Просто не люблю, и всё. Тут я вспомнил просьбу бабушки Архипыча.

— А тебя бабушка домой ждёт, — мстительно сказал я. — Волнуется.

Женька тут же дёрнулся, чтобы слезть, но удержался. Только девчонки бегут домой по первому зову. Мы ещё немного поболтали, но минут через пять Архипыч небрежно сказал:

— Проголодался я что-то. Пойду перекушу! Пока.

— Пока, — ответил я.

Женька лихо спрыгнул на землю и пошёл неровной походкой — как будто ему очень хочется побежать, но надо сдерживаться.

Через пару метров он всё-таки не выдержал и припустил бегом. Я слез в середину груши и ещё немного посидел. У меня на шее, на одной ленточке с ключом, болтались старые папины часы, так что я мог следить за временем. Папа из своего обкома раньше девяти не придёт, мама и того позже — она в вечерней школе работает.

Но скоро стало совсем скучно, и я поплёлся домой. Вдруг я сообразил, что не сказал Женьке одну очень важную вещь, похолодел и бросился в подъезд изо всех сил.

Как бешеная пуля, я взлетел на свой четвёртый этаж, быстро открыл дверь и схватился за телефон. На сей раз трубку взял сам Женька, и это было кстати.

— Ты только никому не говори, что я тебя про собрание предупредил! — выпалил я.

— Почему?

— Мне сказали, чтобы... что это должно стать для тебя...

Я попытался вспомнить слово, которое употребила Васса, но не смог.

— Ну, в общем, неожиданно должно быть!

— Хорошо, не скажу! Пока.

Я положил трубку и немножко посидел. Меня всё ещё немного подташнивало. Неожиданно входная дверь распахнулась — я даже вздрогнул. На пороге стоял папа, но заходить не спешил.

— Что это? — строго спросил он, указывая на замок с наружной стороны.

Я промолчал. Вопрос, как говорит мама, риторический. В замке торчал мой ключ вместе с ленточкой и привязанными к ней часами.

— Хорошо, что я пораньше домой пришёл, — папа достал ключ из двери, вошёл и прикрыл дверь за собой. — А если бы какой-нибудь вор?

По тону было понятно, что папа настроен на долгий рассказ про всякие важные вещи. Нужно было срочно что-то делать.

— Извини, папа! Я просто задумался, мне завтра про бойкот Олимпиады на политинформации надо рассказать, а я не всё понимаю.

Папа сам заядлый рыбак, но тут он клюнул не хуже какого-нибудь ерша.

— А что там не понимать? — он сел в кресло, отложил ключ в сторону и принялся снимать ботинки.

— Ну вот почему США не хотят ехать на Олимпиаду? Боятся проиграть?

— Да нет, — усмехнулся папа, — тут всё сложнее. Помнишь, мы про «холодную войну» говорили?

Я кивнул. От сердца отлегло — папа пошёл по новым рельсам.

— Так вот, в этой войне все средства хороши...

Синичка, 11 апреля 2018 года

Следующий день прошёл в кошмаре. На форуме творилось что-то невообразимое, сканировались и скачивались разные экзаменационные билеты чуть ли не двадцатилетней давности, ответы к ним, а толку?

Вызывает меня историк.

— Воробьёва, к доске!

— Куда?

— К доске. А ты что думала? А на экзамене как ты отвечать будешь?

Я встала и пошла к доске. Жуть как мне было страшно.

— Телефон положи!

— Что?

Только тут я обратила внимание, что сжимаю в руке комик, как спасательный круг.

— Положи, положи, — сказал историк. — Он тебе не понадобится.

Я оставила комик на парте и поняла, что чувствую себя раздетой. Стою одна, на меня смотрит класс. Кто эти люди? Что я о них знаю?

— Ну, давай, тяни билет, — говорит историк.

— Что? — у меня от ужаса во рту пересохло.

Смотрю, а у него на столе бумажки какие-то разложены. Я вытянула первую попавшуюся, прочитала вопросы.

— Ну, рассказывай.

И тут я поняла, что никогда в жизни не сдам этот экзамен. Я помню параграф учебника, я помню вопросы в конце, я помню, мы на компах самостоятельно делали, и помню, что в первом вопросе правильный ответ первый, а третий вопрос самый сложный, и там правильного ответа нет, нужно было поставить галочку в клеточке «нет верного ответа». Но я вообще не помню, о чём там речь! Что-то про греков, что-то про Геракла... Он был крутой. Всё.

Я беспомощно смотрела на учителя. Учитель выжидающе смотрел на меня. В классе стояла тишина. Такая, как в наушниках, когда ничего не играет. Мёртвая, ватная тишина. Я попятилась к доске, мне очень захотелось сейчас сказать больно. Упасть в обморок, забиться в судорогах... Но я отстояла молча ещё пару минут. Историк сжался:

— Ладно, давай сделаем так. Ты сейчас возьмёшь учебник и прочитаешь пункт параграфа. А потом перескажешь, хорошо?

Я кивнула и на несгибающихся ногах потащила за учебником. Прочитала. В голове не отложилось ничего, я всё время думала о том, что мне сейчас придётся опять идти к доске и стоять перед лицом всего класса. Хотелось плакать.

Историк ещё раз сжался и попросил меня просто прочитать параграф вслух. Прочла хриплым шёпотом, всё время сбиваясь.

Бедный историк аж вспотел, пока я дочитала, а я совсем из сил выбилась.

Я замолчала, в классе повисла тишина, историк прокашлялся и сказал:

— Так, всё ещё хуже, чем я думал. Но экзамен вам сдавать всё равно придётся. На положительную оценку вам

нужно сказать буквально десять связных предложений. Неужели это так сложно?

Класс молчал.

— Ну вы же общаетесь между собой как-то! Разговариваете...

И тут раздался робкий голос с задней парты:

— Мы не разговариваем, мы пишем.

Все обернулись назад. Голос подал мелкий пацанчик, кажется, его зовут Дима. Он такой тихий, что его и не замечал никто до этой реплики.

— Пишете? — переспросил историк. — Ну так представь себе, что пишешь, и говори. Давай, попробуй! Расскажи нам про культуру Древней Греции.

Дима встал и тихо начал:

— У древних греков была хорошо развита культура... Они любили музыку... У них ещё был Орфей... Он пел...

Историк страдальчески закатил глаза.

— Ну, это, конечно, лучше, чем просто молчать, но почему такие паузы между предложениями?

Дима насупился и прошептал:

— Там смайлики...

— Что? — обалдел историк.

— Смайлики там. Вы ж сказали говорить, как пишешь, вот я их и пропускаю...

Историк схватился за голову.

— Да... Всё не плохо, всё очень плохо! Так, запоминайте домашнее задание. Взять любой отрывок из учебника и внятно пересказать его родителям. Понятно? Ваши родители должны ещё помнить, как это делается. И читать вслух. Пять страниц каждый вечер.

Тут прозвенел звонок.

— Всё, — сказал измученный историк. — Все свободны.

Мы разошлись писать на форум эти неутешительные новости.

Размышляем о прочитанном

1. Сравните язык записей Оли, сделанных в 2018 году, и Вити, сделанных в 1980 году. Как вы думаете, что ста-

- ло причиной столь заметных изменений в языке школьников?
2. Каково отношение к чтению у подростков конца XX века и их сверстников начала XXI столетия? Согласны ли вы с позицией авторов повести, верны ли их наблюдения?
 3. Что из, казалось бы, несбыточных мечтаний Вити стало обычным, само собой разумеющимся в начале нашего века?
 4. Заметили ли вы в повести изменение отношения подростков нашего времени к родителям в сравнении со школьниками 70—80-х годов прошлого века?

Дискуссия

Повесть написана задолго до 2018 года, это фантастический прогноз того, что случится через десятилетие. Насколько прогноз оказался верным? Что сбылось, а что не совсем? Что стало реальностью из того, чего авторы и не предполагали? Подготовьтесь к участию в дискуссии на эту тему в классе (после того, как все одноклассники прочитают повесть полностью).

Проект

Проанализируйте лексику повести, тематически связанную с компьютеризацией жизни современных школьников. Выясните, какие слова и выражения в словаре Оли остаются актуальными, какие не прижились, а какие уже устарели. Возможно, что появилась лексика, вероятность возникновения которой и не предполагали авторы повести.

Виктория Валерьевна
Ледерман

Род. в 1970 году

Современная писательница Виктория Ледерман родилась в городе Самаре в 1970 году, в то время город назывался Куйбышев. Писать рассказы она начала, по воспоминаниям самой писательницы и её близких, в 9 лет. Закончила факультет иностранных языков педагогического института, работала учителем в школе. В 2014 году направила в жюри Международного конкурса по детской литературе рукопись повести «Календарь ма(й)я». Рукопись была отмечена специальным призом жюри, а изданная вскоре после этого книга получила высокую оценку юных читателей.

Повесть рассказывает о шестиклассниках, оказавшихся участниками невероятной, фантастической истории. Они, как и герои повести «Время всегда хорошее», оказались перемещены во времени: для них время пошло не вперёд, а назад. Тревожная, опасная для жизни ситуация. Повесть рассказывает о том, как шестиклассники Глеб, Юрасик и Лена выходят победителями из этого опасного приключения. Они не были друзьями до начала фантастических событий, в повести мы читаем о том, как экстремальная ситуация сплотила, сдружила ребят, как они стали мудрее и добрее в отношениях со своими родными людьми, с одноклассниками.

Прочитайте в учебнике последние главы повести и обсудите их в классе.

КАЛЕНДАРЬ МА(Й)Я

(Фрагменты из повести)

До Краснодара они добрались без приключений и в половине девятого вошли в холл отеля «Южный ветер». После невинного вопроса Глеба: «Как пройти на съезд

археологов?» — служащий на ресепшен тут же выставил всю компанию на улицу и пригрозил, что вызовет полицию, если ещё раз увидит их в отеле. Юрасику пришлось рассекретиться и позвонить деду. Профессор вышел к ребятам довольно быстро. Он был худым и очень высоким и не имел никакого сходства со своим внуком.

— Юрочка, что случилось? Почему ты здесь, а не дома? Как ты вообще сюда попал? — встревоженно спросил он. Глеб подумал, что Юрасик сейчас начнёт мямлить, как всегда, и выступил вперёд:

— Здравствуйте, Юрий Васильевич.

Юрасик ещё в автобусе сказал, что они с дедом полные тезки, оба Юрии Васильевичи Карасёвы. Профессор повернулся к Глебу и Лене:

— Добрый вечер, молодые люди.

Глебу стало немного не по себе. Было очень странно разговаривать с человеком, которого две недели назад видел на портрете с траурной лентой.

— Дед, это мои одноклассники, Глеб и Лена, — сказал Юрасик. — И у нас очень срочное дело.

— Мы пришли к вам за помощью, — подхватил Глеб. — Пожалуйста, не отказывайтесь!

— Ко мне? — удивился профессор. — За помощью?

— Ну да, к вам и к остальным археологам. Может быть, все вместе вы сумеете разгадать очень сложную загадку.

— Даже так? А в чём всё-таки дело?

— Дело в том, что наша классная руководительница, учитель истории, организовала большое соревнование. Она хочет пробудить в нас интерес к прошлому родного края. И для этого она использовала один артефакт. Его недавно откопали возле нашего посёлка. Это фрагмент древней стены с иероглифами. Мы разделились на команды, и та команда, которая первой догадается, что написано на стене, получит замечательный приз — путёвку в настоящий археологический лагерь на одну смену.

— Ну что ж, довольно любопытно. А почему всё это нужно делать прямо сейчас?

— Потому что мы хотим быть первыми! — горячо воскликнул Глеб. — У нас мало времени. Если вы нам поможете, завтра с утра мы побежим в школу с отгадкой и точно выиграем приз.

— А не будет нарушением, что вы обратились к специалистам? — спросил заинтересованный профессор.

— Нет-нет, что вы! Мы можем пользоваться любыми источниками и обращаться за помощью к кому угодно. Задание очень трудное. Все наши засели за компьютеры и бороздят Интернет. А мы съездили на раскопки, чтобы увидеть эту стену вживую, и сразу сюда, к вам.

— Я и не подозревал, что мой внук так серьёзно интересуется археологией.

— Ещё как интересуется! — воскликнул Глеб. — Особенно в последнее время.

— Ну что ж, — одобрительно улыбнулся профессор, — если это действительно важно для вас, пойдёмте поговорим с коллегами. Мы как раз все вместе, в конференц-зале. <...>

Появление подростков вызвало всеобщий интерес. Профессор Карасёв представил ребят как подрастающую смену и сказал, что им нужно помочь, причём в очень сжатые сроки. Все, кто находился в зале, оставили свои дела и подошли, с любопытством разглядывая ребят. Глеб посадил Юрасика за стол и велел рисовать иероглифы, а сам принялся вновь рассказывать археологам свою легенду, дополняя её недостающими подробностями. Он решил, что для положительного результата специалисты должны знать все нюансы.

Глеб представил настоящую ситуацию как загадку, заданную учителем-историком. Условия задачи таковы: группа подростков варварски нацарапывает современную дату (23 мая 2013) на древней стене, прямо возле начертанных на ней иероглифов. Стена, возможно, принадлежит майя или другой древней цивилизации. Срабатывает древняя магия, и с этого момента календарь подростков начинает отсчитывать дни назад. Таким образом они доживают до сегодняшней даты, пятого мая. Выигрывает та группа, которая раньше всех находит выход из этой ситуации и возвращается в своё нормальное время. А кто не решит эту задачу и не принесёт учителю правильный ответ, те, соответственно, лишены возможности вернуться. Они остаются за бортом реальности и в дальнейшем погибают. Виртуально, конечно. Времени у них совершенно нет, через пару

дней стена скроется под землёй. Поэтому задачу надо решить здесь и сейчас.

Глеб устало откинулся на спинку стула. Если это не сработает... Даже подумать страшно. Но это не может не сработать. Их много, и все специалисты. Тем более он рассказал им всё как есть. Почти всё. Кроме того, что это совсем не игра.

Целый час археологи разглядывали нарисованные Юрасиком иероглифы, думали, рассуждали и спорили. Три специалиста по цивилизации майя категорично заявили, что такие символы этим племенем не использовались, хотя некоторое сходство имеется. Египтологи со своей стороны высказали мнение, что несколько значков напоминают египетский алфавит, но общая картина совершенно иная. Также было установлено, что это не старославянский и не древнегреческий язык. Иероглифы на древней стене не имели ничего общего ни с одной известной письменностью.

— Погорячилась ваша учительница, ребята, — сказали археологи. — Подсунула вам задачу, у которой нет решения. Условия задачи изначально составлены неверно — слишком много неизвестных.

Троица приуныла.

— Юра, ну может быть, подождать немного, когда я хотя бы вернусь домой, — предложил профессор Карасёв, глядя на огорчённого внука. — Мы с тобой сядем и тщательно всё разберём и обдумаем.

Юрасик покачал опущенной головой.

— Нам нужно сегодня.

— Но это нереально за такой короткий срок, тебе это скажет любой специалист по расшифровке. Вдобавок ты мог ошибиться и неверно нарисовать символы.

— Я не ошибся. Всё правильно. Там именно эти знаки.

— Вам нужно было их сфотографировать, так было бы надёжнее. Что ж вы не догадались привезти снимок?

Друзья переглянулись и тяжело вздохнули. Как объяснить, почему они приехали без фотографии? Дед похлопал внука по плечу и отошёл к двум коллегам, которые жарко спорили в стороне и сыпали профессиональными терминами.

Глеб, Лена и Юрасик сидели за столом и угнетённо молчали. Дискуссии археологов продолжались уже без их участия. Время подходило к десяти, и с каждой минутой таяла надежда на возвращение. У них не осталось ни одного варианта и ни одной идеи. Если уж археологи не справились с задачей, куда им, обыкновенным тринадцатилетним школьникам!

— Вы что так расстроились, ребята? На вас просто лица нет. — К ним подсел парень лет двадцати пяти, который до этого держался в стороне и в общих дебатах не участвовал.

— Это был наш последний шанс, — глухо сказал Глеб.

— Последний шанс? Всё так серьёзно? — Парень посмотрел на Юрасика, который машинально рисовал на листе древние иероглифы, значок за значком. Когда заканчивалась последняя строка, он вновь начинал рисовать первую.

— А вы тоже учёный? — спросила Лена парня. — Все археологи уже такие... в возрасте, а вы молодой.

— Нет, я не учёный, я студент. Учусь на историческом, а летом езжу в археологические экспедиции.

— А как вас пустили на конференцию? Дед говорил, что будут только всякие кандидаты и доктора наук, — безучастно проговорил Юрасик, не прекращая свои художества.

— А я сын... то есть внук... знаменитого профессора Константина Сапожникова.

— Это тот, который изучал древнеславянские племена? Он ещё книгу написал «В гостях у древних славян», — припомнил Юрасик.

— Да, тот самый. Его все знают, в смысле — помнят, и разрешают мне присутствовать на всяческих съездах. Я очень интересуюсь археологией. Денис, — представился студент.

Ребята вяло назвали свои имена.

— Можно я посмотрю? — Денис взял тетрадь у Юрасика.

— Вы же не специалист, — сказала Лена. — Вы не расшифруете.

— А я не буду расшифровывать. Я попытаюсь догадаться. Повторите-ка мне ещё раз свою историю.

Глеб хотел отказаться, но подумал, что они ничего не теряют, и повторил всё рассказанное археологам. Денис внимательно выслушал его и спросил:

— Где именно была нацарапана современная дата?

Глеб нашёл наиболее удачный рисунок Юрасика и чуть правее последней четвёртой строки иероглифов вывел «23.05.2013».

— Вот здесь.

— Почему ты так уверен?

— Да я сам это писал! — воскликнул Глеб и осёкся. Лена и Юрасик настороженно переглянулись. Денис внимательно посмотрел на них и, понизив голос, проговорил:

— Это ведь не игра? Не соревнование? Это произошло на самом деле?

Ребята не спешили отвечать. Кто знает, как отреагирует на их признание внук известного учёного? Поднимет их на смех? Расскажет археологам, что все трое шестиклассников разом слетели с катушек?

— Значит, дело вовсе не в победе и не в призе, — сказал Денис.

— Приз — наша жизнь. — Глеб поднял на него глаза. — Мы просто хотим вернуться. Вы можете помочь?

— У меня есть версия. — Денис подвинул тетрадь так, чтобы всем удобно было смотреть на рисунок. — Вы написали дату текущего дня, так? И этот день стал последним днём нормального календаря. Ваша дата оказалась рядом вот с этой строкой, именно здесь. А что, если тут есть взаимосвязь? Если предположить, что именно это соседство — вашей даты и нижних иероглифов — послужило причиной вашего путешествия обратно?

— Что-то я не пойму, — пробормотала Лена и вопросительно взглянула на остальных. — Какая взаимосвязь? Мы считали, что стена мстит нам за надругательство над ней, и не имеет значения, что именно там написано.

— Это ты так считала, — буркнул Глеб, — и постоянно выносила мне мозг.

— Подождите, сейчас мы спросим. — Денис окликнул по именам двух археологов. Вместе с ними к столу подошли ещё человек семь. Неразрешимая загадка коварной учительницы всё ещё не отпускала их. Денис попросил археологов посмотреть на рисунок очень внимательно и ска-

зять, нет ли в нижней строке иероглифа, который имел бы значение «наоборот», «обратный» или «назад». Или хотя бы отдалённо напоминал эти понятия, всё равно, в какой письменности, не обязательно майя. Учёные склонились над листком, посмотрели какое-то время, потом один за другим отошли от стола, качая головами. И только пожилой археолог в очках смотрел на иероглифы дольше всех, потом с сомнением сказал:

— Ну вот если только этот. И то не совсем нужное значение.

— Какой именно? — вскинулся Денис.

— Этот. — Археолог указал на последний иероглиф. — Похож на древнешумерский знак, который обозначает «конец», «окончание», «завершение». Только он рисуется вот так.

Пожилой археолог взял ручку и изобразил нечто похожее на перевёрнутый бутон тюльпана с жирной точкой наверху.

— Видите разницу? У мальчика он слишком угловатый и завален вправо.

Глеб немного оживился. Он ещё не совсем понял мысль Дениса, но чувствовал, что дело сдвигается с мёртвой точки.

— Это хорошо, — обрадованно сказал студент, — такое значение даже больше подходит. Если предположить, что написанная вами дата стоит именно после иероглифа, означающего «окончание»...

— То всё становится ясно! — закричал Глеб так громко, что все в зале обернулись. — Эта дата после символа «конец» оказывается последним днём для того, кто её написал! <...>

— И что же делать этой команде игроков? — спросил профессор Карасёв, с улыбкой наблюдая за взволнованными ребятами. Его забавляло их лихорадочное возбуждение и серьёзность внука профессора Сапожникова. Для Юрия Карасёва-старшего это было просто соревнование, проигрыш в котором принесёт его внуку только небольшое разочарование. А это не смертельно.

— Самый разумный вариант — сделать всё наоборот, — сказал Денис. — Это единственное, что приходит в голову в такой спешке.

— Что значит «наоборот»? — озадаченно спросил Глеб.

— Если бы ваша дата была нацарапана возле символа с обратным значением, думаю, это сработало бы.

— А что нужно делать?

— Нужно изменить «конец» на «начало». И рядом снова поставить ту же дату, двадцать третье мая две тысячи тринадцатого.

— Зачем ту же?

— Чтобы не нарушить временную последовательность. Двадцать третье мая — это точка отсчёта, день икс. Ваш правильный календарь продолжится именно с того момента, когда он остановился.

— А как нам это сделать? Как изобразить «начало»? — Юрасик вопросительно посмотрел на пожилого археолога.

— Ну и шутки у вашего классного руководителя, — покачал головой тот. — Она у вас кто, знаток древней магии и клинописи древних шумеров? Только голову детям морочит.

Он подвинул к себе тетрадь и провёл над перевёрнутым тюльпаном небольшую горизонтальную чёрточку.

— Вот так изображается «начало». Вместо точки над символом — черта. Неужели вы думаете, что это и будет разгадкой?

— Не уверен, — признался Денис. — Но других версий нет.

— Мы должны это сделать, — негромко сказал Глеб, когда пожилой археолог и профессор отошли. — У нас нет выбора.

— Когда? — упавшим голосом спросила Лена.

— Что когда?

— Когда вы собираетесь это делать?

Лена печально взглянула сначала на Глеба, потом на Юрасика.

— Нижней строки уже нет. А значит, нет нужного иероглифа.

Глеб и Юрасик оцепенели. Сфотографировав стену и выучив символы, они немного успокоились насчёт исчезающей под землёй надписи и считали, что у них в запасе есть ещё пара дней. Им и в голову не приходило, что может понадобиться именно нижняя строка.

— Так, стоп! Без паники! — решительно сказал Денис. — Вы мне только что рассказывали, что утром шестого мая вся надпись была видна и последняя строка уже была очищена.

— Но сегодня пятое мая! — воскликнул Глеб.

— Ребята, вы настолько привыкли жить в обратную сторону, что уже не можете представить движение суток вперёд. В нормальной жизни шестое число наступает после пятого, а не наоборот. Ну, смотрите сами — шестого мая утром надпись откопана. Ночью раскопки не ведутся. Значит, её откопали пятого мая к вечеру. А сегодня что? Пятое мая, вечер. Именно сейчас нужная строка ещё есть. А вот завтра утром... — Денис выразительно замолчал.

— Значит, едем сейчас! — Глеб вскочил с места.

— Мы не успеем, — безнадежно сказала Лена, посмотрев на свои часики. — Двадцать минут одиннадцатого.

Юрасик выбрался из-за стола и устремился к деду, бросив на ходу:

— На такси успеем. <...>

— Пошли скорей! — крикнул Юрасик через весь зал. — Такси внизу.

Друзья вместе с профессором спустились вниз. Денис тоже вышел на улицу, чтобы проводить их. Возле входа в отель дежурили несколько машин с шашечками на крыше. Профессор открыл дверь ближайшего такси и заговорил с водителем.

— Ты всё запомнил? — спросил Денис Глеба. — Хорошо бы сделать всё точно так же, как в тот раз. Пиши сам, как писал тогда, всё до последней точки. И желательно тем же предметом. Или у тебя его нет?

— Есть, — Глеб вытащил из кармана ключи с танком из «World of Tanks».

— Садитесь, — пригласил профессор и открыл заднюю дверь «Лады-Калины». Глеб и Лена забрались на заднее сиденье. Юрасик подошёл к деду и прижался к нему.

— Каждого из вас довезут до дома, чтобы вы не бегали одни по ночам, — сказал профессор. — Юра, я позвонил папе, тебя уже потеряли. Ты почему никого не предупредил? Ну ладно, садись, потом поговорим. Да что с тобой?

Юрасик не мог заставить себя оторваться от деда. Он понимал, что если у них всё получится, то деда он больше

не увидит. Никогда. И именно сейчас безвозвратно уходят секунды, когда можно стоять, прижавшись к нему, и слышать его голос. В последний раз. Юрасик повернулся спиной к машине, где ждали Лена и Глеб, и горько прошептал:

— Дед, я... скучаю по тебе...

Дед удивлённо наклонился к нему и заглянул в лицо:

— Юрочка, мы скоро увидимся. Я вернусь послезавтра. А пятнадцатого уйду в отпуск. Ты чего раскис?

— Я хочу, чтобы ты всегда был со мной...

Юрасик нехотя отпустил деда и, часто моргая, чтобы сдержать слёзы, сел на заднее сиденье рядом с Леной. Глеб выглянул из своего окна и тихо спросил стоящего рядом Дениса:

— А как вы догадались, что это всё не игра? Почему вы нам помогли? С вами тоже что-то подобное произошло, да?

Студент наклонился к окну.

— Удачи вам, — сказал он после короткой паузы. — У вас всё получится.

Таксист захлопнул свою дверь, и «Калина» медленно отъехала от гостиницы.

В машине Юрасик всю дорогу сидел, уткнувшись лбом в тёмное стекло. Лена и Глеб его не трогали, они шёпотом перебирали варианты, как быстрее попасть на раскопки. Ведь дачные автобусы по ночам не ходят. А пешком туда точно не добраться. Глеб в начале пути пытался договориться с водителем, чтобы он отвёз их на дачу. Но таксист отказался наотрез, мотивируя тем, что ему был дан строжайший наказ — только по домам. Ещё и отчитаться придётся перед заказчиком, что он выполнил всё в точности.

Километрах в трёх от поселка таксист завернул на автозаправочную станцию и остановился, объяснив ребятам, что ему надо немного подкачать колесо и заодно заправиться. Он вытащил из багажника электронасос и склонился над левым задним колесом. Глеб с тяжёлым вздохом высунулся в своё окно. И так времени нет, а он ещё заправиться надумал. К соседней колонке подъехал большой чёрный джип. С водительского места выпрыгнула длинноволосая девушка в джинсах, не переставая ругаться с кем-то в салоне. Этот «кто-то» огрызнулся ей в ответ, и его голос

показался Глебу очень знакомым. Спустя мгновение до него дошло, кто был обладателем голоса. Мухин! Именно он сидел на пассажирском сиденье и напропалую грубил сестре.

— Я не нанималась возить тебя на дачу! — кричала девушка. — У меня своих дел по горло! Меня ждут!

— Да знаю, кто тебя ждёт! Твой очкастый енот! Подождёт, ничего с ним не случится. Ему не привыкать ждать тебя по три часа. Тебе мама велела отвезти меня, значит, повезёшь, как миленькая!

— Маленький крысёныш! Бак открой! — Девушка пошла в здание автозаправки, где располагалась касса. Мухин открыл дверцу джипа и спрыгнул на землю.

Глеб не сомневался ни минуты. Его не волновало, что перед ним давний недруг, что они враждуют уже два месяца и не могут пройти мимо друг друга без оскорблений. Сейчас имело значение лишь то, что Мухин ехал на дачу. А его дача находилась возле объездной дороги, ведущей на раскопки. И времени до наступления следующих суток практически не осталось. Глеб выскочил из машины.

— Елизаров? — изумился Мухин, когда Глеб подошёл к джипу. — Откуда ты здесь взялся?

— Мухин, подкинь нас до дачи, — решительно проговорил Глеб. — Очень надо.

Мухин на мгновение онемел от такой наглости.

— Елизаров, ты прикалываешься? Ты вообще понимаешь, кого ты просишь и о чём? Я ведь могу и в лоб дать.

— Это я тоже могу, ты прекрасно знаешь. И если я прошу именно тебя, поверь, что всё очень серьёзно. Нас трое — Карасёв, Зюзина и я. Мы в беде.

— Целых три оленя? — присвистнул Мухин и вставил в бак заправочный пистолет. — Хотя чего странного? Все парнокопытные должны держаться вместе.

Шланг зашумел, перекачивая бензин. Таксист положил в багажник насос и направился к кассе.

— Чего стоишь? Свободен. — Мухин демонстративно отвернулся. К машине подошла девушка, бросила мимолётный взгляд на Глеба и забралась на водительское сиденье. Мухин закрыл крышку и пошёл к своей двери. Глеба охватило отчаяние.

— Ты человек или нет?! — крикнул он. Мухин замедлил шаг.

— Это вопрос жизни и смерти. Я не шучу, — проговорил Глеб ему в затылок. Тот обернулся.

— Помоги. Пожалуйста. — Глеб почувствовал, как перехватывает горло. Он смертельно устал бороться с постоянными неудачами, у него совсем не осталось сил. Он готов был сдаться.

— Чего копаешься? — раздражённо крикнула девушка. — Мама уже звонит.

Мухин молча скрылся в салоне. Глеб напряжённо всматривался в чёрные тонированные стёкла, каждую секунду ожидая, что джип тронется с места.

— Садитесь, — нехотя бросил высунувшийся из окна Мухин. — Только пулей!

Глебу хватило двадцати секунд, чтобы запихнуть ничего не понимающих ребят на заднее сиденье джипа и горячо поблагодарить Мухина с сестрой. Не успел джип отъехать от заправочной колонки, как из здания вышел таксист и неторопливо направился к своей машине. Лена и Глеб прикинули к окнам, наблюдая, как он бестолково вертится возле «Калины», пытаясь понять, куда подевались пассажиры.

Джип затормозил у больших железных ворот в половине двенадцатого. Глеб заверил сестру Мухина, что их дача на соседней улице и они туда доберутся сами. Девушка равнодушно бросила «Окей!», прыгнула в машину и укатила. Мухин скрылся в своей калитке, ни разу не оглянувшись на одноклассников и проигнорировав протянутую Глебом на прощание руку.

Друзья дошли до конца улицы, освещённой фонарями, и остановились. Дальше дорога поворачивала в поля и терялась в потёмках. Было жутковато идти наугад по незнакомой местности, да ещё ночью. Но времени на раздумье не оставалось, и Глеб решительно двинулся дальше, по широкой грунтовой дороге, которую едва можно было разглядеть в тусклом лунном свете. Ребята молча последовали за ним. Некоторое время они шли в полной тишине, которая нарушалась только стрекотанием полевых сверчков и прерывистым сопением Юрасика. Глаза быстро привыкли к темноте, и Глеб уже не боялся заблудиться. Тем более что дорога была одна — никаких развилки и сбивающих с толку тропинок не наблюдалось. Когда вдруг далеко впе-

реди появился мерцающий огонёк, Лена восторженно вскрикнула:

— Костёр! Смотрите, костёр! Там лагерь. Мы почти пришли!

И тут Юрасик с протяжным стоном опустился на землю.

— Что с тобой? — бросилась к нему Лена. — Тебе плохо? <...>

— Осталось семь минут, — тревожно сообщил он. — Юрок, надо поднажать.

Юрасик сделал глубокий вдох и побежал. Это не было похоже на бег олимпийского чемпиона, но он очень старался. Он не мог допустить, чтобы бабушка, мама и папа навсегда остались втроём. Лена и Глеб в два счёта догнали его и побежали рядом.

— Глеб, беги вперёд, — прохрипел изнемогающий Юрасик. — Тебе нужно время, чтобы начертить.

— А вы? — оглянулся на них Глеб.

— Мы успеем, догоним, — сказала Лена и, видя, что он медлит, закричала на всю округу: — Беги, тебе говорят! Беги!

Глеб сорвался с места и понёсся к чернеющему впереди раскопу, не слыша больше ничего, кроме свиста ветра в ушах. Он уже вышел на финишную прямую, и, даже если бы древнюю стену сторожил целый отряд добровольцев, его это не остановило бы. Показался край квадратной ямы. Глеб в три прыжка преодолел оставшееся расстояние, но оступился в темноте и кубарем скатился вниз, сильно ударившись обо что-то коленом. Боль пронзила его до самого затылка, он мимолётно подумал, что у него, скорее всего, треснула кость. Но сейчас это было не важно. В эту минуту ничего не было важно — только добраться до цели. Глеб поднялся и поковылял вперёд, на ходу вынимая из кармана телефон и ключи с брелоком. Вот и древняя стена. Чёрная и мрачная. Глебу показалось, что она презрительно наблюдает за ним в темноте и усмехается, как бы говоря: «Ну, давай-давай, крутись, вертись, из кожи вон выпрыгивай! Всё равно у тебя ничего не выйдет! Ты никогда не вернёшься в своё время! Ты получил по заслугам, и теперь останешься здесь навсегда».

— Не надо, не делай этого, — умоляюще прошептал Глеб, дотронувшись до холодного камня. — Я больше ни-

когда не посмеюсь ни над какой древностью. Отпусти нас домой. Пожалуйста!

Подсветив себе телефоном, Глеб вытер ладонью место рядом с последним иероглифом и оглянулся. Ребят не было. Со стороны леса доносился звук включённого радио, играла весёлая музыка. Глеб сжал в руке брелок и старательно нацарапал на камне: «23.05.2013». Вышло немного криво и не совсем похоже на прежнюю надпись, но он надеялся, что это не важно. Он снова нетерпеливо оглянулся. Ну где же друзья? Как он может поставить последнюю черту без них?

— Ну же, — в отчаянии прошептал Глеб. — Ну же, скорее!

Он взглянул на экран телефона. Двадцать три часа пятьдесят девять минут. Музыка смолкла.

— Передаём сигналы точного времени, — отчётливо произнёс мужской голос. Глеба бросило в жар. У них на кухне в радиоприёмнике была настроена именно эта станция, и он прекрасно знал продолжение. Сейчас прозвучат шесть сигналов и наступит следующий час. Значит, времени совсем не осталось. Глеб коснулся брелоком стены над последним иероглифом, напряжённо вглядываясь в темноту. Ну появись вы уже! Последние секунды! Раздался первый сигнал, второй, третий... Надо чертить. Сейчас или никогда. Четвёртый сигнал. И в это мгновение Глеб с облегчением заметил на краю раскопа силуэты друзей. Успели!

— Прыгайте быстрее! — закричал он, уже не глядя на них. Пятый сигнал. Глеб поспешно прочертил над символом короткую горизонтальную линию. Шестой сигнал. Последнее, что он успел услышать, был голос из радио:

— В столице — полночь.

23 мая 2013, четверг

Глеб открыл глаза и уставился в светлое окно. Утро. Только какого дня? Получилось или нет? Он дома, в своей постели. Но это ничего не доказывает. Он и так каждое утро просыпается в своей постели. Коленка не болит, как будто он не ударился ею о камень вчера, и это тоже ничего не значит. Так они вернулись или нет? Сработал ли план Дениса? <...>

Минут через десять Глебу надоело лежать. Он выбрался из постели и отправился в ванную, стараясь не смотреть по сторонам, чтобы подольше пребывать в счастливом неведении. Взяв зубную щётку, он машинально взглянул в зеркало и застыл с поднятой рукой. Из зеркала на него смотрел взлохмаченный мальчишка с ободранной щекой. Глеб в тупом оцепенении ощупал болячку. Где-то он её уже видел. Ну да, в этом же зеркале. Восемнадцать дней назад. Из его горла вырвался дикий вопль. Это был победный крик Тарзана, в одиночку разметавшего стадо бегемотов. Получилось! Они вернулись! Они это сделали! Глеб швырнул зубную щётку в раковину и понёсся в комнату, трубя как африканский слон. Ему хотелось орать во всё горло, скакать и кувыркаться через голову. Заслышав скрежет ключа в замке, Глеб с радостным криком метнулся в прихожую и повис на шее у остолбеневшего отца.

— Пап, где ты был?

— Бегал, где же ещё. Ты же видишь, я в спортивной форме.

— А почему меня не взял?

— Глеб, что с тобой? Ты уже два месяца как перестал со мной бегать.

— Ну а теперь снова начну! Завтра пойдём вместе!

Глеб весело поскакал на кухню. Отец проводил его ошеломлённым взглядом. Он давно не видел сына таким счастливым и не понимал причину его бурного веселья.

— Так, Глеб, вот тебе триста рублей, — сказал отец после завтрака. — Купишь себе хлеба, колбасы и бутылку воды.

— Зачем? — удивился Глеб, собирая учебники в школьную сумку.

— Как зачем? Сделаешь бутерброды, возьмёшь с собой.

— Куда, в школу? Я там обедаю.

— Да не в школу, а на экскурсию. Вы же сегодня едете в Анапу.

— Куда? — поразился Глеб.

— Ты себя хорошо чувствуешь? — подозрительно посмотрел на него отец. — Что-то ты странный сегодня. Ты забыл, что вы едете в Анапу в музей?

Глеб сунул очередной учебник мимо сумки и ошалело посмотрел на отца.

— А какое сегодня число?

— С утра было двадцать третье, — сказал отец и ушёл на работу.

Глеб оставил сумку и в волнении заходил по комнате. Почему снова наступило двадцать третье мая? Ведь Денис сказал, что нормальный календарь продолжится именно с того момента, когда остановился. Значит, они должны были вернуться двадцать четвёртого. Или он неправильно понял Дениса? А может быть, ничего страшного? Какая разница — двадцать третье или двадцать четвёртое? Самое главное, они вернулись, и дни снова пойдут вперёд. А если не пойдут? <...>

Лены в школе не было, а Юрасик появился в классе практически со звонком, и у Глеба не было никакой возможности подойти к нему. Весь урок он ёрзал, ожидая, когда тот обернётся и хотя бы взглядом выразит восторг по поводу благополучного возвращения. Но Юрасик сидел за своей второй партой с отрешённым видом и не реагировал даже на учителя. «Из-за деда переживает. Проснулся утром, а его снова нет. И уже не будет», — подумал Глеб. Схлопотав замечание, он успокоился и прекратил попытки привлечь внимание Карасёва. Едва дождавшись конца урока, Глеб кинулся к его парте.

— Ну что, Юрок, как настроение? Реально клёво? У нас всё получилось!

Юрасик поднял на него непонимающие глаза:

— Ты о чём? Что получилось?

— Вернуться получилось. Правда, почему-то не в тот день.

— Откуда вернуться?

— Карась, ты что, прикалываешься? Это типа шутка?

— Мне не до шуток.

Юрасик поднялся и стал собирать рюкзак. Глеб разозлился:

— Ты чего сегодня такой тормознутый? Жалеешь, что не остался? Так я тебе ещё вчера всё объяснил.

— Ты не мог мне вчера ничего объяснить. Ты со мной вообще ни разу не разговаривал, — равнодушно сказал Юрасик. Глеб взглянул ему в глаза, и его обдало ледяным ужасом. Перед ним стоял совершенно чужой человек.

И всё, что он сказал, было правдой. Он действительно не понимал, о чём речь, и ниоткуда не возвращался. Потому что это был не тот Юрасик.

— Не может быть, — пробормотал Глеб, боясь даже подумать, что произошло. Так не должно было случиться! Это настолько чудовищно, что никак не может быть правдой. Но вот оно, доказательство, прямо перед ним, с потухшими глазами и невыразительным, как маска, лицом.

— Скажи, Карасёв, какое число было вчера? — предпринял Глеб ещё одну попытку, хотя и так всё было слишком очевидно. Юрасик не вернулся, он остался в прошлом.

— Двадцать второе мая, — безразлично ответил Карасёв и поплёлся к двери. <...>

В десять тридцать Глеб подошёл к школе, где шестой «А» грузился в автобус. Сначала он не собирался ехать на экскурсию, решив, что с него довольно раскопок, артефактов и древней магии. Целых восемнадцать дней он не думал ни о чём другом. Хватит, всему есть предел. Но потом Глеб подумал, что нужно посмотреть, как выглядит обломок древней стены сейчас, после всех изменений. Если там появилось что-то новое или, наоборот, что-то пропало, он обязан это увидеть. Нужно знать, к чему быть готовым. Ведь теперь он остался в одиночестве и должен соображать за троих. Помощи ждать неоткуда.

Всё было так же, как в прошлый раз. Снова Мухин возражал против того, чтобы Глеб сидел с ним. Снова Клара Борисовна металась по салону, успокаивая свой класс. И снова Юрасик и Лена оказались с Глебом на одном сиденье. Но это были другие Юрасик и Лена. Совершенно посторонние люди. С ними Глеб не был знаком. Они не переживали вместе трудности, не радовались неожиданным удачам, не орали друг на друга в запале, не сочувствовали друг другу. Они не становились с каждым днём ближе. С этими чужими людьми у него не было ничего общего. Сидя рядом с ними в автобусе, Глеб ещё острее ощущал своё одиночество. Он поймал себя на мысли, что скучает по тем, настоящим Юрасику и Лене и не представляет, как теперь будет без них обходиться. Целых две недели он чувствовал себя частью одной команды с общей целью. Он

привык к вниманию и дружеской поддержке. А сейчас снова остался один. И никому не было до него дела.

На раскопках Глеб держался в стороне, позади всех. Ему решительно не хотелось спускаться в яму и тем более приближаться к опасной стене. Но издали он ничего не мог разглядеть, особенно за спинами одноклассников. Спрыгнув в раскоп и пробравшись в передние ряды, Глеб обнаружил, что на поверхности стены ничего, кроме древних иероглифов, нет. Ни даты, ни чёрточки над последним символом, которые он собственноручно чертил вчера ночью. То есть не вчера, а пятого мая. Но ведь пятое было раньше сегодняшней даты, двадцать третьего. Его каракули должны были остаться. А их нет. Почему? Глеб тупо смотрел на стену и чувствовал, что запутался вконец.

Остаток вечера Глеб провёл дома, собирая пазл и слушая радио. Отец ушёл в восемь, как и в прошлый раз, но теперь Глеб не стал закатывать ему скандал. Какой смысл? Результатом всё равно будет одинокий вечер. К тому же орать и возмущаться просто не было сил. Глеб совершенно упал духом. От утренней радости не осталось и следа. Он постоянно прокручивал в памяти события вчерашнего вечера, вернее, последних минут перед наступлением полуночи. Что случилось? Что пошло не так? Почему вернулся только он? Где Лена и Юрасик? А если стена снова мстит? Если нельзя было прикасаться к древним иероглифам и тем более что-то в них исправлять? Но тогда гнев древней цивилизации должен был пасть на него, а не на ребят. Какая же это месть, если он вернулся, а они нет? А вдруг та ужасная версия, которую он отбросил сегодня утром, на самом деле верна? Вдруг он вовсе не вернулся, а просто отпрыгнул на старт, как в компьютерной игре с неработающим сохранением? И теперь снова будет катиться назад, да ещё и в одиночку!

Глеб яростно замотал головой, стараясь вытрясти из неё все эти страшные предположения. Он решил не ложиться спать и посмотреть, что произойдёт в полночь. Установил в телефоне будильник ровно на двенадцать часов, погромче включил радио. Он и сам не смог бы объяснить, зачем ему двойное оповещение о наступлении новых суток. Но он должен был знать, что его ждёт. Ведь если сейчас снова произойдёт прыжок и он проснётся утром предыдущего

дня, можно окончательно попрощаться с будущим. И со своей дальнейшей жизнью.

Время близилось к полуночи. Осталась последняя минута, несколько секунд, одна секунда. Глеб затаил дыхание. Сейчас всё станет ясно. Вот сейчас... И радио и телефон начали издавать сигналы практически одновременно. Глеб машинально отключил будильник в телефоне и в наступившей тишине отчётливо услышал голос диктора: «В столице — полночь». Заиграл гимн России. Глеб слушал его строчку за строчкой и понимал, что вернулся. Теперь уже точно. Окончательно и бесповоротно. Время снова пошло вперёд, и этот кошмар закончился. Наступило ЗАВТРА, которого так долго не было.

Глеб осознавал, что это очень хорошая новость и он должен радоваться. Но никакой радости не было. У него вдруг кончились силы. Он ощущал себя электрическим прибором, который резко и неожиданно выдернули из розетки. <...>

24 мая 2013, пятница

В школу Глеб плёлся неохотно. Он опасался, что ни Юрасика, ни Лены там не окажется. А вдруг они совсем исчезли? Те, настоящие, не вернулись, а для этих, двойников, двадцать четвёртое мая никогда не наступало. Что же он наделал? Сам здесь, а они затерялись в обратном календаре и не могут вырваться из него. Как их оттуда вытащить? Ведь при всём его желании с ними невозможно пересечься. Как бы ему сейчас пригодился совет Дениса, который, как оказалось, неплохо разбирался в таких аномальных явлениях. Только, интересно, почему?

У входа в школу к Глебу прицепилась компания Мухина. У Глеба не было никакого желания отвечать на их придирки. Он помнил, как благородно повёл себя Мухин в критической ситуации. Несмотря ни на что, не отказал им в помощи. Вся эта глупая школьная вражда вдруг показалась Глебу пустой и бессмысленной. Зачем калечить и оскорблять друг друга? Ради чего?

— Кончай строить из себя отморозка, — сказал он Мухину. — Ты же на самом деле нормальный парень. Твой класс, мой класс... Горшки делите, как в яслях. Не надоело?

Глеб обошёл зависшего Мухина и обернулся на крыльце:

— Привет сестре! Она классно на джипе гоняет.

Возмущённый Загоркин рванулся за ним, но Мухин схватил его за руку:

— Оставь его. Пусть идёт, — и проводил Глеба задумчивым взглядом.

Юрасик оказался в школе. «Не исчез!» — вздохнул с облегчением Глеб. Помня о своей вчерашней неудачной попытке, он не стал подходить к Карасёву, но в какой-то момент поймал на себе его необычный взгляд. «Помнит, что я вчера ему плёл. Считает меня чокнутым, — подумал Глеб. — Хорошо, что Зюзиной нет. А то бы тоже сверлила меня взглядом и вспоминала про кастрюлю и письмо». Он не сомневался, что они оба теперь будут смотреть на него странно. Другой Юрасик и другая Лена. Просто одноклассники. А его друзей уже не вернуть.

На географии Карасёв несколько раз оглянулся на Глеба. «Да что ж он никак не угомонится!» — рассердился тот и внезапно уловил в его взгляде что-то знакомое, что-то живое, чего не было у вчерашнего Юрасика с потухшими глазами. У Глеба перехватило дыхание. Неужели? Да нет, он ошибается. Это игра его воображения. Он просто очень хочет этого. А вдруг? Глеб во все глаза уставился на Карасёва, но тот больше не оборачивался. Тогда Глеб открыл тетрадь на последней странице и нарисовал тот самый символ, который помог ему вернуться, — перевёрнутый бутон с горизонтальной чертой наверху. Он ждал довольно долго, и, когда наконец Карасёв опять оглянулся, Глеб поднял тетрадь так, чтобы Юрасику был виден рисунок. От волнения у него бешено колотилось сердце и тетрадь в руках ходила ходуном. Он понимал, что рискует своей оценкой за четверть и Кира Давидовна вполне может её испортить, но сейчас реакция Карасёва была важнее всего. И когда глаза Юрасика вспыхнули радостью, Глеба кинуло в жар. Он выпустил тетрадь, и она спланировала на пол между рядами. Юрасик не отрываясь смотрел на Глеба, и его круглое лицо сияло от восторга. Глеб вдруг ощутил, как с плеч свалилась огромная тяжесть. Ему стало так легко и хорошо, что казалось, он сейчас взмлет над своей партой и вылетит из открытого окна в небесную синь. Разве мог он подумать три недели назад, что будет радоваться своему однокласснику Карасёву, как лучшему новогоднему подарку?

Подойти друг к другу не удалось и после звонка. Вошла Клара Борисовна с сообщением насчёт последнего учебного дня.

— Прежде чем вы отправитесь на информатику, попрошу всех сдать дневники, — сказала она и пошла по классу, собирая их. — В понедельник последний учебный день. Вы сдадите учебники и после этого придёте на классный час. Там и получите свои дневники уже с оценками. Семак, забери обратно. Я тебе уже говорила — это не дневник, это мусорная куча, противно в руки взять. Почистишь, заклеишь и принесёшь в мой кабинет.

Клара Борисовна пересчитала собранные дневники.

— Одного не хватает. Кто не сдал? А, сегодня снова Зюзиной нет. Нужно сказать её брату, чтобы принёс.

Словно подброшенный пружиной, Глеб вскочил с места:

— Клара Борисовна, можно я сбегаю? Я быстро.

— Елизаров? Ты хочешь сбежать к Зюзиной за дневником? — озадаченно переспросила классная руководительница. Она была уверена, что к Зюзиной никто из класса не пойдёт даже под угрозой двойки. Оживившиеся шестиклассники тут же стали отпускать шутки насчёт странной парочки. Но Глебу было всё равно. Он не мог больше оставаться в душном классе. Очень хотелось узнать, как там Лена. Их Лена, настоящая, а не вчерашняя грубиянка и вредина.

Клара Борисовна прикрикнула на расшумевшийся шестой «А» и сказала:

— Ну хорошо, Глеб, сходи. Диану Робертовну я предупрежу.

— А можно я с ним? — поднялся из-за парты Юрасик. Только что успокоившийся класс снова загудел. Клара Борисовна совсем растерялась:

— К Зюзиной? Вдвоём? За одним дневником?

— Он адрес знает, а я... дневник понесу, — сказал Глеб.

Классная руководительница перевела взгляд с Карасёва на Елизарова и от неожиданности согласилась. Было что-то загадочное в этой ситуации. Она прекрасно знала, кто с кем дружит, кто с кем общается, и никак не могла связать Карасёва с Зюзиной. А уж Елизарова она вообще ни с кем не могла связать.

— Только обязательно вернитесь на информатику, — предупредила она. — Долго не бегайте. Дневник принесёте в мой кабинет. Остальные остаются на местах и слушают меня.

Глеб и Юрасик с готовностью кивнули и выбежали из кабинета. Оказавшись в коридоре, они тут же кинулись друг к другу.

— Карась! Это ты! — радостно хлопал его по плечу Глеб. — Я уже думал, что не увижу тебя!

— Глеб! Как здорово! — захлёбывался восторгом Юрасик. — Я вчера чуть с ума не сошёл, когда понял, что ты — это не ты!

— И ты мне это рассказываешь? Да я вчера ездил на раскопки с твоим двойником! Препротивный тип, я тебе скажу!

— А ты мне вчера по шее съездить хотел за то, что я плету всякую ерунду. Ну, то есть не ты, а другой ты.

— погоди, — остановился Глеб. — Когда это — вчера?

— Ну вчера, четвёртого мая, — объяснил Юрасик.

— У тебя вчера было четвёртое?

— Да, у нас с Леной было четвёртое. А у тебя какое?

— У меня двадцать третье.

— Вы ещё здесь? — выглянула из кабинета Клара Борисовна. — Я сейчас отменю свою благотворительную акцию. Мне не трудно.

Друзей словно ветром сдуло, причём Юрасик не слишком отставал от Глеба.

— Как же получилось, что вы попали в четвёртое мая? — спросил Глеб по дороге к Лене. — Я-то в это время был в двадцать третьем. Почему мы разделились?

— Не знаю, но я очень даже доволен. Я вчера не поехал к тётке и весь день провёл с дедом. Он никуда не торопился, ничем не был занят. — Вспомнив про деда, Юрасик погрустнел.

— Жаль, конечно, что его больше нет. Но ты только представь, какой уникальный шанс тебе выпал — ты его видел, ты с ним говорил целый день. Не у каждого бывает возможность снова встретиться с дорогим человеком после его смерти! А ещё ты теперь знаешь, что ни в чём не виноват... Ну а Лена, как она провела последний день?

— Она была просто в шоке. Мы же не знали, что это последний день. Мы думали, что у нас ничего не получилось. Мы ведь снова проснулись в обратном календаре.

— Представляю!

— И вообще, у неё вчера день был бешеный. Маме стало плохо, её увезли на скорой в больницу. Мы виделись только десять минут. Она была уверена, что всё пропало, особенно когда мы поняли, что ты не тот, не наш. Это означало, что ты спасся, а мы с ней навсегда остались в прошлом. А сегодня утром я обнаружил, что вернулся. Надеюсь, что и она здесь.

— Сейчас проверим!

Открыв дверь, Лена настороженно уставилась на ребят. Глеб не мог понять, которая из Лен так мрачно их разглядывает. И как с ней лучше начать разговаривать, как со своей Леной или как с чужой. Но Юрасик не заморачивался подобными размышлениями, он широко улыбнулся и сказал:

— Да мы это, мы, Лен! Настоящие мы!

Лена вскрикнула от радости и обняла сразу обоих. Потом затащила их в квартиру, восторженно вереща.

— Нет, Лена, мы не можем сейчас пройти, мы только за дневником! Нам дали всего двадцать минут, — сказал Юрасик, улыбаясь.

— Клара устроит нам террор, если мы не вернёмся в течение урока, — добавил Глеб. — Теперь уже есть что терять. Назавтра никто ничего не забудет. Мы лучше после школы к тебе придём.

Лена вынесла им дневник, не переставая возбуждённо рассказывать, как она проснулась сегодня утром и неожиданно обнаружила Анютку в зелёных пятнышках, как поняла, что «вчера» закончилось и наступило «завтра».

— Я так обрадовалась! Вы и представить себе не можете! — тараторила она. — Я бегала по всей квартире и смеялась как чокнутая!

— Прекрасно представляем, — сказал Глеб. — Я вчера тоже бегал и смеялся. Пока не понял, что вернулся один.

— А кстати, почему ты вернулся без нас? Почему мы ещё целый день катились назад? — спросила Лена.

— Единственное, что приходит в голову, — сутки переключились раньше, чем вы успели спуститься в раскоп, —

предположил Глеб. — Я вас видел наверху, но потом от-
вернулся — мне ведь нужно было дописать черту.

— Я точно помню, что прыгнул, — сказал Юрасик. —
Но не помню, приземлился или нет.

— А я всё время боялась, как бы ты не отстал. Помню
только, что мы добежали, — сказала Лена.

— Ну вот, — подытожил Глеб. — Вы либо не успели
спрыгнуть, либо не подошли на нужное расстояние, где
действует эта древняя магия. В тот раз вы стояли почти
возле меня.

— Надо в школу возвращаться, — напомнил Юрасик. —
Ты ведь со мной, а я стометровку за двенадцать секунд не
пробегу.

— А пора бы уже, — заметил Глеб.

— Ладно, идите, — сказала Лена, — жду вас после шко-
лы. Мы с Анюткой сейчас лепёшки будем печь. Да, если
хотите сладкий чай, несите сахар. Мои бандиты весь сахар
вчера высыпали.

И она со счастливой улыбкой закрыла за ними дверь.

Расположившись за столом в кабинете истории, Клара
Борисовна выставляла годовые оценки в дневники своих
шестиклассников. Это была приятная работа. Она означала
окончание учебного года. Ровные колонки четвёрок, троек,
а иногда и пятёрок на последней странице очередного днев-
ника выглядели словно ухоженные грядки на её садовом
участке. Клара Борисовна смотрела на них и представляла,
как через три дня сядет в электричку и отправится в дол-
гожданное путешествие на дачу. И единственное, что её
будет беспокоить в ближайший месяц, — это температура
воздуха и атмосферные осадки.

В коридоре вдруг послышался смех и весёлые голоса.
Клара Борисовна подняла голову, прислушиваясь. Кто это
свободно разгуливает по школе в учебное время, нарушая
тишину? Она хотела подняться и восстановить порядок, но
тут поняла, что голоса приближаются именно к её кабинету.
Через пару секунд всё стихло, и раздался осторожный
стук в дверь. На пороге появились Карасёв и Елизаров,
запыхавшиеся и очень счастливые. Как ни старались они
сохранить серьёзность перед учителем, их лица просто све-
тились радостью. Они вдвоём приблизились, положили
дневник на краешек стола и попятились к двери.

— Ребята, подождите, — Клара Борисовна посмотрела на них поверх очков. — Юра, я рада, что ты пришёл в себя. На тебя сегодня очень приятно смотреть. И ты, Глеб, тоже изменился, повеселел. Но скажите на милость, когда вы успели подружиться?

— Мы? — Мальчишки переглянулись, и в их глазах заплясали хитрые смешинки. — Мы... на экскурсии. Двадцать третьего мая.

— Двадцать третьего? — удивилась классная руководительница. — То есть вчера?

— Получается, что вчера, — сказал Глеб и посмотрел на Юрасика. — Ведь двадцать третье мая было вчера?

— Ну, если сегодня двадцать четвёртое, то вчера, естественно, было двадцать третье. По-другому и быть не может, — ответил тот.

От внимания Клары Борисовны не укрылись быстрые лукавые взгляды, которыми обменялись Юрасик и Глеб, и их едва сдерживаемые улыбки. Она догадалась, что ей морочат голову. Историчка устало махнула рукой, и друзья мигом выбежали из класса. В коридоре послышался залиvistый смех и удаляющийся топот.

— Что же такого должно было произойти, чтобы они так изменились? — в недоумении покачала головой классная руководительница. — И всего за один день. Словно другие дети, честное слово.

27 мая 2013, понедельник

Глеб, Лена и Юрасик сидели за школой, наслаждаясь солнечным майским утром. Они уже сдали учебники, послушали заключительные наставления Клары Борисовны и получили дневники с годовыми оценками. Сюда, на стадион, их позвал Юрасик. После классного часа он с заговорщицким видом сообщил, что хочет показать им кое-что очень интересное. Заинтригованные ребята направились за школу и расположились на горбатой лестнице, ставшей их совещательным центром.

— Я все выходные сидел в Интернете, — сказал Юрасик, открывая свой рюкзачок, — просматривал разные древние письменности. Я хотел найти тот самый знак, древний символ, который нас спас. Ну и вообще, искал све-

дения о всяких интересных событиях на археологических раскопках. И знаете, на что я наткнулся?

Он замолчал, выдерживая театральную паузу.

— Да не знаем, не знаем, говори уже, — поторопил его Глеб. — Насладись моментом, публика у твоих ног.

— Мне попалась заметка об одном происшествии на раскопках гробницы скифской царицы... — начал повествование Юрасик, держа в руках свёрнутый листок А4. — Молодой парень, участник экспедиции, ради забавы лёг в тот самый саркофаг, где находилась скифская царица. Дело было утром, перед началом рабочего дня. Парень хотел напугать археологов, которые войдут в гробницу. Но когда археологи туда вошли, ни в гробнице, ни в саркофаге никого не было. Парень исчез.

— Как исчез? — удивилась Лена. — Совсем?

— Его искали весь день, и в лагере, и в окрестностях. Но кто-то из экспедиции, кто был в курсе его розыгрыша, уверял, что в гробницу он вошёл, но совершенно точно оттуда не выходил. Обнаружили его только к вечеру. Пропавший пулей выскочил из гробницы, когда археологи сидели у костра после рабочего дня. Парень был не в себе, нёс какую-то чушь. Он утверждал, что его не было целый год, что весь этот год он провёл в будущем, рассказывал небылицы о чудесах техники. Правда, через день он опомнился и признался, что всё это было только игрой его воображения. Но всё равно археологи не могли понять, куда он исчезал, потому что в гробнице целый день велись работы, и парня там не было.

— Ну да, интересно, — сказал Глеб. — Но к чему ты нам это рассказал?

— А к тому. — Юрасик развернул лист. — Вот этот парень.

Лена и Глеб посмотрели на распечатку статьи. На них с фотографии смотрел Денис. Тот самый Денис Сапожников, студент исторического факультета, которого они встретили на конференции и благодаря которому смогли вернуться в правильный календарь.

— Я так и знал! — воскликнул Глеб. — Я знал, что с ним тоже что-то случилось! Поэтому он и догадался, что мы не играем, что мы действительно в беде.

— Самое интересное не это. Вы посмотрите на дату, — Юрасик ткнул пальцем в нижнюю строчку.

— Что?! Это произошло тринадцатого мая тысяча девятьсот девяносто третьего года?! — изумлённо воскликнула Лена. — Этого не может быть! Двадцать лет назад?

— В том-то и дело. В девяносто третьем ему было двадцать три года, и он учился в институте. А сейчас ему сорок три. К тому же пишут, что он не внук, а сын профессора Сапожникова, — сказал Юрасик.

— Ерунда какая-то, — сказала Лена. — Какие сорок три? Мы же его видели, и он был гораздо моложе.

— Да нет, как раз всё сходится, — Глеб взял в руки заметку. — В мае девяносто третьего в возрасте двадцати трёх лет Денис залез в саркофаг, чтобы разыграть археологов. Сработало древнее проклятие, так же, как у нас, и его перекинуло на двадцать лет вперёд, в май тринадцатого года. Он провёл в будущем целый год. Наверное, он не знал, как вернуться, и поэтому ходил на все встречи археологов и говорил, что он внук профессора Сапожникова, который к тому времени уже умер. И на одной из конференций встретил нас.

— Обалдеть! — сказала Лена.

— Может быть, его перекинуло не в тринадцатый, а в двенадцатый год. И он встретился с нами уже в конце своего путешествия в будущее, — предположил Юрасик. — Он помог нам, это и стало его избавлением. Он был прощён и вернулся. И заметьте, речь опять идёт о мае и в конце каждой даты есть тройка — две тысячи тринадцатый, девяносто третий, двадцать третье мая, тринадцатое мая. Может, это какое-то магическое сочетание?

— Дело вовсе не в мае и не в цифрах, — возразила Лена. — Просто к древности надо относиться с уважением. Не стоит шутить с тем, о чём не имеешь ни малейшего представления.

— Да, нам ещё крупно повезло, что наше путешествие длилось только восемнадцать дней, — согласился Глеб.

— Девятнадцать, — в один голос сказали Юрасик и Лена.

— А я вот о чём думаю, — поделился Глеб. — Почему я вернулся двадцать третьего мая, а не двадцать четвёртого?

— По-моему, всё логично, — отозвался Юрасик, забирая листок и пряча его в рюкзак. Потом вытащил пакет с домашними вафлями и предложил ребятам. Те взяли по одной штучке.

— Мы не знаем точно, какое послание было зашифровано в этой надписи, — продолжил Юрасик с набитым ртом. — Можно только предположить. Например, там было: «И настанет последний день». И рядом с этой фразой ты написал дату — двадцать третье мая две тысячи тринадцатого. И этот день стал последним для нас. А потом ты исправил символ, и получилось: «И настанет первый день». Вот он и настал. Именно двадцать третье мая, с самого утра. Поэтому тебе пришлось жить в нём по второму разу.

— Тот археолог сказал — эти символы означали «начало» и «конец», — возразила Лена.

— Да без разницы, — сказал Глеб. — Может, там было написано — конец вашего жизненного пути. А после исправления получилось — начало вашего жизненного пути. Результат всё равно одинаковый. У меня наступило двадцать третье мая, а у вас — четвёртое, потому что вы не успели спуститься в раскоп и подойти ко мне. Но почему двадцать четвёртого вы оказались здесь? Я думал, вас уже не вернуть.

— Это ты нас вытащил, — сказал Юрасик.

— Я?!

— Ты провёл тот самый день икс по-другому, не ездил на экскурсию, не царапал стену...

— Я ездил на экскурсию. Но стену не царапал. Я даже к ней не прикасался.

— Ну вот. Получилось, что ты переписал этот день начисто, отменил все последующие события. Поэтому для нас с Леной календарь начался там же, где остановился — утром двадцать четвёртого мая. Понятно?

— Мне понятно одно: наш календарь мая был справедливым наказанием за чью-то глупость, не будем тыкать пальцем — чью, — сказал Лена.

— Тебе ясно сказали, что майя здесь ни при чём, — огрызнулся Глеб.

— Да не «майя», а «мая». Я имею в виду месяц май. Мы с вами исследователи календаря мая. Мы прокатились по всему маю туда и обратно. <...>

— Да, без Дениса мы пропали бы. Жаль, что мы не можем с ним встретиться. Он нам так помог!

— Встретиться можем. Только смысла нет. Он нас не знает. Ты что, забыла? Глеб отменил всё, что с нами произошло. Теперь нас никто не знает — ни археологи, ни волонтеры на раскопках, ни полицейские. Никто, с кем мы контактировали.

— А Денис знает, — заупрямилась Лена. — Он тоже связан с древней магией. Я уверена, что он нас узнал бы. Ведь мы почему-то помним всё, что с нами произошло. И он не забыл. Такие уроки надо помнить, иначе всё бессмысленно.

— Слушайте, а вам не странно жить вперед? — спросил Глеб. — Предметы за ночь не исчезают. Наутро все вокруг помнят, что делали вчера.

— Да, есть немного, — согласился Юрасик. — Ничего вспоминать не надо. Неизвестно, чего ждать от нового дня.

— Мне странно не это, — сказала Лена. — Непривычно, что не нужно спешить, что-то срочно придумывать и нести куда-то сломя голову.

— Да, кстати, почему ты никуда не спешишь? Дети сегодня с твоей мамой?

— Нет, мама на работе.

— Ты их бросила одних и даже не беспокоишься? Не похоже на тебя.

Лена наклонила голову, помолчала немного и сказала:

— Они не одни. Они... с бабой Липой.

— Помирились? — обрадовался Юрасик.

— Я долго думала о нашем последнем разговоре, там, в полиции... А в пятницу пошла в сад за Вовой и увидела в группе бабу Липу. И неожиданно для себя сказала ей, чтобы она заходила к нам в гости. А она упала на стул и заплакала, — смущённо сказала Лена.

— Ты молодец. А мама как к этому отнеслась? — спросил Глеб.

— Мама? Она теперь вообще как на крыльях летает, — оживилась Лена. — У нас ведь папа возвращается через месяц, его досрочно выпускают.

— Здорово! — воскликнул Юрасик. — Ты теперь не будешь столько работать!

Лена посмотрела на Глеба:

— А у тебя как? Ты уже виделся с Верой?

— Виделся. Мы втроём ходили в кафе.

— Ну и как?

— Пока напряжённо. Но ничего, это пройдёт. Я знаю, какая она на самом деле. Ой, я же вам не сказал самого главного! — воскликнул Глеб, хлопнув себя по лбу. — Я никуда не уезжаю! Отца оставили здесь на три года. Так что будете меня терпеть до конца девятого класса.

— Фу, какая ужасная новость! С таким обормотом — целых три года в одном классе! — притворно сморщилась Лена. — А если он опять что-то вытворит?

— За три года? Обязательно вытворит, — весело подтвердил Юрасик. — Он запустит нас на Луну или загонит в Бермудский треугольник. Но самое главное, чтобы там не было никаких раскопок и древних стен.

— Да уж! Если он их там найдёт, мы точно будем ходить вверх ногами и произносить слова наоборот! — воскликнула Лена.

— Карасю вверх ногами нельзя, — заметил Глеб. — У него пирожки изо рта выпадать будут.

Юрасик засмеялся, но тут же подавился вафлей и закашлялся. Глеб заколотил его по спине, приговаривая:

— Я же говорил! Он и на Земле есть не умеет. А туда же, на Луну! Вверх ногами!

Юрасик кашлял и повизгивал от смеха так заразительно, с забавными переливами, что Лена тоже захихикала. Не выдержал и Глеб, и через мгновение смеялись уже все трое. Они хохотали так легко и весело, как только могут хохотать друзья, которым очень хорошо вместе, которые только что получили дневники с годовыми оценками и у которых впереди долгожданное лето и долгая-долгая беззаботная жизнь.

Размышляем о прочитанном

1. Можно ли считать повесть «Календарь ма(й)я» произведением научной фантастики? Почему?
2. Герои повести вынуждены скрывать ту ситуацию, в которой они оказались. Что придумал Глеб, чтобы выяснить у учёных, есть ли выход из их положения?

3. Почему Денис Сапожников понял, что рассказ Глеба не про задание учителя, а про реальную ситуацию, в которую попали ребята?
4. Почему героям повести необходимо было успеть добраться до стены с иероглифами до полуночи?
5. В чём сложность поведения Глеба и Мухина в эпизоде у бензоколонки?
6. В чём же была причина столь резких перепадов настроения Глеба в главе «23 мая 2013 года»? Найдите в тексте слова и выражения, характеризующие его радость в начале дня и чувство одиночества ночью.
7. Когда Глеб понял, что всё получилось и они победили древнюю магическую силу? Как он дал знать об этом Юрасику?
8. Прочитайте текст повести полностью и подготовьте сообщения об отношениях Юрасика с дедом, Глеба с отцом, Лены с бабушкой Липой.

Творческое задание

В повести шестиклассники едут на экскурсию на раскопки древнегреческого города Горгиппия. Найдите в ресурсах Интернета информацию об этих раскопках и подготовьте устное сообщение для одноклассников.

Литература народов Российской Федерации

Габдулла Тукай

1886—1913

Габдулла Тукай — выдающийся татарский поэт. Родился он в небольшой деревне, в Казанской губернии. В трёхлетнем возрасте Габдулла остался полным сиротой: сначала умер отец, а вскоре и мать. Мальчик рос в чужих семьях. Но, несмотря на трудности и невзгоды, поэт вспоминал своё деревенское детство с благодарностью, здесь он услышал татарские народные сказки и легенды, лирические песни, исторические предания. Вероятнее всего, тогда в деревне Кырлай ему рассказали легенду о Шурале, лешем, который может защекотать человека до смерти. Впечатлительный мальчик запомнил образы и сюжеты страшных и весёлых сказок. Простые и трогательные слова народных песен навсегда остались в его памяти.

Когда Габдулле было девять лет, родственники, жившие в городе Уральске, взяли его к себе. Здесь мальчик поступил в медресе (мусульманское училище, готовившее учителей и священников), где он быстро научился читать и писать по-татарски. В этом медресе был и так называемый русский класс, в котором обучение шло на русском языке, изучали русскую литературу.

Будущий поэт поступил и в русский класс, где увлечённо читал произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова.

Закончив медресе, девятнадцатилетний юноша начал сотрудничать с татарскими журналами и газетами, на страницах которых появлялись его стихотворения и статьи. Там же, в Уральске, была опубликована поэма-сказка Габдуллы Тукая «Шурале». Эта сказка о молодом джигите, который благодаря своему уму и находчивости побеждает незадачливого лешего, пронизанная тонким юмором, написанная лёгким напевным стихом, стала любимым произведением татарского читателя. Поэма-сказка переведена на многие языки народов России и зарубежных стран. По мотивам этого произведения композитор Ф. Яруллин создал балет «Шурале», который с успехом идёт на сценах музыкальных театров и сейчас. Сам поэт в примечаниях к своей поэме сказал: «Эту сказку я написал, пользуясь примером поэтов А. Пушкина и М. Лермонтова, обрабатывавших сюжеты народных сказок, рассказываемых народными сказителями в деревнях».

Поэзия Габдуллы Тукая вдохновлялась любовью к своей Родине. В стихах он размышляет о традициях, обычаях и культуре татарского народа, выражает надежду на его просвещённое, счастливое будущее.

РОДНАЯ ДЕРЕВНЯ

Стоит деревня наша на горке некрутой.
Родник с водой студёной от нас подать рукой.
Мне всё вокруг отраднo, мне вкус воды знаком,
Люблю душой и телом я всё в краю моём.

Здесь Бог вдохнул мне душу, я свет увидел здесь,
Молитву из Корана впервые смог прочесть,
Впервые здесь услышал слова Пророка я,
Судьбу его узнал я и путь тяжёлый весь.

Мне памятны навеки события детских лет,
Нет времени счастливей, забав беспечней нет.
Я помню, как, бывало, по чёрной борозде
Шагал со старшим братом я за сохою вслед.

Я многое увижу — ведь жизнь ещё длинна,
И ждёт меня, наверно, дорога не одна.
Но только, где б я ни был и что б ни делал я,
Ты в памяти и в сердце, родная сторона!

КНИГА

Когда душа измучена в борьбе,
 Когда я ненавистен сам себе,
 Когда я места в мире не найду
 И, утомясь, проклятье шлю судьбе;

Когда за горем — горе у дверей
 И ясный день ненастной тьмы темней;
 Когда сквозь слёзы белый свет не мил,
 Когда не станет сил в душе моей, —

Тогда я в книгу устремляю взгляд,
 Нетленные страницы шелестят.
 Я исцелён, я счастлив, я живу,
 Я пью тебя, отрада из отрад.

И слово, мной прочтённое тогда,
 Встаёт, как путеводная звезда,
 Бесстрашно сердце, радостна душа,
 И суета вседневная чужда.

И, вновь рождённый чистою мечтой,
 «Спасибо» говорю я книге той.
 И, распрямлённый верою в себя,
 Я вдаль гляжу с надеждою святой.

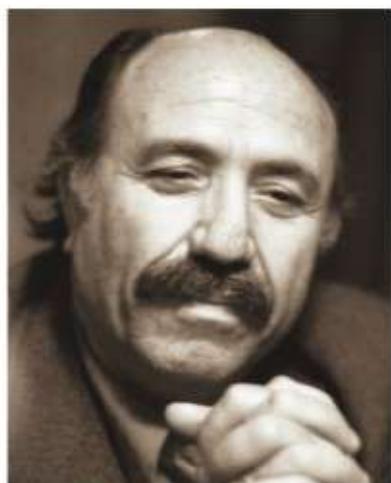
Размышляем о прочитанном

1. Прочитайте вслух стихотворение «Родная деревня», прислушайтесь к его интонациям. Что вы можете сказать о мелодии стиха? Какие чувства передаёт автор через звучание стихотворения?
2. Чем запомнилась родная деревня Габдулле Тукаю? Какие образы запечатлелись на всю жизнь? Как вы думаете, почему?
3. У кого из русских поэтов вы читали стихи о родной деревне? Сравните стихотворения разных поэтов об их малой родине. Что объединяет эти произведения?
4. Мировая поэзия знает множество стихотворений, восхваляющих, благодарящих книгу. Вспомните биографию поэта и подумайте, почему он так благодарен книге.

Творческое задание

Перечитайте стихотворение «Книга», отмечая те обстоятельства, в которых книга помогает человеку, спасает его. Верите ли вы в спасительную силу книги? Подготовьте развёрнутый ответ на этот вопрос.

Кайсын Кулиев

1917—1985

Балкарский поэт Кайсын Шуваевич Кулиев родился в ауле Эл-Тюбю, расположенном в верховьях живописного Чегемского ущелья, в семье скотовода и охотника. Талантливый ребёнок с детства проявлял артистические и поэтические способности. Восемнадцатилетним юношей приезжает он в Москву и поступает в Институт театрального искусства (ГИТИС). Кулиев имел счастье слушать стихи в исполнении таких выдающихся артистов, как В. Качалов, Л. Леонидов, М. Тарханов, И. Москвин. Будучи студентом ГИТИСа, он перевёл на балкарский язык стихотворения М. Ю. Лермонтова, А. С. Пушкина, драмы французского драматурга XVII века Ж.-Б. Мольера.

Интерес к поэзии привёл Кулиева на вечернее отделение Литературного института. Первый его поэтический сборник под названием «Привет, утро» вышел в 1940 году. Героями стихов Кулиева стали труженики-горцы: чабаны, кузнецы, табунщики. Его стихи о природе отличаются сочетанием спокойных зарисовок родных пейзажей и описаний грозных стихий природы.

С первых дней войны Кулиев отправляется на фронт. Суровость войны не ожесточила душу поэта-лирика, чьи стихи печатались во фронтовой газете. В 1944 году Кулиев был демобилизован, но возвратиться на родную землю не мог, потому что его народ был выслан в Среднюю Азию. За годы работы в Союзе писателей Киргизии Ку-

лиев создаёт цикл стихов о прошлом своей родины («Над старой книгой горских песен», «Трава растёт», «Жизнь»). В 1956 году поэт возвращается на балкарскую землю, и начинается самый плодотворный период его творчества. В своих книгах стихов — «В доме друзей», «Мои соседи», «Хлеб и роза» — поэт мечтает о совершенном мире, о торжестве света и добра. В «Чегемской поэме» (1980) поэт выразил своё отношение к мужественным землякам-труженикам, рассказал о местах, любимых им с детства.

Р. З. Хайруллин

* * *

Когда на меня навалилась беда
И шёл я по отчему краю,
«Отдай свою боль мне», — сказала вода,
По горному склону стекая.

Сказала мне высь: «Обернись к небесам,
И в сердце растает тревога».
«Спокойно иди, я тебя не предам!» —
Тихонько шуршала дорога.

«Взгляни на мои голубые снега», —
Чуть слышно гора мне шептала.
«Приляг на траву», — поманили луга.
Прилёг я, и легче мне стало.

И стало всё просто, и понял я вдруг —
Иного не надо мне рая,
А только б дорога, да речка, да луг,
Да небо родимого края.

* * *

Каким бы малым ни был мой народ,
Он всё равно меня переживёт,
И будет жив мой край, гнездо в котором
И белый голубь вьёт, и чёрный ворон.

Я верую, что будет жить, как жил,
Мой малый род, чьё мужество, бывало,
И мужество и силу возвращало
Мне, потерявшему остаток сил.

В долинах будет созревать пшеница,
 Как прежде, будут пахари трудиться,
 И будет в небесах всходить луна,
 И зимними ночами будет сниться
 Уставшим людям близкая весна.

И пусть потом иные песни сложат,
 Но всё же люди, прошлое ценя,
 Те песни тоже будут петь, быть может,
 Что пели и при мне и до меня.

И что с тобой, народ мой, ни случится,
 Я знаю, будет жив язык родной,
 В звучании которого продлится
 Моя судьба и век недлинный мой.

С тобою, мой народ, должник твой вечный,
 Ни дня я в жизни не был одинок
 И сотворил за век свой быстротечный
 Хоть и немного, но всё, что мог.

Размышляем о прочитанном

1. Стихотворение Кайсына Кулиева о Родине начинается словами «Когда на меня навалилась беда...». Как вы думаете, почему у человека в особенно сложных, трудных ситуациях обостряется чувство Родины?
2. Как Родина помогает герою стихотворения преодолеть беду?
3. Какой художественный приём использует поэт, говоря: «сказала вода», «тихонько шуршала дорога», «шептала гора», «поманили луга»?
4. Какие качества родного народа Кайсын Кулиев считает постоянными, переходящими из поколения в поколение?
5. Почему поэт считает себя вечным должником своего народа?

Творческое задание

Как вы думаете, почему, размышляя о судьбе народа, поэт особо говорит о родном языке? Почему, пока жив язык, жив народ? Подготовьте развёрнутый ответ на этот вопрос.

Зарубежная литература

Даниель Дефо

1660—1731

Даниель Дефо родился в Бристоле в семье торговца мясом Джеймса Фо (частицу «де» Даниель прибавил к своей фамилии, уже став взрослым). Отец хотел видеть своего сына священником и отдал его на обучение в духовную академию; здесь он изучил несколько иностранных языков, занимался историей, географией, астрономией.

Но священником Дефо не стал. Он мечтал о путешествиях, хотел повидать мир, чужие страны. Он стал купцом, занимался торговлей, побывал в Испании, Португалии, Голландии, Франции, Италии. Богатства не нажил и в коммерции не преуспел. Впоследствии он и вовсе отошёл от торговли.

Дефо привлекала журналистика, и он постоянно размышлял над способами наилучшей организации жизни общества. Он был сторонником свободы слова и печати, придерживался демократических взглядов, считал, что личные качества гораздо важнее, чем знатное происхождение, что только личная доблесть, достойные поступки и честность возвышают человека. Дефо выступал против несправедливых законов, наказывающих бедняков и защищающих богачей. Он стремился содействовать быстрейшему развитию Англии, её промышленности и торговли.

На склоне лет Дефо начал писать романы. Свой первый роман «Робинзон Крузо» он написал, когда ему было почти шестьдесят лет. Роман имел огромный успех, и тогда Дефо принялся за его продолжение, рассказав во второй и третьей частях обо всём, что

случилось с Робинзоном уже после того, как он покинул необитаемый остров, на котором провёл двадцать восемь лет своей жизни.

Среди многих описаний путешествий Робинзона рассказывается и о том, как он вместе с другими торговцами проехал через всю Сибирь, побывал в Тобольске, добрался до западных границ России, отправился к себе на родину — в Англию. В своих романах Дефо рассказывает о людях, которым приходится преодолевать много трудностей. Его героями становятся сироты, подкидыши, пираты, вынужденные вести борьбу за свою жизнь. Достоинство романов Дефо — в их верности жизни. Его герои деятельны, энергичны, умны.

«Робинзон Крузо» — удивительная книга! Она была написана очень давно — в 1719 году и сразу сделала Робинзона Крузо бессмертным. Дефо говорил, что в Робинзоне Крузо он изобразил самого себя, свою жизнь. Но не только свою. История Робинзона Крузо — это рассказ о том, как человек (им может быть каждый) в повседневном труде ведёт борьбу за существование, познаёт природу, учится обрабатывать землю, строить, мастерить, вести хозяйство. В этом смысле путь Робинзона проходит каждый. И всё чаще «робинзонами» называют тех, кто действительно оказывается вдали от людей наедине с природой и кому как бы снова приходится обустроивать свою жизнь, повторяя путь всего человечества от состояния дикости до создания человеческих условий существования.

По Н. П. Михальской

РОБИНЗОН КРУЗО

(Отрывок из романа)

Глава шестая

Робинзон на необитаемом острове. —

Он добывает вещи с корабля и строит себе жильё

Проснулся я поздно. Погода была ясная, ветер утих, море перестало бесноваться.

Я взглянул на покинутый нами корабль и с удивлением увидел, что на прежнем месте его уже нет. Теперь его прибило ближе к берегу. Он очутился неподалёку от той самой скалы, о которую меня чуть не расшибло волной. Должно быть, ночью его приподнял прилив, сдвинул с мели и при-

гнал сюда. Теперь он стоял не дальше мили от того места, где я ночевал. Волны, очевидно, не разбили его: он держался на воде почти прямо.

Я тотчас же решил пробраться на корабль, чтобы запасть провизией и разными другими вещами.

Спустившись с дерева, я ещё раз осмотрелся кругом. Первое, что я увидел, была наша шлюпка, лежавшая по правую руку, на берегу, в двух милях отсюда — там, куда её швырнул ураган. Я пошёл было в том направлении, но оказалось, что прямой дорогой туда не пройдёшь: в берег глубоко врезалась бухта шириною в полмили и преграждала путь. Я повернул назад, потому что мне было гораздо важнее попасть на корабль: я надеялся найти там еду.

После полудня волны совсем улеглись, и отлив был такой сильный, что четверть мили до корабля я шёл по сухому дну.

Тут снова у меня заныло сердце: мне стало ясно, что все мы теперь были бы живы, если бы не испугались бури и не покинули свой корабль. Нужно было только выждать, чтобы шторм прошёл, и мы благополучно добрались бы до берега, и я не был бы теперь вынужден бедствовать в этой безлюдной пустыне.

При мысли о своём одиночестве я заплакал, но, вспомнив, что слёзы никогда не прекращают несчастий, решил продолжать свой путь и во что бы то ни стало добраться до разбитого судна. Раздевшись, я вошёл в воду и поплыл.

Но самое трудное было ещё впереди: взобраться на корабль я не мог. Он стоял на мелком месте, так что почти целиком выступал из воды, а ухватиться было не за что. Я долго плавал вокруг него и вдруг заметил корабельный канат (удивляюсь, как он сразу не бросился мне в глаза!). Канат свешивался из люка, и конец его приходился так высоко над водой, что мне с величайшим трудом удалось поймать его. Я поднялся по канату до кубрика¹. Подводная часть корабля была пробита, и трюм был наполнен водой. Корабль стоял на твёрдой песчаной отмели, корма его сильно приподнялась, а нос почти касался воды. Таким образом, вода не попала в корму, и ни одна из вещей, находив-

¹ *Кубрик* — помещение для матросов в носовой части корабля.

«Робинзон Крузо». Художник И. Ильинский

шихся там, не подмокла. Я поспешил туда, так как мне раньше всего хотелось узнать, какие вещи испортились, а какие уцелели.

Оказалось, что весь запас корабельной провизии остался совершенно сухим. А так как меня мучил голод, то я первым делом пошёл в кладовую, набрал сухарей и, продолжая осмотр корабля, ел на ходу, чтобы не терять времени.
<...>

Прежде всего мне нужна была лодка, чтобы перевезти на берег те вещи, которые могли мне понадобиться. Но лодку было неоткуда взять, а желать невозможного бесполезно. Нужно было придумать что-нибудь другое. На корабле были запасные мачты, стеньги¹ и рей². Из этого материала я решил построить плот и горячо принялся за работу.

Выбрав несколько брёвен полегче, я выбросил их за борт, обвязав предварительно каждое бревно канатом, чтобы их не унесло. Затем я спустился с корабля, притянул к себе четыре бревна, крепко связал их с обоих концов, скрепив ещё сверху двумя или тремя дощечками, положенными накрест, и у меня вышло нечто вроде плота.

Меня этот плот отлично выдерживал, но для большого груза он был слишком лёгок и мал.

Пришлось мне снова взбираться на корабль. Там разыскал я пилу нашего корабельного плотника и распилил запасную мачту на три бревна, которые и приладил к плоту. Плот стал шире и гораздо устойчивее. Эта работа стоила мне огромных усилий, но желание заpastись всем необходимым для жизни поддерживало меня, и я сделал то, на что при обыкновенных обстоятельствах у меня не хватило бы сил.

Теперь мой плот был широк и крепок, он мог выдержать значительный груз.

Чем же нагрузить этот плот и что сделать, чтобы его не смыло приливом? Долго раздумывать было некогда, нужно было торопиться.

Раньше всего я уложил на плоту все доски, какие нашлись на корабле; потом взял три сундука, принадле-

¹ *Стеньга* — вертикальный брус, составляющий продолжение мачты.

² *Рей* — подвижной поперечный брус на мачтах.

жавших нашим матросам, взломал замки и выбросил всё содержимое. Потом я отобрал те вещи, которые могли понадобиться мне больше всего, и наполнил ими все три сундука. В один сундук я сложил съестные припасы: рис, сухари, три круга голландского сыру, пять больших кусков вяленой козлятины, служившей нам на корабле главной мясной пищей, и остатки ячменя, который мы везли из Европы для бывших на судне кур; кур мы давно уже съели, а немного зерна осталось. Этот ячмень был перемешан с пшеницей; он очень пригодился бы мне, но, к сожалению, как потом оказалось, был сильно попорчен крысами. Кроме того, я нашёл несколько ящиков вина и до шести галлонов¹ рисовой водки, принадлежащих нашему капитану.

Эти ящики я тоже поставил на плот, рядом с сундуками.

Между тем, покуда я был занят погрузкой, начался прилив, и я с огорчением увидел, что мой кафтан, рубашку и камзол, оставленные мной на берегу, унесло в море.

Теперь у меня остались только чулки да штаны (полотняные, короткие, до колен), которые я не снял, когда плыл к кораблю. Это заставило меня подумать о том, чтобы заготовиться не только едой, но и одеждой. На корабле было достаточное количество курток и брюк, но я взял пока одну только пару, потому что меня соблазняло гораздо больше многое другое, и прежде всего рабочие инструменты.

После долгих поисков я нашёл ящик нашего плотника, и это была для меня поистине драгоценная находка, которой я не отдал бы в то время за целый корабль, наполненный золотом. Я поставил на плот этот ящик, даже не заглянув в него, так как мне было отлично известно, какие инструменты находятся в нём.

Теперь мне оставалось заготовиться оружием и зарядами. В каюте я нашёл два хороших охотничьих ружья и два пистолета, которые я уложил на плоту вместе с пороховницей, мешочком дробы и двумя старыми, заржавленными шпагами. Я знал, что у нас на корабле было три бочонка пороху, но не знал, где они хранятся. Однако после тщательных поисков все три бочонка нашлись. Один оказался

¹ Галлон — английская мера жидких тел, равна 3,78 литра.

подмоченным, а два других были сухи, и я перетащил их на плот вместе с ружьями и шпагами. Теперь мой плот был достаточно нагружен, и надо было отправляться в путь. Добраться до берега на плоту без паруса, без руля — нелёгкая задача: довольно было самого слабого встречного ветра, чтобы всё моё сооружение опрокинулось.

К счастью, море было спокойно. Начинался прилив, который должен был погнать меня к берегу. Кроме того, поднялся небольшой ветерок, тоже попутный. Поэтому, захватив с собой сломанные вёсла от корабельной шлюпки, я поспешил в обратный путь. Вскоре мне удалось высмотреть маленькую бухту, к которой я и направил свой плот. С большим трудом я провёл его поперёк течения и наконец вошёл в эту бухту, упёршись в дно веслом, едва начался отлив, мой плот со всем грузом оказался на сухом берегу.

Теперь мне предстояло осмотреть окрестности и выбрать себе удобное местечко для жилья — такое, где я мог бы сложить всё своё имущество, не боясь, что оно погибнет. Я всё ещё не знал, куда я попал: на материк или на остров. Живут ли здесь люди? Водятся ли здесь хищные звери? В полумиле от меня или немного дальше виднелся холм, крутой и высокий. Я решил подняться на него, чтобы осмотреться кругом. Взяв ружьё, пистолет и пороховницу, я отправился на разведку.

Взбираться на вершину холма было трудно. Когда же я наконец взобрался, я увидел, какая горькая участь выпала мне на долю: я был на острове! Кругом со всех сторон расстилалось море, за которым нигде не было видно земли, если не считать торчавших в отдалении нескольких рифов да двух островков, лежавших в милях девяти к западу. Эти островки были маленькие, гораздо меньше моего.

Я сделал и другое открытие: растительность на острове была дикая, нигде не было видно ни клочка возделанной земли. Значит, людей здесь и в самом деле не было!

Хищные звери здесь тоже как будто не водились, по крайней мере я не заметил ни одного. Зато птицы водились во множестве, всё каких-то неизвестных мне пород, так что потом, когда мне случалось подстрелить птицу, я никогда не мог определить по виду, годится в пищу её мясо или нет.

Спускаясь с холма, я подстрелил одну птицу, очень большую: она сидела на дереве у опушки леса.

Я думаю, это был первый выстрел, раздавшийся в этих диких местах. Не успел я выстрелить, как над лесом взвилась туча птиц. Каждая кричала на свой лад, но ни один из этих криков не походил на крики знакомых мне птиц.

Убитая мною птица напоминала нашего европейского ястреба и окраской перьев, и формой клюва. Только когти у неё были гораздо короче. Мясо её отдавало падалью, и я не мог его есть.

Таковы были открытия, которые я сделал в первый день. Потом я воротился к плоту и принялся перетаскивать вещи на берег. Это заняло у меня весь остаток дня.

К вечеру я снова стал думать, как и где мне устроиться на ночь.

Лечь прямо на землю я боялся: что, если мне грозит нападение какого-нибудь хищного зверья? Поэтому, выбрав на берегу удобное местечко для ночлега, я загородил его со всех сторон сундуками и ящиками, а внутри этой ограды соорудил из досок нечто вроде шалаша.

Беспокоил меня также вопрос, как я буду добывать себе пищу, когда у меня выйдут запасы: кроме птиц да двух каких-то зверьков, вроде нашего зайца, выскочивших из лесу при звуке моего выстрела, никаких живых существ я здесь не видел.

Впрочем, в настоящее время меня гораздо больше занимало другое. Я увёз с корабля далеко не всё, что можно было взять: там осталось много вещей, которые могли мне пригодиться, и прежде всего паруса и канаты. Поэтому я решил, если мне ничто не помешает, снова побывать на корабле. Я был уверен, что при первой же буре его разобьёт в щепки. Нужно было отложить все другие дела и спешно заняться разгрузкой судна. Нельзя успокаиваться, пока я не свезу на берег все вещи, до последнего гвоздика.

Придя к такому решению, я стал думать, ехать ли мне на плоту или отправиться вплавь, как в первый раз. Я решил, что удобнее отправиться вплавь. Только на этот раз я разделся в шалаше, оставшись в одной нижней клетчатой сорочке, в полотняных штанах и кожаных туфлях на босу ногу.

Как и в первый раз, я взобрался на корабль по канату, затем сколотил новый плот и перевёз на нём много полезных вещей. Во-первых, я захватил всё, что нашлось в чуланчике нашего плотника, а именно: два или три мешка с гвоздями (большими и мелкими), отвёртку, дюжины две топоров, а главное — такую полезную вещь, как точило.

Потом я прихватил несколько вещей, найденных мною у нашего канонира¹: три железных лома, два бочонка с ружейными пулями и немного пороху. Потом я разыскал на корабле целый ворох всевозможного платья да прихватил ещё запасной парус, гамак, несколько тюфяков и подушек. Всё это я сложил на плоту и, к великому моему удовольствию, доставил на берег в целости.

Отправляясь на корабль, я боялся, как бы в моё отсутствие на провизию не напали бы какие-нибудь хищники. К счастью, этого не случилось.

Только какой-то зверёк прибежал из лесу и уселся на одном из моих сундуков. Увидев меня, он отбежал немного в сторону, но тотчас же остановился, встал на задние лапы и с невозмутимым спокойствием, без всякого страха поглядел мне в глаза, словно хотел познакомиться со мной.

Зверёк был красивый, похожий на дикую кошку. Я прицелился в него из ружья, но он, не догадываясь об угрожающей ему опасности, даже не тронулся с места. Тогда я бросил ему кусок сухаря, хотя это было с моей стороны неразумно, так как сухарей у меня было мало и мне следовало их беречь. Всё же зверёк так понравился мне, что я выделил ему этот кусок сухаря. Он подбежал, обнюхал сухарь, съел его и облизнулся с большим удовольствием. Видно было, что он ждёт продолжения. Но больше я не дал ему ничего. Он посидел немного и ушёл.

После этого я принялся строить себе палатку. Я сделал её из паруса и жердей, которые нарезал в лесу. В палатку я перенёс всё, что могло испортиться от солнца и дождя, а вокруг нагромоздил пустые ящики и сундуки, на случай внезапного нападения людей или диких зверей.

Вход в палатку я загородил снаружи большим сундуком, поставив его боком, а изнутри загородился досками. Затем

¹ *Канонир* — пушкарь, артиллерист.

я разостлал на земле постель, положил у изголовья два пистолета, рядом с постелью — ружьё и лёг.

После кораблекрушения это была первая ночь, которую я провёл в постели. Я крепко проспал до утра, так как в предыдущую ночь спал очень мало, а весь день работал без отдыха: сперва грузил вещи с корабля на плот, а потом переправлял их на берег.

Ни у кого, я думаю, не было такого огромного склада вещей, какой был теперь у меня. Но мне всё казалось мало. Корабль был цел, и покуда не отнесло его в сторону, покуда на нём оставалась хоть одна вещь, которой я мог воспользоваться, я считал необходимым свезти оттуда на берег всё, что возможно. Поэтому каждый день я отправлялся туда во время отлива и привозил с собою всё новые и новые вещи.

Особенно успешным было моё третье путешествие. Я собрал все снасти и взял с собой все верёвки. В этот раз я привёз большой кусок запасной парусины, служившей у нас для починки парусов, и бочонок с подмокшим порохом, который я было оставил на корабле. В конце концов я переправил на берег все паруса; только пришлось разрезать их на куски и перевезти по частям. Впрочем, я не жалел об этом: паруса были нужны мне отнюдь не для мореплавания, и вся их ценность заключалась для меня в парусине, из которой они были сшиты.

Теперь с корабля было взято решительно всё, что под силу поднять одному человеку. Остались только громоздкие вещи, за которые я и принялся в следующий рейс. Я начал с канатов. Каждый канат я разрезал на куски такой величины, чтобы мне не было слишком трудно управляться с ними, и по кускам перевёз три каната. Кроме того, я взял с корабля все железные части, какие мог отодрать при помощи топора. Затем, отрубив все оставшиеся рей, я построил из них плот побольше, погрузил на него все эти тяжести и пустился в обратный путь.

Но на этот раз счастье изменило мне: мой плот был так тяжело нагружен, что мне было очень трудно им управлять.

Когда, войдя в бухточку, я подходил к берегу, где было сложено остальное моё имущество, плот опрокинулся, и я упал в воду со всем моим грузом. Утонуть я не мог, так как это произошло неподалёку от берега, но почти весь

«Робинзон Крузо». Художник И. Ильинский

мой груз очутился под водой, главное, затонуло железо, которым я так дорожил.

Правда, когда начался отлив, я вытащил на берег почти все куски каната и несколько кусков железа, но мне приходилось нырять за каждым куском, и это очень утомило меня.

Мои поездки на корабль продолжались изо дня в день, и каждый раз я привозил что-нибудь новое.

Уже тринадцать дней я жил на острове и за это время побывал на корабле одиннадцать раз, перетащив на берег решительно всё, что в состоянии поднять пара человеческих рук. Не сомневаюсь, что, если бы тихая погода продержалась дольше, я перевёз бы по частям весь корабль.

Делая приготовления к двенадцатому рейсу, я заметил, что поднимается ветер. Тем не менее, дождавшись отлива, я отправился на корабль. Во время прежних своих посещениях я так основательно обшарил нашу каюту, что мне казалось, будто там уже ничего невозможно найти. Но вдруг

мне бросился в глаза маленький шкаф с двумя ящиками: в одном я нашёл три бритвы, ножницы и около дюжины хороших вилок и ножей; в другом ящике оказались деньги, частью европейской, частью бразильской серебряной и золотой монетой — всего до тридцати шести фунтов стерлингов. Я усмехнулся при виде этих денег.

— Негодный мусор, — проговорил я, — на что ты мне теперь? Всю кучу золота я охотно отдал бы за любой из этих грошовых ножей. Мне некуда тебя девать. Так отправляйся же на дно морское. Если бы ты лежал на полу, право, не стоило бы труда нагибаться, чтобы поднять тебя. — Но, поразмыслив немного, я всё же завернул деньги в кусок парусины и прихватил их с собой.

Море бушевало всю ночь, и, когда поутру я выглянул из своей палатки, от корабля не осталось и следа. Теперь я мог всецело заняться вопросом, который тревожил меня с первого дня: что мне делать, чтобы на меня не напали ни хищные звери, ни дикие люди? Какое жильё мне устроить? Выкопать пещеру или поставить палатку? В конце концов я решил сделать и то и другое.

К этому времени мне стало ясно, что выбранное мною место на берегу не годится для постройки жилища: это было болотистое, низменное место, у самого моря. Жить в подобных местах очень вредно. К тому же поблизости не было пресной воды. Я решил найти другой клочок земли, более пригодный для жилья. Мне было нужно, чтобы жильё моё было защищено и от солнечного зноя, и от хищников; чтобы оно стояло в таком месте, где нет сырости; чтобы вблизи была пресная вода. Кроме того, мне непременно хотелось, чтобы из моего дома было видно море.

— Может случиться, что неподалёку от острова появится корабль, — говорил я себе, — а если я не буду видеть моря, я могу пропустить этот случай.

Как видите, мне всё ещё не хотелось расставаться с надеждой.

После долгих поисков я нашёл наконец подходящий участок для постройки жилища. Это была небольшая гладкая полянка на скате высокого холма. От вершины до самой полянки холм спускался отвесной стеной, так что я мог не опасаться нападения сверху. В этой стене у самой полянки было небольшое углубление, как будто вход в пе-

щеру, но никакой пещеры не было. Вот тут-то, прямо против этого углубления, на зелёной полянке, я и решил разбить палатку. Место это находилось на северо-западном склоне холма, так что почти до самого вечера оно оставалось в тени. А перед вечером его озаряло заходящее солнце.

Прежде чем ставить палатку, я взял заострённую палку и описал перед самым углублением полукруг ярдов¹ десяти в диаметре. Затем по всему полукругу я вбил в землю два ряда крепких высоких кольев, заострённых на верхних концах. Между двумя рядами кольев я оставил небольшой промежуток и заполнил его до самого верха обрезками канатов, взятых с корабля. Я сложил их рядами, один на другой, а изнутри укрепил ограду подпорками. Ограда вышла у меня на славу: ни пролезть сквозь неё, ни перелезть через неё не мог ни человек, ни зверь. Эта работа потребовала много времени и труда. Особенно трудно было нарубить в лесу жердей, перенести их на место постройки, обтесать и вбить в землю. Забор был сплошной, двери не было. Для входа в моё жилище мне служила лестница. Я приставлял её к частоколу всякий раз, когда мне нужно было войти или выйти.

Размышляет о прочитанном

1. Что вы можете рассказать о Даниеле Дефо — авторе «Робинзона Крузо»?
2. Прочитали ли вы роман «Робинзон Крузо» целиком? Что вы знаете об этом герое? Нравится ли вам его характер?
3. Кто может назвать себя «робинзоном»? Какими качествами должен обладать такой человек?
4. Расскажите о Робинзоне. Кого из героев литературных произведений, которые вы прочитали в пятом классе, можно назвать «робинзонами»? Почему? Возможны ли приключения «робинзона» в наши дни вдали от моря?
5. Герой Даниеля Дефо Робинзон Крузо записывал все пережитые им горести, а рядом — всё, что случилось с ним радостного, или, как он говорит, «отрадного»:

¹ Ярд — английская мера длины, равна 0,9144 метра.

Зло

Я заброшен судьбой на мрачный, необитаемый остров и не имею никакой надежды на избавление. Я как бы выделен и отрезан от всего мира и обречён на горе.

Я отделён от всего человечества; я отшельник, изгнанный из общества людей.

Добро

Но я жив и не утонул, подобно всем моим товарищам.

Но зато я выделен из всего нашего экипажа: смерть пощадила одного меня, и тот, кто столь чудесным образом спас меня от смерти, может спасти меня и из моего безотрадного положения.

Но я не умер с голоду и не погиб в этом пустынном месте, где человеку нечем питаться. <...>

О чём свидетельствует такой дневник? Как он характеризует героя?

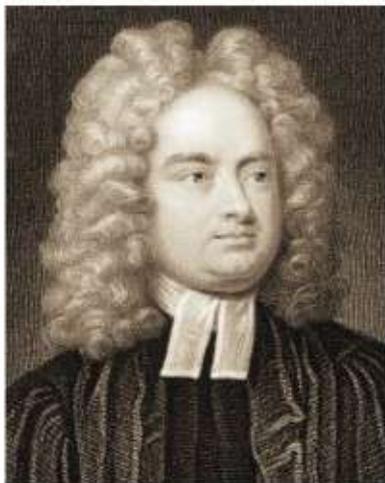
Как вы думаете, что может дать герою подобный дневник в особых обстоятельствах?

Творческое задание

Как вы думаете, почему роман Даниеля Дефо стал одним из самых читаемых произведений мировой литературы? Подготовьте развёрнутый устный ответ на этот вопрос.

Фонохрестоматия (СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ)**«Робинзон Крузо»**

1. Послушайте ещё раз музыку, на фоне которой актёр читает полное название книги о Робинзоне. Как вы считаете, отражает ли музыка те переживания героя, о которых рассказал писатель?
2. Душевное состояние героя, описанное в «Дневнике», меняется день ото дня. Как вы думаете, почему? Как актёр передаёт эти изменения? Перескажите содержание «Дневника», передавая изменения в настроении Робинзона.
3. Как вы думаете, почему автор отказался от продолжения «Дневника» героя? Может быть, дело не в том, что закончились чернила?

Джонатан

Свифт

1667—1745

В Англии XVIII века процветали промышленность и торговля. Английские быстроходные корабли бороздили моря. Купцы и авантюристы проникали в малоисследованные земли, убивали и порабощали туземцев...

Со всех концов света в Англию стекались несметные капиталы и сокровища. На эти деньги было построено множество мануфактурных производств, на которых с утра до ночи трудились тысячи рабочих — вчерашних крестьян, насильственно согнанных со своих земельных участков.

В английской литературе особенности этого исторического периода получили наиболее яркое отражение в сочинениях Джонатана Свифта и Даниэля Дефо, автора «Приключений Робинзона Крузо».

Великий английский писатель XVIII века Джонатан Свифт завоевал мировую известность сатирическим романом «Путешествия Гулливера». В нём писатель жестоко высмеял государственное устройство, общественные порядки и нравы современной ему буржуазно-дворянской Англии.

Угнетение человека человеком, обнищание трудящихся, пагубная власть золота существовали, разумеется, не в одной только Англии. Поэтому сатира Свифта имела большое значение.

Выдумка Свифта и его изобретательность поистине неисчислимы.

В каких только переделках не побывал его Гулливер! Чего только не довелось повидать ему на своём веку! Но при любых обстоятельствах он никогда не теряет рассудительности и хладнокровия — качеств, типичных для среднего англичанина XVIII века.

Джонатан Свифт прожил долгую и трудную жизнь, полную испытаний и тревог, разочарований и горестей.

Отец писателя в поисках заработка переехал со своей женой из Англии в столицу Ирландии Дублин. Внезапная смерть унесла его за несколько месяцев до рождения сына. Мать осталась без всяких средств к существованию.

Детство Свифта было безрадостным. Долгие годы ему пришлось терпеть нужду, существовать на скудные поправки богатых родственников. После окончания школы четырнадцатилетний Свифт поступает в Дублинский университет, где господствовали ещё средневековые порядки и главным предметом было богословие.

По воспоминаниям товарищей, уже в эти годы Свифт отличался остроумием и язвительностью, больше всего интересовался поэзией и историей, защитил диссертацию на степень магистра, в 1702 году получил степень доктора богословия.

Ирландия, куда судьба закинула Свифта, была в те времена страной отсталой и бедной, целиком зависимой от Англии.

В 1704 году Свифт опубликовал замечательную книгу «Сказка бочки, написанная для общего совершенствования человеческого рода», в которой он высмеивает различные виды человеческой глупости (лесть, угодничество перед вышестоящими и пр.).

В дальнейшем Свифт находился в Дублине, временами выезжая в Лондон. Его популярность росла. Последние годы жизни прошли в непрерывной борьбе с тяжёлым и мучительным недугом.

Созданные на склоне лет «Путешествия Гулливера» явились плодом долголетних раздумий писателя над современной ему жизнью. Причудливая фантастика начинается с первых же страниц романа, когда Гулливер после кораблекрушения попадает в плен к шестидюймовым человечкам.

Каждая чёрточка и каждый штрих в «Путешествиях Гулливера» содержат всевозможные иносказания и намёки, заставляющие находить много общего между сказочной Лилипутией и Англией эпохи Свифта.

Гулливер замечает, что у лилипутов существуют такие же обычаи и законы, такие же нравы, как и на его родине.

Во второй части романа, где описываются приключения Гулливера в стране великанов, Свифт обличает уже не отдельные недостатки политической и общественной жизни Англии, а систему управления и государственного устройства в целом.

Те же самые мысли в ещё более резкой форме мы находим в третьей части романа.

В четвёртой части рассказывается о пребывании Гулливера в стране лошадей. Свифт доказывает соотечественникам, что жизнь их устроена безобразно, несправедливо, жестоко.

«Путешествия Гулливера» — одно из самых замечательных сатирических произведений мировой литературы.

Е. П. Брандис

ПУТЕШЕСТВИЯ В НЕКОТОРЫЕ ОТДАЛЁННЫЕ СТРАНЫ СВЕТА ЛЕМЮЭЛЯ ГУЛЛИВЕРА, СНАЧАЛА ХИРУРГА, А ПОТОМ КАПИТАНА НЕСКОЛЬКИХ КОРАБЛЕЙ

Главы из романа
(*В сокращении*)

Путешествие в Лилипутию

...Я принял выгодное предложение капитана Вильяма Причарда, владельца судна «Антилопа», отправиться с ним в Южный Океан. 4 мая 1699 года мы снялись с якоря в Бристоле, и наше путешествие было сначала очень удачно.

Не стоит утомлять внимание читателя подробным описанием наших приключений в этих морях; достаточно сказать, что при переходе в Ост-Индию¹ мы были отнесены страшной бурей к северо-западу от Ван-Дименовой земли².
<...>

5 ноября (начало лета в этих местах) было очень пасмурно, так что матросы только на расстоянии полукабельтова³ от корабля заметили скалу; между тем страшный ветер гнал корабль прямо на эту скалу, и он мгновенно разбился в щепки. <...>

...Я поплыл куда глаза глядят, подгоняемый ветром и приливом... и вот... когда я совсем уже выбился из сил и не способен был больше бороться с волнами, буря значительно утихла, и я почувствовал под ногами землю. <...>

Я лёг на траву... и заснул так крепко, как не спал никогда в жизни... когда я проснулся, было уже совсем свет-

¹ *Ост-Индия* — восточная Индия.

² *Ван-Дименовой землёй* Гулливер называет Австралию.

³ *На расстоянии полукабельтова* — около 100 м.

ло. Я хотел встать, но не смог пошевелинуться; я лежал на спине и чувствовал, что мои руки и ноги с обеих сторон крепко привязаны к земле и точно так же прикреплены к земле мои длинные и густые волосы; а всё моё тело, от подмышек до бёдер, опутано целой сетью тонких бечёвок... Кругом меня слышался какой-то глухой шум, но положение, в котором я лежал, не позволяло мне видеть ничего, кроме неба. Вскоре я почувствовал, как что-то живое задвигалось у меня на левой ноге, мягко поползло по груди и остановилось у самого подбородка. Опустив глаза как можно ниже, я различил перед собою человечка, ростом не более шести дюймов¹, с луком и стрелой в руках и колчаном за спиной.

В то же время я почувствовал, как вслед за ним на меня взбирается по крайней мере ещё около сорока подобных же (как мне показалось) созданий. От изумления я так громко вскрикнул, что они в ужасе все разбежались; причём некоторые из них, как я узнал потом, соскакивая и падая с моего туловища на землю, получили сильные ушибы. Однако скоро они возвратились снова, и один из них, отважившийся подойти так близко, что ему было видно всё моё лицо, в знак удивления поднял кверху руки и глаза и тоненьким, но отчётливым голосом прокричал: *Гекина дегуль*; остальные несколько раз повторили эти слова, но я не понял тогда их значения... Наконец после большого усилия мне посчастливилось порвать верёвочки и выдернуть деревянные колышки, к которым была привязана левая рука; поднеся её к лицу, я понял, каким способом они связали меня. В то же время, сделав страшное усилие, причинившее мне нестерпимую боль, я немного ослабил шнурки, прикреплявшие мои волосы к земле с левой стороны, что позволило мне повернуть голову на два дюйма. Но созданица вторично спаслась бегством, прежде чем я успел изловить кого-нибудь из них. Затем раздался пронзительный вопль, и, когда он затих, я услышал, как кто-то из них громко прокричал: *Тольго фонак*. В то же мгновение я почувствовал, что на мою левую руку посыпались сотни стрел, которые кололи меня, как иголки; после этого последовал второй залп в воздух, вроде того, как у нас в Ев-

¹ Дюйм — единица длины в системе английских мер, примерно 2,5 см.

«Путешествия Гулливера». Художник Ф. Т. Ликс

ропе стреляют из мортир¹, причём, я полагаю, много стрел упало на моё тело (хотя я не почувствовал этого) и несколько на лицо, которое я поспешил прикрыть левой рукой. Когда этот град стрел прошёл, я застонал от злости и боли и снова попробовал освободиться, но тогда последовал третий залп, сильнее первых двух, причём враги мои пытались колоть меня копьями в бока, но, к счастью, на мне была куртка из буйволово́й кожи, которую они не могли пробить. Я рассудил, что самое благоразумное пролежать спокойно до наступления ночи, когда, имея свободную левую руку, я легко освобожусь; что же касается туземцев, то я имел основание надеяться, что справлюсь и с большей армией, если только она будет состоять из существ такого же роста, как те, которых я видел перед собою. Однако судьба решила иначе.

Когда эти люди заметили, что я лежу спокойно, они перестали метать стрелы, но в то же время по усилившемуся

¹ *Мортира* — артиллерийское орудие с коротким стволом.

шуму я заключил, что число их возросло. На расстоянии четырёх ярдов от меня у моего правого уха я услышал стук, продолжавшийся больше часа, точно возводилась какая-то постройка. Повернув голову, насколько позволяли державшие её верёвочки и колышки, я увидел деревянный помост, возвышавшийся над землёй на полтора фута, на котором могло уместиться четверо таких человечков, и две или три лестницы, чтобы восходить на него. Оттуда один из них, по-видимому знатная особа, обратился ко мне с длинной речью, из которой я ни слова не понял. Но я должен упомянуть, что перед началом своей речи высокая особа трижды прокричала: *Лангро дегюль сан* (эти слова, равно как и предыдущие, впоследствии мне повторили и перевели). Сейчас же после этого ко мне подошли человек пятьдесят туземцев и обрезали верёвки, прикреплявшие левую сторону головы, что дало мне возможность повернуть её направо и таким образом наблюдать лицо и жесты оратора. Он мне показался человечком средних лет, ростом выше трёх других, сопровождавших его; один из них, с мой средний палец, вероятно паж, держал его шлейф, двое других стояли по сторонам в качестве почётной стражи.

Его речь была произнесена по всем правилам ораторского искусства: некоторые части её выражали угрозу, другие — обещание, сожаление и благосклонность. Я отвечал в немногих словах с видом величайшей покорности, воздев к солнцу глаза и левую руку и как бы призывая светило в свидетели; и так как я почти умирал от голода... и (быть может, нарушая строгие правила этикета) несколько раз поднёс палец ко рту, желая показать, что хочу есть. Гурго (так они называли важного сановника, как я узнал потом) отлично понял меня. Он сошёл с помоста и приказал приставить к бокам моим несколько лестниц, по которым взобрались и направились к моему рту более ста туземцев, нагруженных корзинами с кушаньями, которые были приготовлены и присланы по повелению монарха, как только до него дошло известие о моём появлении. В кушанья эти входило мясо каких-то животных, но я не мог разобрать по вкусу, каких именно. Там были лопатки, окорока и филей, с виду напоминавшие баранину, очень хорошо приготовленные, но каждая часть едва равнялась крылу жаворонка. Я проглатывал разом по два и по три блюда вместе

с тремя хлебцами, из которых каждый был не больше ружейной пули. Туземцы прислуживали мне весьма расторопно и тысячами знаков выражали своё удивление моему росту и аппетиту. По этому аппетиту они заключили, что малым меня удовлетворить нельзя, и потому, когда я знаками попросил пить, они необычайно ловко подкатили к моей руке одну из самых больших бочек и вышибли из неё дно; я без труда осушил её одним духом... Вино по вкусу напоминало бургундское, но было гораздо приятнее. Затем они поднесли мне другую бочку, которую я выпил таким же манером и сделал знак, чтобы дали ещё, но у них больше не было. Когда я совершал все описанные чудеса, человечки, испуская крики радости, танцевали у меня на груди и много раз повторяли своё первое восклицание: *Гекина дегуль*. <...>

Сказать правду, меня сильно искушало желание схватить первых попавшихся под руку сорок или пятьдесят человечков, когда они разгуливали взад и вперёд по моему телу, и сошвырнуть их. Но... я считал себя связанным законами гостеприимства с этим маленьким народом, который не пожалел для меня издержек на великолепное угощение. Вместе с тем я не мог достаточно надивиться неустрашимости крошечных созданий, отваживавшихся взбираться на моё тело и прогуливаться по нему, в то время как одна моя рука была свободна, и не испытывавших содрогания при виде такого страшного чудовища, каким я должен был казаться для них. Спустя некоторое время, когда они увидели, что я не прошу больше есть, ко мне явилась особа высокого чина от лица его императорского величества. Его превосходительство, взобравшись на мою правую голень, направился к моему лицу в сопровождении десятка человек свиты. Он предъявил свои верительные грамоты, за королевской печатью, приблизив их к моему глазу, и обратился с речью, которая продолжалась около десяти минут и была сказана без малейших признаков гнева, но с авторитетом и решительностью, причём он часто указывал пальцем вперёд, как оказалось потом, по направлению к столице, находившейся от нас в расстоянии полумили, куда, по решению его величества и государственного совета, меня должны были перевезти. Я ответил в нескольких словах, которые остались непонятыми, так что мне

пришлось прибегнуть к помощи жестов: я показал своей свободной рукой на другую руку (но сделал это движение высоко над головой его превосходительства, боясь задеть его или его свиту), затем на голову и тело, давая понять таким образом, чтобы меня освободили. Вероятно, его превосходительство понял меня достаточно хорошо, потому что, покачав отрицательно головой, жестами пояснил, что я должен быть отвезён в столицу как пленник. Наряду с этим он делал и другие знаки, давая понять, что меня будут там кормить, поить и вообще обходиться со мной хорошо. Тут у меня снова возникло желание попытаться разорвать свои узы; но, чувствуя ещё жгучую боль на лице и руках, покрывшихся волдырями, причём много стрел ещё торчало в них, и заметив, что число моих неприятелей всё время возрастает, я дал понять, что они могут делать со мной всё, что им угодно. Довольные моим согласием, Гурго и его свита любезно раскланялись и удалились с весёлыми лицами. Вскоре после этого я услышал общее ликование, среди которого часто повторялись слова: *неплам селян*, и увидел с левой стороны большую толпу, которая ослабила верёвки в такой степени, что я мог повернуться на правую сторону... <...> Налево лежал город, имевший вид театральной декорации.

<...>

Император уже спустился с башни и направлялся ко мне верхом на лошади. Эта смелость едва не обошлась ему очень дорого. Дело в том, что хотя его лошадь была прекрасно тренирована, но при таком необычайном зрелище — как если бы гора двинулась перед ней — взвилась на дыбы. Однако император, будучи превосходным наездником, удержался в седле, пока не подоспели придворные, которые, схватив коня под уздцы, помогли ему сойти. Его величество с большим удивлением осмотрел меня со всех сторон, держась, однако, на почтительном расстоянии. Он приказал своим поварам и лакеям, стоявшим наготове, подать мне есть и пить, и те подкатывали ко мне провизию и вино в особых тележках на такое расстояние, чтобы я мог достать их. Я брал их и быстро опорожнял...

<...>

Императрица, молодые принцы и принцессы вместе с придворными дамами сидели в креслах на некотором рас-

стоянии, но после приключения с лошадью императора все они встали и окружили его величество, портрет которого я хочу теперь дать читателю.

Ростом он на мой ноготь выше всех своих придворных; одного этого совершенно достаточно, чтобы внушить зрителям чувство почтительного страха. Черты лица его сильные и мужественные, губы австрийские, нос орлиный, цвет лица оливковый, стан прямой, туловище, руки и ноги пропорциональные, движения грациозные, осанка величественная. Он уже не первой молодости, ему двадцать восемь лет и девять месяцев, и семь из них он царствует, окружённый благополучием, и большей частью победоносно. <...> Одежда императора очень скромная и простая, фасон — нечто среднее между азиатским и европейским, на голове лёгкий золотой шлём, украшенный драгоценными камнями и пером. Он держал в руке обнажённую шпагу для защиты, на случай если бы я разорвал цепь; шпага эта была длиной около трёх дюймов, её золотой эфес и ножны украшены бриллиантами...

Дамы и придворные все были великолепно одеты, так что занимаемое ими место было похоже на разостланную юбку, вышитую золотыми и серебряными узорами. Его императорское величество часто обращался ко мне с вопросами, на которые я отвечал ему, но ни он, ни я не понимали ни слова из того, что говорили друг другу. Здесь же находились священники и юристы (как я заключил по их костюму), которым было приказано вступать со мною в разговор; я в свою очередь заговаривал с ними на разных языках, с которыми был хотя немного знаком... но всё это не привело ни к чему. Спустя два часа двор удалился, и я был оставлен под сильным караулом для охраны от дерзких и, может быть, даже злобных выходок черни, которая с нетерпением теснилась вокруг меня, стараясь протолкнуться как можно ближе; у некоторых достало даже бесстыдства пустить в меня несколько стрел, в то время как я сидел на земле у дверей моего дома; из этих стрел одна едва не угодила мне в левый глаз. Однако полковник приказал арестовать шесть зачинщиков и решил, что самым лучшим наказанием для них будет связать и отдать в мои руки. Солдаты так и сделали, подталкивая ко мне озорников тупыми концами пик; я взял их всех в правую

руку и пятерых положил в карман камзола; что же касается шестого, то я сделал вид, будто хочу съесть его живьём. Бедный человечек отчаянно завизжал, а полковник и офицеры пришли в сильное беспокойство, особенно когда увидели, что я вынул из кармана перочинный нож.

Но скоро я успокоил их: ласково смотря на моего пленника, я разрезал связывавшие его верёвки и осторожно поставил на землю; он мигом убежал. Точно так же мной было поступлено и с остальными, которых поочерёдно я вынимал из кармана. И я увидел, что солдаты и народ остались очень довольны моим милосердием, которое оказало мне также большую услугу при дворе.

<...>

Позднее я узнал от одного моего близкого друга, особы весьма знатной и достаточно посвящённой в государственные тайны, что двор находился в большом затруднении относительно меня. С одной стороны, боялись, чтобы я не убежал; с другой — возникало опасение, что моё содержание окажется слишком дорогим и может вызвать в стране голод. Иные останавливались на мысли уморить меня или по крайней мере засыпать моё лицо и руки отравленными стрелами, чтобы скорее отправить на тот свет; но другие высказывали опасение, что разложение такого громадного трупa может вызвать чуму в столице и во всём королевстве. В разгар этих совещаний у дверей большой залы совета собралось несколько офицеров, и двое из них, будучи допущены в собрание, представили подробный доклад о моём поступке с шестью вышеупомянутыми озорниками. Это обстоятельство произвело такое благоприятное впечатление на его величество и государственный совет, что немедленно был издан указ императора, обязывавший все деревни, находящиеся в пределах девяти сот ярдов от столицы, доставлять каждое утро по шести быков, сорока баранов и другую живность для моего стола, вместе с соответствующим количеством хлеба, вина и других напитков, по установленной таксе и на счёт сумм, ассигнованных с этой целью из собственной казны его величества. Нужно заметить, что этот монарх живёт на доходы своих личных имений и весьма редко, в самых экстренных случаях, обращается за субсидией¹ к подданным,

¹ *Субсидия* — денежная помощь.

которые зато обязаны, по его требованию, являться на войну в собственном вооружении. Кроме того, мне назначили в услужение шестьсот человек, которым положили жалованье, достаточное для их пропитания, и построили им по обеим сторонам двери моего замка удобные палатки. Равным образом отдан был приказ, чтобы триста портных сшили для меня костюм местного фасона, а шесть самых знаменитых придворных учёных стали обучать меня местному языку. Наконец, тем же приказом предписывалось возможно чаще производить в моём присутствии экзерциции¹ на лошадях, принадлежащих императору, придворным и гвардии, с целью приучить их ко мне. Все эти приказания были должным образом исполнены, и спустя три недели я сделал большие успехи в изучении лилипутского языка.

В течение этого времени император часто достаивал меня своими визитами и с удовольствием присутствовал при моих уроках. Мы уже могли объясняться друг с другом, и первые слова, которые я выучил, выражали желание, чтобы его величество милостиво даровал мне свободу; слова эти я ежедневно на коленях повторял императору. В ответ на мою просьбу император, насколько я мог понять его, говорил, что освобождение есть дело времени, что оно не может быть разрешено без согласия государственного совета и что прежде я должен... дать клятву сохранять мир с ним и его империей. Впрочем, обхождение со мной будет самое любезное; и император советовал терпением и кротким поведением заслужить доброе к себе отношение как его, так и его подданных. Он просил меня не считать оскорблением, если он отдаст приказание специальным чиновникам обыскать меня, так как он полагает, что на мне есть оружие, которое должно быть очень опасным, если соответствует огромным размерам моего тела. Я просил его величество быть спокойным на этот счёт, заявив, что готов раздеться и вывернуть карманы в его присутствии. Всё это я объяснил частью словами, частью знаками. Император ответил мне, что по законам империи обыск должен быть произведён двумя его чиновниками, и хотя он отлично понимает, что это требование закона не может быть осуществлено без моего согласия и моей помощи, однако, будучи

¹ *Экзерциции* — упражнения (например, военные).

высокого мнения о моём великодушии и справедливости, он спокойно передаст этих чиновников в мои руки; все же вещи, отобранные ими, будут возвращены мне, если я покину эту страну, или же мне будет за них заплачена назначенная мною цена. Я взял обоих чиновников в руки и положил их сначала в карманы камзола, а потом во все другие, кроме двух жилетных и одного потайного, которого я не хотел показывать, потому что в нём было несколько мелочей, никому, кроме меня, не нужных. В жилетных карманах лежали: в одном — серебряные часы, а в другом — кошелёк с несколькими золотыми. Производившие обыск чиновники имели при себе бумагу, перо и чернила. Они составили подробную опись всему, что нашли.

Когда опись была кончена, они попросили меня высадить их на землю, чтобы они могли представить её императору. Позднее я перевёл эту опись на английский язык.

Размышляем о прочитанном

1. Какую цель преследовал Свифт, написав роман «Путешествия Гулливера»?
2. Какие фантастические произведения, напоминающие по содержанию «Путешествия Гулливера», вы читали? Назовите эти произведения. О чём они?
3. Каким сообщением о себе и своей семье рассказчик предваряет своё повествование о необыкновенных приключениях?
4. Как достижения в области математики и механики помогли лилипутам в общении с Гулливером?
5. Что понравилось Гулливеру и что удивило его в государстве, куда его забросила судьба?
6. Какие выводы можно сделать по поводу всего романа Свифта? Против кого и чего выступает в нём автор? Совпадают ли ваши суждения о романе с суждениями литературоведа Е. П. Брандиса? Подготовьте устные рассуждения на эту тему.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ НА ТЕМУ ВЗРОСЛЕНИЯ

Жюль Верн

1828—1905

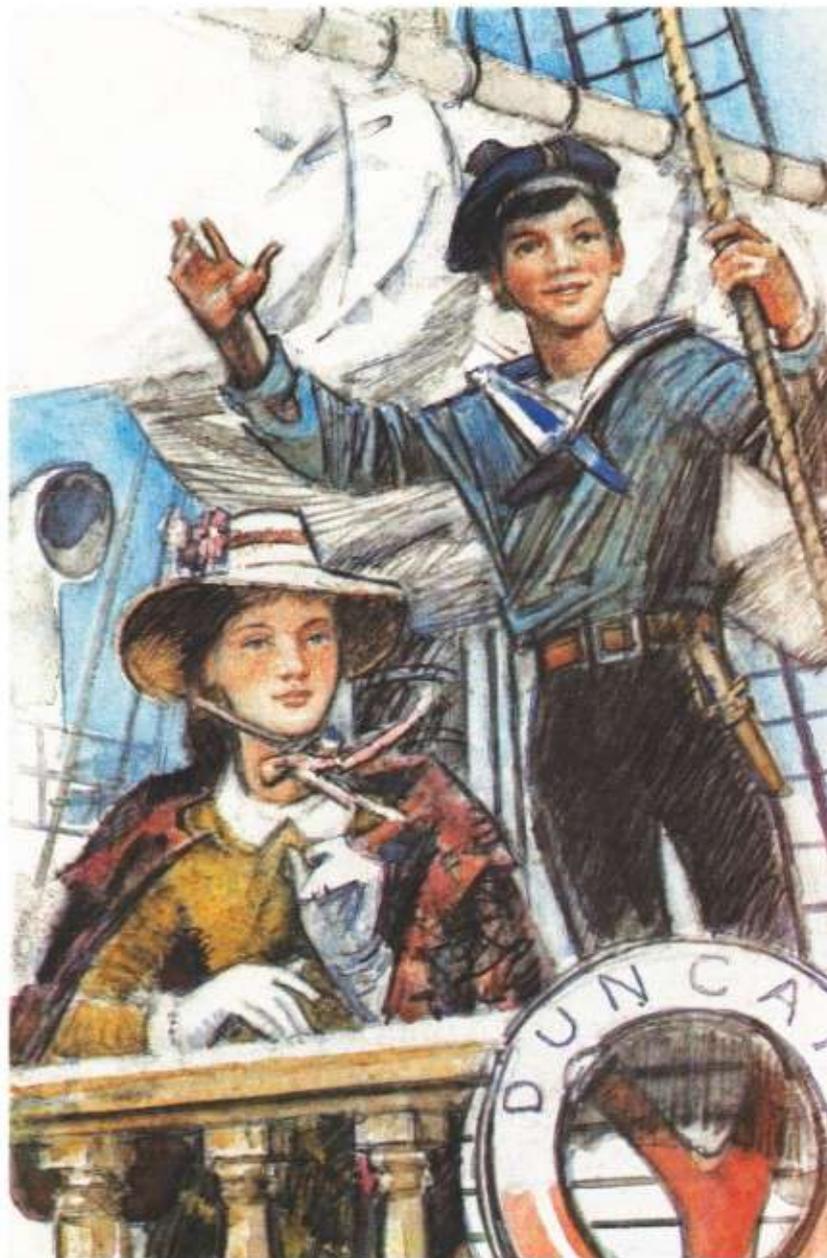
В мировой литературе есть много писателей-путешественников, но первое место среди них по праву должно быть отдано французскому писателю с коротким именем Жюль Верн. Жюль Габриэль Верн родился 8 февраля 1828 года близ города Нанта. Его отец был юристом, а мать происходила из семьи кораблестроителей и судовладельцев. В семье родилось ещё четверо детей — один мальчик и три девочки.

Первоначальное образование Жюль Верн получил в Нанте. Его взволновала история, которую рассказала ученикам учительница о кораблекрушении своего мужа-капитана, которого она не переставала ждать.

Жюль поступил в семинарию. Там он изучал древние языки (греческий, латинский), географию и пение. До нас дошла легенда, что в 11 лет Жюль, равнодушный к морским путешествиям, тайно нанялся юнгой на трёхмачтовый корабль с целью привезти своей кузине (двоюродной сестре) Каролине коралловые бусы. Однако попытка окончилась неудачей: отцу удалось снять сына с корабля и взять с него слово, что теперь он будет путешествовать только в воображении.

Писатель горько сожалел, что морская карьера ему не удалась. Через несколько лет он поступил в другую семинарию, а потом в лицей.

Жюль Верн мечтал о писательской деятельности, но намерения отца были другими: он хотел для сына адвокатской карьеры. Тог-

«Дети капитана Гранта». Художник П. Луганский

да же Жюль Верн постигли тяжёлые сердечные переживания: его возлюбленную отдали замуж за другого человека.

Тем не менее будущему писателю улыбнулась удача: он познакомился с Александром Дюма и подружился с его сыном. В это время главный редактор одного журнала искал автора, который смог бы увлекательно написать о науках. Так появилось сочинение Жюль Верн «Первые корабли Мексиканского флота» (1851). За ним последовал новый рассказ «Драма в воздухе» (1851) и мно-

гочисленные романы, получившие известность во всём мире: «Путешествие к центру Земли» (1864), «С Земли на Луну» (1865), «Путешествие и приключения капитана Гаттераса» (1866), «Дети капитана Гранта» (1867), «Вокруг Луны» (1869), «Двадцать тысяч льё под водой» (1870), «Вокруг света за 80 дней» (1872), «Таинственный остров» (1874), «Михаил Строгов» (1876), «Пятнадцатилетний капитан» (1878).

Героями романов Жюль Верна часто являлись совсем юные персонажи, подростки. Становление их характеров, отважных и благородных, было в центре внимания писателя. Таким героем в романе «Дети капитана Гранта» стал Роберт, сын потерпевшего кораблекрушение капитана, на поиски которого отправилась экспедиция, возглавляемая лордом Гленарваном.

В главе «Красные волки», кроме Роберта и Гленарвана, героически борется с хищниками индеец Талькав, ранее спасший жизнь мальчику.

ДЕТИ КАПИТАНА ГРАНТА

(Отрывок из романа)

Глава XIX Красные волки

Настала ночь, ночь перед новолунием, когда молодой месяц ещё невидим для обитателей Земли. Одни звёзды озаряли своим слабым светом равнину. У горизонта едва мерцали в тумане созвездия Зодиака. Гуамини бесшумно катила свои воды. Птицы и звери, устав за день, отдыхали, и над необъятными пампасами распростёрлось безмолвие пустыни.

Гленарван, Роберт и Талькав, по примеру всего живого, спали крепчайшим сном, растянувшись на мягком ложе из люцерны. Обессиленные усталостью лошади также улеглись на землю. Лишь Таука, как настоящий чистокровный конь, спала, стоя на ногах. У неё и во сне был такой же гордый вид. Чувствовалось, что она готова броситься вперёд по первому зову хозяина. В загоне царило ничем не нарушаемое спокойствие; лишь угли догоравшего костра мерцали среди безмолвного мрака.

Однако около десяти часов вечера индеец, проспав очень недолго, проснулся. Едва открыв глаза, он насторожился

и стал к чему-то прислушиваться. Видимо, Талькав стремился уловить какой-то еле слышный звук. Вскоре на его обычно спокойном лице отразилось смутное беспокойство. Заслышал ли он подкрадывающихся бродяг-индейцев или приближение ягуаров, рычание тигров или других опасных зверей, нередко встречающихся вблизи рек? Это, по-видимому, показалось ему вероятным, так как он бросил быстрый взгляд на сваленное в загоне топливо и беспокойство его ещё более усилилось. В самом деле, вся сухая альфальфа¹ должна была скоро сгореть и недолго могла служить защитой от дерзких хищников.

Итак, Талькаву оставалось только одно: ждать событий, и он стал ожидать их полулёжа, в позе человека, внезапно разбуженного какой-то надвигающейся опасностью.

Прошёл час. Всякий другой на месте Талькава, успокоенный царившей кругом тишиной, снова улёгся бы и заснул. Но там, где чужестранец ничего не заподозрил бы, индеец благодаря обострённым чувствам и природному инстинкту почуял близкую опасность. В то время как Талькав прислушивался и приглядывался, Таука вдруг глухо заржала и, повернув голову к входу в рамаду², потянула ноздрями воздух. Патагонец³ быстро приподнялся.

— Таука почуяла опасность, — пробормотал он и, выйдя из рамады, стал внимательно осматривать равнину.

Было тихо, но беспокойно. Талькав заметил какие-то тени, бесшумно скользившие среди поросли курра-мамел⁴. Там и сям сверкали светящиеся точки. Они двигались во всех направлениях, встречались, потухали, снова загорались. Можно было подумать, что это плясали по зеркалу огромной лагуны отблески каких-то фантастических фонарей. Чужестранец мог бы принять эти летающие искры за светляков, часто мерцающих по ночам в пампасах⁵, но Талькав не обманулся: патагонец понял, с каким врагом придётся иметь дело. Зарядив ружьё, он стал на страже у входа в загон.

¹ *Альфальфа* — многолетнее кормовое растение семейства бобовых; один из видов люцерны.

² *Рамáда* — укрытие, хижина.

³ *Патагóнец* — индеец.

⁴ Так индейцы называют низкорослые мимозы.

⁵ *Пампáсы* — степь на юго-востоке Южной Америки.

Долго ждать ему не пришлось. В пампасах раздался странный крик — не то лай, не то вой. Ответом на него был выстрел из карабина, а затем послышались ужасающие завывания, казалось несшиеся из сотни глоток.

Гленарван и Роберт, внезапно разбуженные, вскочили на ноги.

— Что случилось? — крикнул Роберт.

— Индейцы? — спросил Гленарван.

— Нет, — ответил Талькав, — гуары.

— Гуары¹? — вопросительно глядя на Гленарвана, повторил Роберт.

— Да, — ответил Гленарван, — красные волки пампасов. Схватив ружья, они присоединились к индейцу. Талькав молча указал им на равнину, откуда нёсся оглушительный вой. Роберт инстинктивно сделал шаг назад.

— Ты не боишься волков, мой мальчик? — спросил Гленарван.

— Не боюсь, милорд, — твёрдо ответил мальчик. — Когда я с вами, я вообще ничего не боюсь.

— Тем лучше. Эти гуары — не очень-то страшные звери, и не будь их так много, я бы совсем не обратил на них внимания.

— А если и много! — отозвался Роберт. — Мы хорошо вооружены. Пусть только сунутся к нам!..

— И мы их примем как следует!

Говоря это, Гленарван хотел успокоить мальчика, но сам он в глубине души не без страха думал об этом ночном нашествии бесчисленного множества разъярённых хищников. Быть может, там их целые сотни, и троим, хотя бы и хорошо вооружённым людям, нельзя было надеяться на успех в борьбе с таким количеством зверей.

Когда патагонец произнёс слово «гуар», Гленарван тотчас узнал название, данное пампасскими индейцами красному волку. Этот хищник известен у натуралистов под именем *Chrysocyon brachyurus*². Ростом он с большую собаку, голова его похожа на лисью, шерсть рыжевато-жёлтая, а по спине вдоль всего хребта идёт длинная грива. Зверь этот очень проворен и силен. Живёт он обыкновенно в бо-

¹ *Гуар* — хищное млекопитающее семейства псовых.

² В переводе с греческого это латинское название означает «короткохвостый золотистый пёс».

лотистых местах и часто преследует свою добычу даже вплавь. Ночь выгоняет красного волка из его логова, где он спит днём. Особенно боятся его на больших фермах. Голодные гуары нападают даже на крупный скот и производят немалые опустошения. В одиночку красный волк не страшен, но голодная стая их представляет большую опасность. Лучше даже встретиться с кугуаром или ягуаром: с ними можно, по крайней мере, сразиться один на один.

Слыша разносящийся по пампасам вой и видя множество мчащихся по равнине теней, Гленарван не мог сомневаться в том, что на берегах Гуамини собралась огромная стая волков. Хищники эти почуяли верную добычу — лошадиное и человеческое мясо, и каждый из них жаждал вернуться в своё логово с частью этой добычи. Положение было более чем тревожное.

Тем временем круг волков мало-помалу суживался. Проснувшиеся лошади были охвачены ужасом. Лишь Таука нетерпеливо била копытом землю, порываясь оборвать повод и умчаться. Хозяину удавалось успокоить её только непрерывным свистом. Гленарван и Роберт стали у входа в рамаду, готовясь к обороне. Зарядив карабины, они собирались уже выстрелить по первому ряду гуаров, как вдруг Талькав молча поднял рукой вверх дула их ружей.

— Чего хочет Талькав? — спросил Роберт.

— Он запрещает нам стрелять.

— Почему?

— Быть может, потому, что находит это несвоевременным.

Но не эта, а более важная причина побудила индейца так поступить. Гленарван понял его, когда Талькав, открыв и перевернув свою пороховницу, показал, что она почти совсем пуста.

— Что же? — спросил Роберт.

— Нам придётся беречь заряды. Сегодняшняя охота дорого обошлась нам: у нас мало свинца и пороха. Мы не сделаем и двадцати выстрелов.

Мальчик ничего не ответил.

— Ты не боишься, Роберт?

— Нет, милорд.

— Хорошо, мой мальчик.

В эту минуту раздался выстрел: Талькав уложил на месте одного слишком дерзкого врага. Волчья стая, надвигавшаяся тесными рядами, отступила и сбилась в кучу в ста шагах от частоккола. Гленарван, по знаку индейца, стал на его место. А Талькав, собрав подстилки, сухую траву — словом, всё, что могло гореть, навалил это у входа в загон и бросил в середину кучи пылающий уголь. Вскоре на чёрном фоне неба протянулась огненная завеса. Между языками пламени проглянула ярко освещённая колеблющимся заревом равнина. Тут Гленарван увидел, против какого неисчислимого количества хищников им придётся бороться. Вряд ли кому-нибудь приходилось видеть такое скопище голодных волков. Огненная завеса, созданная Талькавом, сразу остановила хищников и этим ещё больше разъярила их. Но всё же некоторые из них под натиском задних рядов приблизились к самому костру и обожгли себе лапы. Время от времени приходилось стрелять, чтобы удержать эту завывающую стаю, и через час на равнине уже валялось штук пятнадцать убитых волков.

Теперь осаждённые находились в сравнительно менее опасном положении. Пока не кончился порох, пока огненная завеса пылала у входа в рамаду, нечего было опасаться вторжения волков. Но что делать, когда эти средства защиты будут исчерпаны? Гленарван посмотрел на Роберта, и сердце его сжалось. Он уже не думал о себе, а только об этом мужественном не по годам мальчике. Роберт был бледен, но не выпускал из рук ружья и, полный решимости, ожидал нападения разъярённых волков.

Хладнокровно обдумав положение, Гленарван понял, что надо на что-то решиться.

— Через какой-нибудь час у нас не будет ни пороха, ни пуль, ни огня, — сказал он, — и, конечно, нам нужно не ждать этого, а что-нибудь делать.

Он подошёл к Талькаву и, припоминая все испанские слова, сохранившиеся в его памяти, начал с ним разговор, часто прерываемый выстрелами.

Не без труда удалось собеседникам понять друг друга. К счастью, Гленарвану были известны повадки гуаров. Без этого он не понял бы слов и жестов патагонца. Всё же прошло с четверть часа, прежде чем он начал рассказывать Роберту о содержании своего разговора с Талькавом.

«Дети капитана Гранта». Художник П. Луганский

— И что же он ответил? — спросил Роберт Грант.

— Он сказал, что нам во что бы то ни стало надо продержаться до рассвета. Гуар выходит на добычу только ночью, а с зарёй возвращается в своё логово. Это ночной хищник: он труслив и боится дневного света — своего рода сова, только четвероногая.

— Что ж, будем защищаться до рассвета!

— Да, мой мальчик, и защищаться ножами, когда ружья станут бесполезны.

Талькав уже начал подавать этому пример: и когда какой-нибудь волк слишком приближался к пылавшему костру, патагонец, сжимая в руке нож, протягивал её через пламя, и каждый раз клинок обагрался кровью волка.

Между тем средства обороны были на исходе. Около двух часов ночи Талькав бросил в костёр последнюю охапку сухой травы; зарядов же оставалось всего на пять выстрелов.

Гленарван с грустью оглянулся вокруг.

Он думал о мальчике, стоявшем подле него, о своих товарищах, думал обо всех, кого любил. Роберт молчал. Быть может, в его детском, доверчивом воображении опасность

не казалась неминуемой. Но Гленарван думал о ней за него. Ему рисовалась ужасная, неизбежная участь: быть растерзанными заживо. Не владея больше собой, он привлёк к себе Роберта, прижал его к груди и со слезами, которых не в силах был удержать, поцеловал его в лоб.

Роберт, улыбаясь, посмотрел на него.

— Я не боюсь, — промолвил он.

— И не надо бояться, мой мальчик, ты прав, — ответил Гленарван. — Через два часа рассветёт, и мы будем спасены... Молодец, Талькав! Молодец, мой храбрый патагонец! — крикнул он, увидев, что индеец убил ударами приклада двух огромных волков, порывавшихся перепрыгнуть через огненную преграду.

Но в эту минуту при угасающем свете костра Гленарван увидел стаю волков, идущую плотными рядами на приступ рамады.

Развязка этой кровавой драмы приближалась. Костёр мало-помалу угасал. Равнина, до сих пор освещённая, погружалась во мрак, и в этом мраке снова замелькали фосфоресцирующие глаза красных волков. Ещё несколько минут — и вся эта огромная стая устремится в загон.

Талькав выпустил последний заряд из своего карабина, прикончив ещё одного врага. Истошив свои боевые припасы, патагонец скрестил руки на груди. Голова его склонилась. Казалось, он молча что-то обдумывал. Изыскивал ли он какой-нибудь смелый, невозможный, безрассудный способ отразить эту разъярённую стаю? Гленарван не решался задать ему вопрос.

Тут волки вдруг изменили свой план нападения: они стали удаляться, и их оглушительный вой сразу прекратился. На равнине воцарилась мрачная тишина.

— Они уходят, — промолвил Роберт.

— Быть может, и так, — отозвался, прислушиваясь, Гленарван.

Но Талькав, догадавшись, о чём они говорят, отрицательно покачал головой. Патагонец знал, что хищники не уйдут от верной добычи до тех пор, пока заря не загонит их в тёмные логова.

Однако тактика врагов явно изменилась: они уже не пытались ворваться через вход в рамаду, а избрали новый,

ещё более страшный способ действий. Гуары, отказавшись от намерения проникнуть через вход, который так упорно отстаивался огнём и оружием, обошли рамаду и напали на неё с противоположной стороны. Вскоре осаждённые услышали, как когти хищников раздирают полусгнившее дерево. Между расшатанными кольями уже просовывались сильные лапы, окровавленные морды. Перепуганные лошади, сорвавшись с привязи, метались, обезумев от ужаса, по загону.

Гленарван схватил мальчика и прижал к себе, решив защищать его до последней возможности. Быть может, у него мелькнула безумная мысль попытаться спастись с Робертом бегством, но в этот миг взгляд его упал на индейца. Талькав, только что быстро ходивший по загону, как дикий зверь в клетке, вдруг подошёл к своей дрожавшей от нетерпения лошади и принялся тщательно седлать её, не забывая ни одного ремешка, ни одной пряжки. Казалось, возобновившийся с удвоенной силой вой хищников совершенно перестал его беспокоить. Гленарван смотрел на патгонца с ужасом.

— Он бросает нас на произвол судьбы! — воскликнул он, видя, что Талькав готов прыгнуть в седло.

— Талькав? Никогда! — сказал Роберт.

И действительно, индеец собирался не бросить друзей, а спасти их.

— Говорю тебе, что я поеду! — крикнул Гленарван, вырывая из рук Талькава повод. — А ты спасай мальчика! Доверяю тебе его, Талькав!

Гленарван в возбуждении перемешивал испанские слова с английскими. Но что значит язык! В такие грозные мгновения все выражают жесты и люди сразу понимают друг друга.

Но Талькав настаивал на своём, спор затягивался, а опасность с секунды на секунду всё возрастала. Изгрызенные колья уже начинали поддаваться натиску волков.

Ни Гленарван, ни Талькав не хотели уступать друг другу. Индеец увлёк Гленарвана к входу в загон; он показывал ему на освобождённую от волков равнину. Своей страстной речью он стремился заставить понять Гленарвана, что нель-

зя терять ни секунды, что в случае неудачи в наибольшей опасности окажутся оставшиеся; наконец, что он один достаточно знает Тауку, чтобы использовать для общего спасения изумительное проворство и быстроту её бега. Но Гленарван в ослеплении упорствовал: он во что бы то ни стало хотел пожертвовать собой.

Вдруг его отбросил в сторону сильный толчок. Таука поднялась на дыбы и, рванувшись вперёд, перелетела через огненную преграду и лежавшие за ней трупы волков.

В ту же минуту донёлся детский голос:

— Да спасет вас Бог, милорд!

И перед глазами Гленарвана и Талькава промелькнула фигурка Роберта, вцепившегося в гриву Тауки, — промелькнула и исчезла во мраке.

— Роберт! Несчастный! — крикнул Гленарван.

Но этого крика не расслышал даже индеец: раздался ужасающий вой. Волки, бросившись за лошадью, с невероятной быстротой помчались на запад.

Талькав и Гленарван выбежали из рамады. На равнине уже снова водворилась тишина; лишь вдали среди ночного мрака ускользала смутная волнообразная линия.

Подавленный, ломая в отчаянии руки, Гленарван упал на землю. Он поднял глаза на Талькава. Тот улыбался со свойственным ему спокойствием.

— Таука — хорошая лошадь! Храбрый мальчик! Спасётся... — повторял патагонец, подкрепляя слова кивками головы.

— А если он упадёт? — сказал Гленарван.

— Не упадёт!

Несмотря на эту уверенность Талькава, несчастный Гленарван провёл ночь в страшной тревоге. Он даже не думал о том, что с исчезновением стаи волков для него исчезла и опасность. Он хотел скакать на поиски Роберта. Индеец не пустил его и дал ему понять, что с их лошадьми догнать Роберта невысказанно, что Таука, конечно, опередила своих врагов и найти её в темноте невозможно. Словом, по его убеждению, надо было ждать рассвета и только тогда начинать поиски Роберта.

В четыре часа утра стала занимать заря. Сгустившийся у горизонта туман вскоре окрасился бледным золотом.

Прозрачная роса пала на равнину, и утренний ветерок закачал высокие травы. Пришло время отправляться.

— Поедем! — сказал индеец.

Гленарван молча вскочил на лошадь Роберта. Вскоре оба всадника неслись галопом прямо на запад, навстречу второму отряду.

Целый час они бешено мчались, ища глазами Роберта и всё боясь увидеть его окровавленный труп. Гленарван немилосердно всаживал шпоры в бока своей лошади. Вдруг послышались ружейные выстрелы, раздававшиеся через определённые промежутки времени, как будто кто-то подавал сигналы.

— Это они! — воскликнул Гленарван.

Оба всадника ещё быстрее погнали своих лошадей. Несколько минут спустя они соединились с отрядом Паганелля. У Гленарвана вырвался крик: Роберт был здесь, живой и невредимый, верхом на великолепной Тауке! Лошадь радостно заржала, завидев своего хозяина.

— Ах, мальчик мой, мальчик! — с невыразимой нежностью воскликнул Гленарван.

И они с Робертом, соскочив с лошадей, бросились на шею друг другу.

Затем наступила очередь индейца прижать к груди мужественного сына капитана Гранта.

— Он жив! Он жив! — восклицал Гленарван.

— Да, — ответил Роберт, — благодаря Тауке!

Но ещё до того, как индеец услышал эти полные признательности слова, он стал благодарить своего коня: говорил с ним, целовал его, словно в жилах этого благородного животного текла человеческая кровь.

Затем Талькав повернулся к Паганелю.

— Храбрец! — сказал он, указывая на Роберта. И, пользуясь индейской метафорой для выражения отваги, добавил: — Шпоры его не дрогнули.

— Скажи, дитя моё, почему ты не дал ни мне, ни Талькаву сделать эту последнюю попытку спасти тебя? — спросил Гленарван, обнимая Роберта.

— Милорд, — ответил мальчик, и в голосе его звучала горячая благодарность, — разве я не должен был пожертвовать собой? Талькав уже спас мне жизнь, а вы спасёте жизнь моего отца!

Размышляем о прочитанном

1. Единство научности и художественности — одна из особенностей творчества Жюль Верна. Найдите в тексте главы свидетельство того, что, описывая даже самые опасные приключения, писатель соблюдает требования научности.
2. Интересно представлены характеры героев романа в данной главе. Это и сформированные, взрослые характеры — лорд Гленарван и индеец Талькав. Найдите в тексте цитаты, говорящие о традиционном аристократическом характере лорда и удивительно чутком к жизни природы характере индейца. Подготовьте развёрнутые устные характеристики этих персонажей.
3. В этой же главе представлен и важный для писателя герой-подросток, характер которого формируется в условиях трудных и опасных странствий. Это Роберт. Найдите в тексте слова, говорящие о поведении и чувствах Роберта. Подготовьте его устную характеристику.

Литература и другие виды искусства

В 1936 году на студии Мосфильм вышел художественный фильм «Дети капитана Гранта». Широкую популярность получили песни из этого фильма: «Песенка Роберта», более известная по первой строке «А ну-ка песню нам пропой, весёлый ветер...», и «Песенка о капитане», которую в фильме поёт рассеянный и обаятельный Паганель. Авторами песен были композитор Исаак Дунаевский и поэт Василий Лебедев-Кумач. Прослушайте обе песенки, а про ту, которая понравилась больше, напишите небольшое сочинение, поразмыслив над тем, в какой степени песня соответствует характеру персонажа (Роберта, Паганеля).

Нелл Харпер Ли
1926—2016

Американская писательница Нелл Харпер Ли, автор двух романов — «Убить пересмешника» и «Пойди, поставь сторожа», родилась 28 апреля 1926 года в Монровилле, штат Алабама, и прожила долгую жизнь.

Семья будущей писательницы состояла из шести человек — адвоката-отца, члена законодательного собрания штата, тяжело больной матери и четверых детей. В детстве Ли Харпер не отличалась примерным поведением. В школе у неё проявились литературные способности, а в колледже она ушла в себя, мало общалась со студентами и была равнодушна к обычным студенческим интересам, уделяя много времени учёбе и литературному труду. В период обучения в университете в Алабаме она посещала хор, участвовала в литературном обществе, выпусках школьной газеты и юмористического журнала, редактором которого в конце концов и стала. Хотя, уступая традициям семьи, она поступила на юридический факультет, тяга к писательскому труду была сильнее, и в итоге Харпер Ли уехала в Англию и начала учиться в Оксфордском университете. Но в Англии она оставалась недолго и снова оказалась в Америке, на этот раз в Нью-Йорке. Город, однако, не был к ней благосклонен: ей пришлось работать билетным агентом разных авиалиний, пока наконец не нашлись добрые люди, которые обеспечили ей полное содержание на целый год, чтобы она смогла целиком отдаться писательству. Так началась работа над романом «Убить пересмешника».

Мир этого романа существенно отличается от мира, запечатлённого в книгах русских авторов. И это понятно. Читая «Убить пересмешника», мы знакомимся с другими обществами и с другими людьми, и это расширяет наше представление о жизни, одновре-

менно мы узнаём и то общее, что свойственно человечеству. У нас не было ни презрения к людям иного цвета кожи и иной расы, ни преследований чернокожего населения, ни судов Линча. Но нам понятно желание лучших людей из Америки освободиться от жестоких предрассудков рабства и сделать своё общество более гуманным и справедливым. И мы исключительно высоко ценим трудное человеческое взросление всех поколений на этом благородном пути.

В июле 1960 года роман «Убить пересмешника» был опубликован. В следующем году роман получил престижную Пулитцеровскую премию и несколько других литературных премий. Классика американской литературы роман «Убить пересмешника» был переведён более чем на 40 языков, ежегодно издавался миллионными тиражами.

Главная героиня произведения, девочка Джин Луиза по прозвищу Глазастик, мало чем отличалась от Ли в детстве. В одной из главных сюжетных линий книги Глазастик, её брат Джим и их друг Дилл пытаются понять таинственную и загадочную жизнь соседа, которого их сверстники называют Страшила Рэдли.

«Убить пересмешника» больше, чем рассказ о взрослении детей: другая сюжетная линия романа отражает расовые предрассудки в США в тридцатые годы прошлого века. Отец Джин Луизы и Джима — адвокат Аттикус Финч пытается помочь чернокожему мужчине, ложно обвинённому в преступлении, добиться справедливого суда и не допустить, чтобы его линчевали разъярённые белые люди в маленьком городке.

Большой популярности романа в значительной степени способствовал художественный фильм «Убить пересмешника», с успехом прошедший по экранам всего мира, в том числе в нашей стране.

УБИТЬ ПЕРЕСМЕШНИКА

(Отрывок из романа)

Глава 15

...Назавтра было воскресенье. В перерыве между воскресной школой и службой все вышли немножко размяться, и я увидела во дворе Аттикуса, его окружили какие-то люди. Тут был и мистер Гек Тейт, и я подумала, может, он прозрел и поверил в Бога. Раньше он никогда не ходил в церковь. Тут был даже мистер Андервуд. Мистер Андер-

вуд никогда нигде не бывал и ничем не занимался, кроме «Мейкомб трибюн» — он один был и владельцем газеты, и редактором, и наборщиком. С утра до ночи он не отходил от своего линотипа и только, чтобы подкрепиться, отпивал по глотку вишнёвки — у него тут же всегда стоял целый кувшин. Он редко выходил узнавать новости, люди сами к нему приходили и рассказывали. Говорили, он весь номер газеты сам сочиняет и сам печатает на своём линотипе¹. И это было очень похоже на правду. Уж, наверно, случилось что-то необыкновенное, раз мистер Андервуд вылез на свет божий. Я перехватила Аттикуса на пороге, и он сказал — Тома Робинсона перевели в мейкомбскую тюрьму. И сказал ещё, пожалуй, не мне, а себе — если б его с самого начала тут держали, ничего бы и не было, всё сошло бы спокойно. Он сел на своё место в третьем ряду и запел «Приблизусь я к тебе, Господь», он немного отставал от всех, и его густой голос звучал совсем отдельно. Он никогда не садился вместе с нами. В церкви он любил быть сам по себе.

По воскресеньям все в доме делают вид, что всё хорошо, а с тех пор, как у нас поселилась тётя Александра, стало ещё противнее. Сразу после обеда Аттикус удирает к себе в кабинет, иногда мы заглянем к нему, а он сидит, откинувшись в вертящемся кресле, и читает. Тётя Александра укладывалась на два часа вздремнуть и грозилась — пусть только мы попробуем шуметь во дворе, когда все соседи отдыхают. Джим тоже дожил до такого возраста, что уходил к себе с целой кипой футбольных журналов. Нам с Диллом только и оставалось в воскресенье втихомолку играть на Оленьем лугу.

Стрелять из духового ружья по воскресеньям не разрешалось, и мы с Диллом погоняли немного по лугу футбольный мяч Джима, но это было скучно. Дилл сказал — пойдём поглядим, может, удастся увидеть Страшилу Рэдли. Я сказала — пожалуй, нехорошо к нему приставать, и начала рассказывать Диллу про всё, что случилось за эту зиму. Он слушал и удивлялся.

К ужину мы разошлись по домам, а после ужина мы с Джимом собирались, как всегда, весь вечер читать, но

¹ *Линотип* — типографская машина, отливающая набор целыми строками.

тут Аттикус нас удивил: он вышел в гостиную, и в руках у него был длинный электрический провод. И на одном конце — лампочка.

— Я ненадолго уйду, — сказал он. — Когда вернусь, вы все будете уже в постели, так что пожелаю вам спокойной ночи.

Надел шляпу и вышел из дому с чёрного хода.

— Он берёт машину, — сказал Джим.

У нашего отца были свои странности: во-первых, он никогда не ел сладкого, во-вторых, любил ходить пешком. Сколько я себя помню, в гараже всегда стоял чистенький, аккуратный «шевроле», и Аттикус всегда разъезжал на нём по делам, но в самом Мейкомбе в свою контору и обратно он по два раза в день ходил пешком, а это означало около двух миль. Он говорил: ходьба — это его единственный спорт. А в Мейкомбе считают: если человек идёт пройтись просто так, без определённой цели, значит, он и вообще такой — ни к чему не стремится и ничего никогда не достигнет.

Потом я пожелала тёте и брату спокойной ночи и давно уже лежала и читала, и тут в комнате Джима начался какой-то непонятный шум. Ко сну он обычно готовился не так, я каждый звук знала наизусть, и я постучалась к нему.

— Ты почему не ложишься?

— Сбегаю ненадолго в город. — Он натягивал штаны.

— А зачем? Уже почти десять часов.

Это он знал, но всё равно собрался уходить.

— Тогда и я с тобой. И если ты скажешь не ходить, я всё равно пойду, слышишь?

Джим понял, что так просто я дома не останусь, придётся со мной драться, а значит, злить тётю, и нехотя сдался.

Я быстро оделась. Мы подождали, пока у тёти погас свет, и тихо вышли с заднего крыльца. Ночь была тёмная, безлунная.

— Дилл тоже захотел бы пойти, — прошептала я.

— Пускай идёт, — хмуро ответил Джим.

Мы перескочили через низенькую ограду, перешли двор мисс Рейчел и стали под окном Дилла. Джим крикнул перепелом.

За стеклом появилось лицо Дилла, сразу исчезло, а через пять минут он отворил окно и вылез к нам. Как человек бывалый, он не стал ни о чём спрашивать, пока мы не вышли на улицу.

— Что случилось?

— У Джима бродячий приступ.

Кэлпурния говорила — у всех мальчишек в его годы бывает бродячая болезнь.

— Просто так захотелось, — сказал Джим. — Просто так.

Миновали дом миссис Дюбоз, он стоял пустой, с закрытыми ставнями, камелии¹ чуть виднелись среди разросшейся крапивы и полыни. До угла — до почты — оставалось пройти ещё восемь домов.

Южная сторона площади была пустынна. На каждом углу щетинились огромные араукарии², между ними, в свете уличных фонарей поблёскивала железная коновязь. Свет горел ещё в общественной уборной, а больше с этой стороны здания суда не было ни огонька. Площадь перед судом была квадратная, со всех сторон магазины, в них, где-то в глубине, тоже виднелся слабый свет.

Когда Аттикус только начал работать адвокатом, его контора помещалась в самом здании суда, но через несколько лет он перебрался в здание городского банка, там было тише и спокойнее. Мы завернули за угол и увидели перед банком машину «шевроле».

— Он здесь, — сказал Джим.

Но Аттикуса здесь не было. К его конторе вёл длинный коридор. Будь за его дверью свет, мы бы увидели табличку с небольшими чёткими буквами: АТТИКУС ФИНЧ, АДВОКАТ. Сейчас тут было темно.

Джим ещё раз всмотрелся в темноту за стеклянной дверью банка. Нажал ручку двери. Заперто.

— Пройдём-ка по улице. Может, он зашёл к мистеру Андервуду.

Мистер Андервуд не только выпускал газету «Мейкомб трибюн», он и жил в редакции. Вернее, над ней. О том, что происходит в суде и в тюрьме, он узнавал, просто-напросто

¹ *Камелия* — род вечнозелёных хвойных деревьев или кустарников с крупными белыми или красными душистыми цветами.

² *Араукария* — род высоких вечнозелёных хвойных деревьев.

глядя из окна второго этажа. Его дом стоял на северо-западном углу площади, идти к нему надо было мимо тюрьмы.

Тюрьма была самым почтенным и самым безобразным зданием во всём Мейкомбе. Аттикус говорил, такое мог бы придумать кузен Джошуа Сент-Клер. И правда — это было как в бреду. Все дома в городе простые и обыкновенные, с прямыми широкими фасадами и покатыми крышами, и вдруг ни с того ни с сего торчит крохотный готический храмик — одна камера в ширину, две в высоту, и всё это дополняется контрфорсами¹ и зубчатыми башенками. А оттого, что фасад тюрьмы был из красного кирпича и в окнах, какие бывают только в церкви, виднелись толстые стальные решётки, всё это выглядело совсем уж неправдоподобно. И добро бы ещё эта нелепость стояла на каком-нибудь одиноком холме, но она была втиснута между «Скобяными изделиями» Тиндела и редакцией «Мейкомб трибюн». Тюрьма у нас в Мейкомбе вызывала постоянные споры — хулители говорили — это точь-в-точь уборная времён королевы Виктории; а их противники уверяли — такое здание придаёт городу почтенный, благородный вид, и заезжему человеку нипочём не догадаться, что там внутри полно черномазых.

Мы шли по тротуару и вдруг увидели поодаль одинокий огонёк.

— Странно, — сказал Джим, — у тюрьмы снаружи фонаря нет.

— Вроде это лампочка над дверью, — сказал Дилл.

Сквозь прутья решётки из окна второго этажа свисал длинный провод. В свете голой, без колпака, лампочки сидел у входа Аттикус. Он, видно, принёс из своей конторы стул, приставил его к двери и теперь читал, не обращая никакого внимания на мотыльков и всякую ночную мошкарку, которая вилась у него над головой.

Я хотела побежать, но Джим схватил меня за руку.

— Не ходи к нему, — сказал он, — ещё рассердится. Он здесь — и всё в порядке, пошли домой. Я только хотел посмотреть, где он.

¹ *Контрфорс* — поперечная стенка, вертикальный выступ или ребро, усиливающие основную несущую конструкцию (преимущественно стену с наружной стороны постройки).

Мы стали наискосок переходить площадь, и тут по Меридианскому шоссе медленно, одна за другой, подъехали четыре запylённые машины. Они обогнули площадь, миновали банк и остановились напротив тюрьмы.

Из машин никто не вышел. Аттикус поднял голову от газеты. Аккуратно её сложил, опустил на колени и сдвинул шляпу на затылок. Похоже, он ждал, что они приедут.

— Пошли, — прошептал Джим.

Мы кинулись через площадь, потом по улице и спрятались за киоском. Джим осторожно выглянул.

— Можно ещё поближе, — сказал он.

Мы побежали к магазину Тиндела — отсюда было совсем близко, нам всё видно, а нас никто не заметит.

Приезжие по одному, по двое вылезали из машин. Сначала они были как тени, потом двинулись к тюрьме, и при свете стало видно, что все они большие, плотные. Аттикус не двинулся с места. Широкие спины заслонили его от нас.

— Он здесь, мистер Финч? — спросил кто-то.

— Здесь, — отозвался Аттикус. — Он спит, не разбудите его.

Много позже я поняла, как жутко и смешно это было при тех далеко не забавных обстоятельствах, но отца послушались: люди стали говорить вполголоса.

— Вы знаете, зачем мы пришли, — сказал кто-то другой. — Отойдите от двери, мистер Финч.

— Поезжайте домой, Уолтер, — вежливо сказал Аттикус. — Гек Тейт где-то поблизости.

— Чёрта с два! — сказал ещё кто-то. — Гек со своими подручными рыщет по лесу, до утра оттуда не вылезет.

— Вот как? С чего бы это?

— Ищет ветра в поле, — был краткий ответ. — Вы про это не думали, мистер Финч? <...>

Джим вскрикнул и бросился за мной, но они с Диллом меня не догнали. Я протолкалась среди тёмных фигур, от которых шёл тяжёлый запах, и выбежала в круг света.

— Аттикус, привет!

Я думала — вот он обрадуется! — но лицо у него сделалось такое, что всё моё веселье пропало. Глаза у него стали просто-напросто испуганные, но это сразу прошло, как только сквозь толпу пробрались Джим и Дилл.

Пахло спиртным перегаром и хлебом, я огляделась — все кругом были чужие. Не те, которые приходили вчера вечером. Меня бросило в жар от смущения: я так победоносно выскочила, а на меня смотрят совсем незнакомые люди!

Аттикус поднялся со стула, он двигался медленно, как старик. Он аккуратно разгладил газету по складкам и бережно отложил. Пальцы его слегка дрожали.

— Иди домой, Джим, — сказал он. — Отведи сестру и Дилла домой.

Мы привыкли, когда Аттикус что-нибудь велит, слушаться — может, и не всегда охотно, но быстро, — а тут Джим стоял с таким видом, будто и не собирался тронуться с места.

— Иди домой, я сказал.

Джим покачал головой. Аттикус упёрся кулаками в бока — и Джим тоже, и так они стояли друг против друга, очень разные: у Джима мягкие каштановые волосы, карие глаза, продолговатое лицо, уши плотно прилегают к голове — он весь в маму, а у Аттикуса волосы чёрные с проседью, черты лица прямые, резкие, и всё-таки мне показалось, они похожи. Это потому, что оба смотрели вызывающе.

— Сын, я сказал: иди домой.

Джим только головой помотал.

— Вот я его отправлю домой, — сказал какой-то верзила, сгрёб Джима за шиворот и так отшвырнул, что Джим едва удержался на ногах.

— Не тронь его!

— И я наподдала этому дядьке ногой. Я была босиком и очень удивилась, что он весь сморщился, охнул и отступил. Я хотела стукнуть его по коленке, но попала слишком высоко.

— Хватит, Глазастик, — Аттикус взял меня за плечо. — Не лягайся и не брыкайся. Тише, — прервал он, когда я хотела что-то сказать в своё оправдание.

— А пускай они не трогают Джима, — сказала я.

— Ладно, мистер Финч, заберите их отсюда, — проворчал кто-то. — Даём вам на это дело пятнадцать секунд.

Аттикус стоял среди этих непонятных людей и старался заставить Джима послушаться. Он грозил, убеждал, наконец даже сказал:

— Я тебя прошу, Джим, уведи их.

А Джим в ответ упрямо твердил одно:

— Не пойду.

Мне всё это стало надоедать, но я чувствовала — Джим не зря упрямится, ведь он знает, как ему Аттикус задаст, когда уж мы все придём домой. Я стала осматриваться. Была тёплая летняя ночь, но почти на всех этих людях комбинезоны и грубые бумажные рубашки были застёгнуты наглухо, до самого подбородка. Наверно, все они боятся простуды, подумала я, вот и рукава у них не засучены, и даже манжеты застёгнуты. Те, кто был в шляпах, нахлобучили их на самые брови. И все они были какие-то мрачные, смотрели сонно, как будто им непривычно в такой поздний час оказаться на ногах. Я ещё раз поискала, нет ли тут хоть одного знакомого лица, они стояли полукругом, и того, что стоял посередине, я вдруг узнала.

— Привет, мистер Канингем!

Он меня словно и не слышал.

— Привет, мистер Канингем! Как у вас с ущемлением прав?

Положение дел Уолтера Канингема-старшего было мне хорошо известно, Аттикус когда-то подробно мне всё это растолковал. Рослый, плечистый, он как-то растерянно заморгал и сунул большие пальцы под лямки комбинезона. Казалось, ему не по себе; он откашлялся и посмотрел в сторону. Моё дружеское приветствие осталось без ответа.

Мистер Канингем был без шляпы, лоб его казался очень белым, а всё лицо, обожжённое солнцем, особенно тёмным — наверно, всегда он ходит в шляпе. Он переступил с ноги на ногу — башмаки у него были огромные, грубые.

— Вы меня не узнаете, мистер Канингем? Я Джин Луиза Финч. Вы нам один раз принесли орехов, помните?

Кажется, я старалась зря — ужасно неловко, когда случайный знакомый потом тебя не узнаёт.

— Я учусь вместе с Уолтером, — сделала я новую попытку. — Ведь это ваш сын, правда? Правда, сэр?

Мистер Канингем чуть заметно кивнул. Всё-таки он меня узнал!

— Мы с Уолтером в одном классе, — продолжала я, — он очень хорошо учится. И он славный, — прибавила я, — правда, правда, он хороший. Один раз он приходил к нам обедать. Может быть, он вам про меня рассказывал, один

раз я его поколотила, а он ничего, он правда славный. Вы ему передайте от меня привет, ладно?

Аттикус когда-то мне объяснил: если ты человек вежливый, говори с другими не про то, что интересно тебе, а про то, что интересно им. Мистеру Канингему, видно, было совсем не интересно слушать про своего сына, а мне так хотелось, чтоб ему не было скучно, и я с горя сделала последнюю попытку — может, всё-таки интереснее поговорить про ущемление.

— Ущемление — это очень неприятная штука, — стала я ему объяснять. И тут, наконец, я заметила, что обращаюсь с речью к целой толпе. Все они смотрели на меня, некоторые даже рот раскрыли. Аттикус уже не приставал к Джиму, они оба стояли рядом с Диллом. И они тоже смотрели и слушали, как заколдованные. Аттикус даже рот приоткрыл, а он всегда объяснял, что это не очень-то красиво. Наши взгляды встретились, и он закрыл рот.

— Знаешь, Аттикус, я вот говорю мистеру Канингему, конечно, когда ущемление прав, это очень плохо, но ты ведь говорил не волноваться, такие дела иногда долго тянутся... и вы уж как-нибудь общими силами выпутаетесь...

И я окончательно замолчала и только думала, какая я дура. Видно, про ущемление хорошо разговаривать только в гостинной.

У меня даже голова вспотела: не могу я, когда целая куча народу на меня смотрит. Все стояли и молчали.

— Что случилось? — спросила я.

Аттикус не ответил. Я оглянулась на мистера Канингема, у него тоже лицо было невозмутимое. А потом он поступил очень странно. Он присел на корточки и обеими руками взял меня за плечи.

— Я ему передам от тебя привет, маленькая леди, — сказал он.

Встал, выпрямился и махнул огромной ручищей.

— Пошли отсюда! — крикнул он. — Поехали, ребята!

И так же, как пришли, по двое, по одному они двинулись, волоча ноги, к своим расхлябанным машинам. Захлопали дверцы, зачихали моторы — и все уехали.

Я обернулась к Аттикусу, а он, оказывается, отошёл и прислонился лбом к стене тюрьмы. Я подошла и потянула его за рукав.

— Теперь мы пойдём домой?

Он кивнул, достал платок, утёр лицо и громко высморкался.

— Мистер Финч, — позвал из темноты, откуда-то сверху, тихий хриплый голос. — Они ушли?

Аттикус отошёл от стены и поднял голову.

— Ушли, — сказал он. — Поспи немного, Том. Они не вернуться.

С другой стороны в темноте раздался ещё один голос.

— Уж будьте уверены, что не вернуться, — сказал он резко. — Я всё время был начеку, Аттикус.

Из окна над редакцией «Мейкомб трибюн» высунулся мистер Андервуд с двустволкой в руках.

Было поздно, я устала, глаза у меня слипались: казалось, Аттикус и мистер Андервуд проговорят до утра, один — высунувшись из окна, другой — задрав к нему голову. Наконец Аттикус подошёл к нам, погасил лампочку над дверью тюрьмы и подхватил стул.

— Можно, я его понесу, мистер Финч? — попросил Дилл.

За всё время это были его первые слова.

— Спасибо, дружок.

И мы пошли к банку — Аттикус с Джимом впереди, я и Дилл за ними. Дилл тащил стул и поэтому шёл медленнее. Аттикус с Джимом ушли вперёд, и я думала, Аттикус его здорово ругает — почему не пошёл домой, — но ошиблась. Они как раз поравнялись с фонарём, и видно было: Аттикус поднял руку и взъерошил Джиму волосы — никаких других нежностей он не признавал.

Размышляем о прочитанном

1. Почему Джим поздно вечером собрался идти в город? Какие опасения и тревоги вынудили его к этому?
2. Джим не сказал о причине своего похода в город ни сестре, ни приятелю Диллу. Почему?
3. Почему над дверью тюрьмы горела электрическая лампочка, которой там никогда раньше не было?

4. Почему Аттикус выбрал такое странное место для вечернего чтения?
5. Отчего Аттикус был сильно напуган, увидев Глазастика рядом с собой?
6. Прочитайте описание обстановки: «Пахло спиртным перегаром и хлевом». Как эти слова характеризуют людей, окруживших Аттикуса возле тюрьмы?
7. Обратите внимание на то, как говорит Аттикус в сложившейся напряжённой ситуации (слова и выражения, которые он употребляет, интонации, манера говорить). Как речь характеризует Аттикуса?
8. В чём была причина дерзкого упрямства Джима? Почему в этот момент героиня отмечает сходство отца и сына? Найдите это место в тексте. В чём было сходство?
9. Почему слова Глазастика, обращённые к Канингему-старшему, рассказ о том, как учится его сын, оказались спасительными для Аттикуса и предотвратили расправу над Томом Робинсоном?

Творческое задание

Напишите сочинение-эссе на одну из предложенных тем:

1. «Образы отца и сына в романе». Попробуйте разобраться в причинах неожиданного неповиновения Джима Аттикусу.

2. «Как я понимаю название романа „Убить пересмешника“». Для этого вам конечно же надо будет прочитать книгу полностью, попытаться понять, при чём здесь певчая птичка пересмешник, когда речь в романе идёт о взаимоотношениях людей.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ-ФАНТАСТОВ

Джанни Родари

1920—1980

Джанни Родари — итальянский писатель, создававший произведения для детей. Совсем ещё молодым человеком он начал педагогическую деятельность — работал учителем в начальной школе. Общение с младшими школьниками научило его давать простые и ясные ответы на вопросы, которые задают дети. Это качество затем очень пригодилось Родари, когда он оставил работу в школе и стал журналистом. Бывший учитель вёл детскую страничку в газете «Унита», выходившей в городе Милане на севере Италии. Позднее Родари редактировал журнал «Пионер», на страницах которого была напечатана его сказка «Приключения Чиполлино». Сказку перевели на многие иностранные языки. В нашей стране по этой сказке был создан полюбившийся юным зрителям мультипликационный фильм. Популярными у читателей разных стран стали написанные позднее «Сказки по телефону», сказочные повести «Путешествие Голубой стрелы» и «Джельсомино в стране лжецов». Творчество Джанни Родари получило мировое признание, ему была вручена высшая награда для детских писателей — Международная премия имени Ханса Кристиана Андерсена.

Благодаря замечательным переводам Самуила Яковлевича Маршака широко известны в нашей стране стихотворения Джанни Родари («Чем пахнут ремёсла?», «Какого цвета ремёсла?» и др., вошедшие в книги «Поезд стихов», «Книга городов»).

Кроме сказок и стихов, Джанни Родари писал и фантастические рассказы. С одним из них — «Сиренида» — предлагаем вам познакомиться.

СИРЕНИДА

Лео окинул взглядом небо и океан — никаких следов его экспедиции, не видно и ракеты-амфибии.

«Оставляю в лодке записку, чтобы не подумали, что я утонул», — решил он. Написав записку, он надел шлем для защиты от глубоководного давления, укрепил на спине баллон с кислородом и прыгнул в воду.

— Для чего всё это? — услышал он вопрос Ноа. — Разве ты не можешь дышать под водой?

— Конечно, нет.

— Вот как, а мы, наоборот, не способны дышать над водой.

Меа велела Лео ухватиться за какую-то ручку, тронула какие-то рычаги, и подводная лодка рванулась прямо в пучину. Лео прикинул, что за какие-то несколько минут они опустились по крайней мере на пять тысяч метров. Внизу показались огни большого города. Отчётливо были видны ярко освещённые бульвары, площади и даже окна домов.

— Это Моан, — сказала одна из девушек, но он даже не заметил, кто именно, так как был захвачен удивительным зрелищем подводного города.

Вскоре рядом появилось ещё несколько таких же открытых подводных лодок. Люди, сидевшие в них, одетые в сиреневые комбинезоны, цвета воды на поверхности океана, с этой минуты не спускали с них глаз.

— Это как же понять — меня взяли в плен? — сердито спросил Лео. — Вы заманили меня, а полиция схватит и не пустит наверх?

— Не говори глупости, — ответила Ноа. — Мы обнаружили тебя, и наш отец, известный учёный, приглашает тебя в гости. А полицейские всего-навсего хотят посмотреть на тебя. Им же интересно. Не каждый день у нас земляне.

— Откуда вы знаете, что я землянин?

— Мы читаем мысли. Ты что, забыл? Мы знаем всё — и про экспедицию, и про бурю. К сожалению, мы были не в силах спасти твоих друзей. Ты один остался в живых. И, несмотря на всё, я тебе нравлюсь — твои мысли говорят об этом. Ну, вот мы и дома. Папа встречает нас.

И в самом деле, у небольшого домика стояла группа людей. Наверное, учёный — это тот высокий лысый человек

«Сиренида». Художник О. Попович

у дверей, что поглаживает какую-то крупную рыбину, а та ласково трётся о его руку.

— Добро пожаловать, синьор Лео! Позвольте представиться — профессор Борго, ихтиолог. Я изучаю жизнь, нравы и обычаи рыб.

— Очень приятно. Благодарю за приглашение.

Когда все вышли из машины, Лео поплыл — не так легко и изящно, как девушки, но всё же благодаря тренировкам (он регулярно занимался подводной охотой) выглядел вполне прилично. Он вошёл, вернее, вплыл в дом Борго, сел на диван, утонув в подушках, которые, должно быть, были набиты водорослями, и с любопытством осмотрелся вокруг.

— Вижу, вы удивлены, — мысленно произнёс Борго.

— Ещё бы! Я впервые столкнулся с подводной цивилизацией. У нас в воде обитают одни рыбы.

— Э, нет! — рассмеялся профессор. — Вы не впервые встречаетесь с нашей цивилизацией. Припомните-ка сирен из «Одиссеи»...

— Сирен? Русалок — наполовину женщин с рыбьим хвостом? Но это же мифы. Русалки встречаются только в сказках...

— Не сказал бы... Надобно вам заметить, что много тысячелетий назад на нашей планете разразилась ужасная война...

— Подводная, разумеется.

— Естественно. И народ, потерпевший поражение, вынужден был покинуть планету. Люди переправились через космическое пространство в летающих аквариумах. Вообразите себе звездолёт вроде вашего, но только заполненный водой. И нашли они пристанище в тёплых водах Средиземного моря у берегов Греции и Италии.

— Выходит, Одиссей действительно видел сирен?

— Да, древние греки встречались с нашими сиренианками. Они, конечно, не могли рассмотреть в воде хвостов по той простой причине, что у них хвостов не было, но греки вообразили их. Древние, вы же знаете, были скорее поэтами, нежели учёными. Ну, а через несколько веков на нашей планете настолько возросла цивилизация, что всякие войны прекратились навсегда. И мы вспомнили об изгнанниках, оказавшихся на Земле, и вернули их. Они охотно возвратились на Сирениду, потому что от отца к сыну передавали любовь к своей древней отчизне... И должен вам сказать, моя семья происходит именно от таких изгнанников. Мы прежде жили у берегов Сицилии, в воде, и очень возможно, что одна из сирен, которых встретил Одиссей, была моей прапрапрабабушкой...

— Но сирены могли выходить на берег, дышали воздухом...

— Это не совсем так. Они могли ненадолго нырнуть в воздух, так же как вы ныряете в воду, потом мы изобрели специальный аппарат, с помощью которого можем дышать воздухом.

Вслед за этой беседой с профессором Борго последовало много других. Лео показали Моан и другие подводные города. Он встречался с сиренианскими учёными и присутствовал на празднествах, которые устраивались в его честь. У сиренианцев были большие запасы кислорода — они использовали его для очистки воды. И Лео, когда нужно, мог без труда пополнить свой кислородный баллон.

Между тем его чувства раздваивались. С одной стороны, он хотел вернуться на Землю, к родным и друзьям, рассказать об увиденных чудесах. С другой, он не мог расстаться

с Ноа, такой славной и весёлой. Вот бы жениться на ней и навсегда остаться в прозрачных и гостеприимных водах Сирениды... Мечтать об этом было мучительно больно.

Профессор Борго нашёл выход.

— Женитесь, — сказал он молодым людям, — и отправляйтесь на Землю. Наш Совет мудрецов считает, что таким образом лучше всего можно установить контакты между людьми нашей планеты и землянами. Представляете, только познакомились и уже родственники... Немного поживёте на Земле, а потом опять к нам, тоже ненадолго. Возможно, и земляне захотят научиться жить в воде... Как вы думаете?

Лео и Ноа согласились. Даже фейерверк устроили под водой. Но не спрашивайте, каким образом. Рыбы подплывали поближе, чтобы полюбоваться молодыми. Они кружились возле жениха и невесты, сопровождая свадебное шествие. А потом небольшой «летающий аквариум» переправил молодожёнов на Землю. Выйдя из аквариума, Лео снял наконец кислородную маску. Но теперь пришлось Ноа надеть свою маску. Не будем описывать, как удивлялись им люди, не скажем ничего о заголовках в газетах, интервью на телевидении, о встречах с учёными и членами правительства. Всё это нетрудно себе представить.

Лео и Ноа поселились в маленьком доме на окраине Рима. В саду устроили небольшой бассейн, где Ноа могла проводить несколько часов без маски. И в самом доме, в одной из гостиных, тоже был бассейн, и Ноа, чтобы доставить удовольствие гостям, входила в него, сняв маску. Она показывала, что сирениане могут дышать в воде, как рыбы.

Тем временем между Землёй и Сиренидой установились постоянные связи. С одной планеты на другую прилетали туристы, учёные, гости.

За несколько дней до годовщины свадьбы Ноа захотела слетать на родину. Всего на несколько дней, повидать сестёр. Лео обрадовался. «А я за это время смогу спокойно подготовить свой сюрприз, и она ничего не заметит», — подумал он.

Когда Ноа должна была вернуться на Землю, Лео не поехал ей навстречу в звездопорт, а остался дома. Точнее — в бассейне. И — без маски, без кислородных баллонов! Это и был его сюрприз. Тайком от Ноа он с группой учёных работал над специальным клапаном, который позволял

землянам находиться под водой без маски сколько угодно долго. И Лео хотел первым вшить в плечо этот клапан.

Ноа влетела в дом весёлая и стремительная, словно порыв ветра. Увидела Лео в бассейне и рассмеялась. И Лео тоже рассмеялся... Потому что Ноа стояла посреди комнаты — на воздухе — без своей маски. Она могла дышать воздухом, как земляне. Для этого она и летала на Сирениду, где учёные тоже придумали клапан, позволяющий сиренидам дышать над водой!

Лео вышел из бассейна и крепко обнял Ноа. Оба были счастливы, что позаботились об одном и том же, что сделали друг другу одинаковый подарок.

— Я теперь как ты, а ты как я...

А вместе они стали чем-то таким, чем прежде никогда не были. Такое всегда случалось и всегда будет случаться.

Размышляет о прочитанном

1. Вы прочитали рассказ Джанни Родари «Сиренида». Определите его жанровую разновидность.
2. Чем рассказ «Сиренида» похож на фольклорную сказку и чем от неё отличается? Дайте развёрнутый ответ.
3. Происходящее в фантастических рассказах чаще всего обращено в будущее, а в «Сирениде» говорится и о давно прошедших временах. Чем обращение к античным мифам, к поэме Гомера, украсило рассказ?
4. Как вы думаете, почему сюрпризы у героев рассказа оказались схожими, почему они «сделали друг другу одинаковый подарок»?

Творческое задание

«Лео показали Моан и другие подводные города. Он встречался с сиренианскими учёными и присутствовал на празднествах, которые устраивались в его честь», — читаем мы в рассказе. Но о празднествах лишь упоминается. Вообразите себя писателями-фантастами, придумайте и опишите, какими могли бы быть праздники под водой.

Рэй Дуглас

Брэдбери

1920—2012

Р. Д. Брэдбери — американский писатель-фантаст, автор романов и рассказов, получивших широкую известность. Начал писать с 1943 года, публиковался в периодических изданиях. Первый сборник рассказов вышел в 1947 году. Репутацию мастера научной фантастики Брэдбери принесли «Марсианские хроники», где рассказывается о космической войне близкого будущего. События отнесены к 1999—2026 годам. Земляне посягают на завоевание Марса. Для земной цивилизации, переживающей необратимый кризис, эта война завершается полной катастрофой. Атомные взрывы опустошили материки. Уже в этом произведении, как и в последовавшем за ним романе «451° по Фаренгейту», проявились характерные особенности прозы этого автора: соединение фантастики с острым социальным критицизмом, аргументируемое спецификой современной ситуации предвидение будущего. 451° (по шкале Фаренгейта) — это температура, при которой горит бумага. Речь в романе идёт о сжигании книг, о запрете на свободу слова, о гибели культуры в условиях тоталитарного режима. Центральный персонаж романа — «пожарный», человек, сжигающий книги. Насаждается интеллектуальный стандарт; людей, читающих книги, объявляют сумасшедшими. Культивируется тип человека, утратившего своё лицо, свою неповторимость. Вместо него появляется манекен, бездуховное существо, прочными узами связанное с экраном телевизора — источником всех его представлений о происходящем. Именно такая ситуация подмены живого существа, подлинной жизни бездушным механизмом, роботом возникает во многих рассказах Брэдбери («Вельд», «Превращение»).

При всей горькой остроте содержащихся в ней откровений проза Брэдбери поэтична. В его рассказах и романах звучат предо-

стережения, обращённые к людям, страх за их будущее, боль и печаль, редко — надежда. Возникают картины опустошённой Земли, высохших водоёмов, одиночества тех, кто случайно остался в живых (рассказ «Каникулы»). Брэдбери исполнен сострадания к людям, он любит их, что рождает лиризм его прозы.

Н. П. Михальская

Радость писать

Пыл. Увлечённость. Как редко приходится слышать эти слова. Как редко встречается то и другое в жизни и даже в творчестве. И всё же, попроси меня любой писатель назвать самое главное в нём как в писателе, попроси назвать то, что побуждает его придавать материалу ту, а не другую форму и несёт его туда, куда он хочет попасть, ответом ему будет: твой пыл, твоя увлечённость.

У каждого из вас свои любимые писатели, у меня свои: Диккенс, Марк Твен, Томас Вулф, Пикок, Бернард Шоу, Мольер, Бен Джонсон, Уичерли, Сэм Джонсон. Поэты: Джерард Мэнли Хопкинс, Дилан Томас, Поп. Художники: Эль Греко, Тинторетто. Композиторы: Моцарт, Гайдн, Равель, Иоганн Штраус (!). Задумайтесь о любом из них, и вы задумаетесь о сильной или слабой, но увлечённости, страсти, жажде. Задумайтесь, например, о Шекспире или Мелвилле, и вы будете думать о ветре, молнии, громе. Все, кого я назвал, творили увлечённо, одни в больших, другие в малых формах, одни на полотнах ограниченных, другие — на безграничных. Дети богов, они знали, что такое радость творчества, как бы трудно ни бывало временами работать и какими бы недугами ни страдала их частная, скрытая от других жизнь. Подлинно значимое из созданного их душой и руками они передали дальше, нам, и даже теперь, для нас, творения их до предела переполнены звериной силой и интеллектуальной мощью. Ненависть и отчаянье творца, когда он нам о них рассказывает, всегда окрашены чем-то очень похожим на любовь...

Лучший джаз заявляет: «Буду жить вечно; я не верю в смерть».

Лучшая скульптура, вроде головы Нефертити, повторяет снова и снова: «Та, что прекрасна, пришла сюда и осталась здесь навсегда».

Каждый из названных мной сумел схватить капельку этой ртути жизни, заморозил её навеки и, воспламенившись творческим пламенем, показал на неё и воскликнул: «Ну, не хорошо ли это?» И это было хорошо.

Вы спросите: какое отношение имеет всё это к работе писателя над рассказами в наши дни? А вот какое: если вы пишете без увлечённости, без горения, без любви, вы только половина писателя. Это означает, что вы непрестанно оглядываетесь на коммерческий рынок или прислушиваетесь к мнению авангардистской элиты и поэтому не можете оставаться самим собой. Больше того — вы сами себя не знаете. Ибо прежде всего у писателя должно быть беспокойное сердце. Писателя должно лихорадить от волнения и восторга. Если этого нет, пусть работает на воздухе, собирает персики или роет канавы; Бог свидетель, для здоровья эти занятия полезней.

Как давно написали вы рассказ, где проявляется ваша искренняя любовь или подлинная ненависть? Когда в последний раз вы набрались смелости и выпустили на страницы своей рукописи хищного зверя? Что в вашей жизни лучшее и что худшее и когда наконец вы то и другое прокричите или прошепчете?

Когда в последний раз вы, как я, написали рассказ просто из возмущения?

Но хватит о злости и раздражении — как насчёт любви? Что вы больше всего на свете любите? Я говорю про вещи, маленькие или большие. Может, трамвай или пару теннисных туфель? Давным-давно, когда мы были детьми, эти вещи были для нас волшебными. В прошлом году я напечатал рассказ о том, как мальчик в последний раз едет в трамвае. Трамвай пахнет летними грозами и молниями, сиденья в нём точно поросли прохладным зелёным мхом, но он обречён уступить место более прозаическому, менее романтично пахнущему автобусу. Был и другой рассказ, о мальчишке, которому хочется иметь пару новых теннисных туфель, потому что в них он сможет прыгать через реки, дома и улицы и даже через кусты, тротуары и собак. Антилопы и газели, мчащиеся летом по африканскому вельду, — вот что такое для него эти туфли. В них скрыта энергия бурных рек и гроз; они, эти теннисные туфли, нужны ему непременно, нужны больше всего на свете.

И вот мой рецепт, он совсем простой. Что вам нужней всего? Что вы любите и что ненавидите? Придумайте кого-нибудь похожего, например, на вас, кто всем сердцем чего-то хочет или не хочет. Пусть он приготовится к бегу. Потом дайте старт. И — следом, не отставая ни на шаг. Вы и оглянуться не успеете, как ваш герой с его великой любовью или ненавистью домчит вас до конца рассказа. Пыл его страстей (а пыл есть не только в любви, но

и в ненависти) воспламенит всё вокруг него и поднимет на тридцать градусов температуру вашей пишущей машинки.

Всё это я адресую в первую очередь писателям, которые уже овладели ремеслом, то есть вложили в себя достаточно грамматики и литературных знаний, чтобы на бегу не споткнуться. Совет этот, однако, годится и для начинающего, чьи шаги могут быть неверными просто из-за плохой техники. Страсть часто выручает даже в таких случаях.

История любого рассказа должна, таким образом, читаться как сообщение о погоде: сегодня холодно, завтра жарко. Сегодня во второй половине дня подожди дом. Завтра вылей холодную воду критики на ещё тлеющие угли. Завтра будет время думать, кромсать и переписывать, но сегодня взорвись, разлетись осколками во все стороны, распадись на мельчайшие частицы! Последующие шесть-семь черновиков будут настоящей пыткой. Так почему не насладиться первым в надежде, что ваша радость отыщет в мире и других, кто, читая этот рассказ, зажжётся вашим пламенем тоже?

В космосе литературы, куда ни глянь, великие с головой ушли в любовь и ненависть. А как в вашем творчестве, осталось в нём место для таких старомодных вещей, как ненависть и любовь? Если нет, то сколько радости мимо вас проходит! Радости сердиться и разочаровываться, радости любить и быть любимым, радости трогать других и самому испытывать трепет от этого бала-маскарада, который несёт нас, кружа, от колыбели до могилы. Жизнь коротка, страдания неисчерпаемы, смерть неизбежна. Но, отправляясь в путь, может быть, стоит взять с собой эти два воздушных шарика, на одном из которых написано *Пыл*, а на другом — *Увлечённость*.

Р. Д. Брэдли

Проверьте себя

1. Что нового о Р. Брэдли вы узнали из статьи известного специалиста по англо-американской литературе Н. П. Михальской?
2. В чём старался убедить читателя Р. Брэдли? Часто ли вы, «отправляясь в путь», берёте с собой «два воздушных шарика» — *Пыл* и *Увлечённость*? Подготовьте развёрнутый устный ответ на этот вопрос.

КАНИКУЛЫ

День был свежий — свежестью травы, что тянулась вверх, облаков, что плыли в небесах, бабочек, что опускались на траву. День был соткан из тишины, но она вовсе не была немой, её создавали пчёлы и цветы, суша и океан, всё, что двигалось, порхало, трепетало, вздымалось и падало, подчиняясь своему течению времени, своему неповторимому ритму. Край был недвижим, и всё двигалось. Море было беспокойно, и море молчало. Парадокс¹, сплошной парадокс: безмолвие срасталось с безмолвием, звук со звуком. Цветы качались, и пчёлы маленькими каскадами золотого дождя падали на клевер. Волны холмов и волны океана, два рода движения, были разделены железной дорогой, пустынной, сложенной из ржавчины и стальной сердцевины, дорогой, по которой, сразу видно, много лет не ходили поезда. На тридцать миль к северу она тянулась, петляя, потом терялась в мгlistых далях; на тридцать миль к югу пронизывала острова летучих теней, которые на глазах смещались и меняли свои очертания на склонах далёких гор. Неожиданно рельсы задрожали.

Сидя на путях, одинокий дрозд ощутил, как рождается мерное слабое биение, словно где-то, за много миль, забились чьё-то сердце. Чёрный дрозд взмыл над морем.

Рельсы продолжали тихо дрожать, и наконец из-за поворота показалась, вдоль по берегу пошла небольшая дрезина², в великом безмолвии зафыркал и зарокотал двухцилиндровый мотор.

На этой маленькой четырёхколёсной дрезине, на обращённой в две стороны двойной скамейке, защищённые от солнца небольшим тентом, сидели мужчина, его жена и семилетний сынишка. Дрезина проходила один пустынный участок за другим, ветер бил в глаза и развевал волосы, но все трое не оборачивались и смотрели только вперёд.

¹ *Парадокс* (от греч. *paradoxos* — неожиданный, странный) — неожиданное, непривычное, расходящееся с традицией утверждение, рассуждение или вывод.

² *Дрезина* — тележка, передвигающаяся по рельсам. Используется работниками железной дороги для осмотра железнодорожного полотна.

Иногда, на выходе из поворота, глядели нетерпеливо, иногда печально, и всё время насторожённо — что дальше?

На ровной прямой дороге мотор вдруг закашлялся и смолк. В сокрушительной теперь тишине казалось — это покой, излучаемый морем, землёй и морем, землёй и небом, затормозил и пресёк вращение колёс.

— Бензин кончился.

Мужчина, вздохнув, достал из узкого багажника запасную канистру и начал переливать горючее в бак.

Его жена и сын тихо глядели на море, слушали приглушённый гром, шёпот, слушали, как раздвигается могучий занавес из песка, гальки, зелёных водорослей, пены.

— Море красивое, правда? — сказала женщина.

— Мне нравится, — сказал мальчик.

— Может быть, заодно сделаем привал и поедим?

Мужчина навёл бинокль на зелёный полуостров вдали.

— Давайте. Рельсы сильно изъело ржавчиной. Впереди путь разрушен. Придётся ждать, пока я исправлю.

— Сколько лопнуло рельсов, столько привалов! — сказал мальчик.

Женщина попыталась улыбнуться, потом перевела свои серьёзные, пытливые глаза на мужчину.

— Сколько мы проехали сегодня?

— Неполных девяносто миль. — Мужчина всё ещё напряжённо глядел в бинокль. — Больше, по-моему, и не стоит проходить в день. Когда гонишь, не успеваешь ничего увидеть. Послезавтра будем в Монтерее, на следующий день, если хочешь, в Пало-Альто¹.

Женщина развязала ярко-жёлтые ленты широкополой соломенной шляпы, сняла её с золотистых волос и, покрытая лёгкой испариной, отошла от машины. Они столько ехали без остановки на трясучей дрезине, что всё тело пропиталось её ровным ходом. Теперь, когда машина остановилась, было какое-то странное чувство, словно с них сейчас снимут оковы.

— Давайте есть!

Мальчик бегом отнёс корзинку с припасами на берег.

Мать и сын уже сидели перед расстеленной скатертью, когда мужчина спустился к ним; на нём был строгий ко-

¹ *Монтерей, Пало-Альто* — небольшие города в штате Калифорния, США.

стюм с жилетом, галстук и шляпа, как будто он ожидал кого-то встретить в пути. Раздавая сэндвичи и извлекая маринованные овощи из прохладных зелёных баночек, он понемногу отпускал галстук и расстёгивал жилет, всё время озираясь, словно готовый в любую секунду опять застегнуться на все пуговицы.

— Мы одни, папа? — спросил мальчик, не переставая жевать.

— Да.

— И больше никого, нигде?

— Больше никого.

— А прежде на свете были люди?

— Зачем ты всё время спрашиваешь? Это было не так уж давно. Всего несколько месяцев. Ты и сам помнишь.

— Плохо помню. А когда нарочно стараюсь припомнить, и вовсе забываю. — Мальчик просеял между пальцами горсть песка. — Людей было столько, сколько песка тут, на пляже? А что с ними случилось?

— Не знаю, — ответил мужчина, и это была правда.

В одно прекрасное утро они проснулись — и мир был пуст. Висела бельевая верёвка соседей, и ветер трепал ослепительно-белые рубашки, как всегда, поутру блестели машины перед коттеджами, но не слышно ничьего «до свиданья», не гудели уличным движением мощные артерии города, телефоны не вздрагивали от собственного звонка, не кричали дети в чаще подсолнечника.

Лишь накануне вечером он сидел с женой на террасе, когда принесли вечернюю газету, и, даже не развёртывая её, не глядя на заголовки, сказал:

— Интересно, когда мы ему осточертеем и он всех нас выметет вон?

— Да, до чего дошло, — подхватила она. — И не останавлишь. Как же мы глупы, правда?

— А замечательно было бы... — Он раскурил свою трубку. — Проснуться завтра, и во всём мире ни души, начинать всё сначала!

Он сидел и курил, в руке сложенная газета, голова откинута на спинку кресла.

— Если бы можно было сейчас нажать такую кнопку, ты бы нажал?

— Наверное, да, — ответил он. — Без насилия. Просто всё исчезнет с лица земли. Оставить землю и море, и всё, что растёт, — цветы, траву, плодовые деревья. И животные тоже пусть остаются. Всё оставить, кроме человека, который охотится, когда не голоден, ест, когда сыт, жесток, хотя его никто не задевает.

— Но мы-то должны остаться. — Она тихо улыбнулась.

— Хорошо было бы. — Он задумался. — Впереди — сколько угодно времени. Самые длинные каникулы в истории. И мы с корзиной припасов, и самый долгий пикник. Только ты, я и Джим. Никаких сезонных билетов. Не нужно тянуться за Джонсами. Даже автомашины не надо. Придумать какой-нибудь другой способ путешествовать, старинный способ. Взять корзину с сэндвичами, три бутылки шипучки, дальше, как понадобится, пополнять запасы в безлюдных магазинах в безлюдных городах, и впереди нескончаемое лето...

Долго они сидели молча на террасе, их разделяла свёрнутая газета.

Наконец она сказала:

— А нам не будет одиноко?

Вот каким было утро нового мира. Они проснулись и услышали мягкие звуки земли, которая теперь была просто-напросто лугом, города тонули в море травы-муравы, ноготков, маргариток, вьюнков. Сперва они приняли это удивительно спокойно, должно быть, потому, что уже столько лет не любили город, и позади было столько мнимых друзей, и была замкнутая жизнь в уединении, в механизированном улье.

Муж встал с кровати, выглянул в окно и спокойно, словно речь шла о погоде, заметил:

— Все исчезли.

Он понял это по звукам, которых город больше не издавал.

Они завтракали не торопясь, потому что мальчик ещё спал, потом муж выпрямился и сказал:

— Теперь мне надо придумать, что делать.

— Что делать? Как... разве ты не пойдёшь на работу?

— Ты всё ещё не веришь, да? — Он засмеялся. — Не веришь, что я не буду каждый день выскакивать из дому

в десять минут девятого, что Джиму больше никогда не надо ходить в школу. Всё, занятия кончились, для всех нас кончились! Больше никаких карандашей, никаких книг и кислых взглядов босса! Нас отпустили, милая, и мы никогда не вернёмся к этой дурацкой, проклятой, нудной рутине¹. Пошли!

И он повёл её по пустым и безмолвным улицам города.

— Они не умерли, — сказал он. — Просто... ушли.

— А другие города?

Он зашёл в телефонную будку, набрал номер Чикаго, потом Нью-Йорка, потом Сан-Франциско.

Молчание. Молчание. Молчание.

— Всё, — сказал он, вешая трубку.

— Я чувствую себя виноватой, — сказала она. — Их нет, а мы остались. И радуюсь. Почему? Ведь я должна горевать.

— Должна? Никакой трагедии нет. Их не пытали, не жгли, не мучили. Они исчезли и не почувствовали этого, не узнали. И теперь мы ни перед кем не обязаны. У нас одна обязанность — быть счастливыми. Тридцать лет счастья впереди, разве плохо?

— Но... но тогда нам нужно заводить ещё детей!

— Чтобы снова населить мир? — Он медленно, спокойно покачал головой. — Нет. Пусть Джим будет последним. Когда он состарится и умрёт, пусть мир принадлежит лошадям и коровам, бурундукам и паукам. Они без нас не пропадут. А потом когда-нибудь другой род, умеющий сочетать естественное счастье с естественным любопытством, построит города, совсем не такие, как наши, и будет жить дальше. А сейчас уложим корзину, разбудим Джима и начнём наши тридцатилетние каникулы. Ну, кто первым добежит до дома?

Он взял с маленькой дрезины кувалду, и, пока он полчаса один исправлял ржавые рельсы, женщина и мальчик побежали вдоль берега. Они вернулись с горстью влажных ракушек и чудесными розовыми камешками, сели, и мать стала учить сына, и он писал карандашом в блок-

¹ *Рутинa* — нечто скучное, повседневное, повторяющееся раз за разом, но необходимое.

ноте домашнее задание, а в полдень к ним спустился с насыпи отец, без пиджака, без галстука, и они пили апельсиновую шипучку, глядя, как в бутылках, теснясь, рвутся вверх пузырьки. Стояла тишина. Они слушали, как солнце настраивает старые железные рельсы. Солёный ветер разносил запах горячего дёгтя от шпал, и мужчина легонько постукивал пальцами по своему карманному атласу.

— Через месяц, в мае, доберёмся до Сакраменто, оттуда двинемся в Сиэтл. Пробудем там до первого июля, июль хороший месяц в Вашингтоне, потом, как станет холоднее, обратно, в Йеллоустон, несколько миль в день, здесь поохотимся, там порыбачим...

Мальчику стало скучно, он отошёл к самой воде и бросал палки в море, потом бегал за ними, изображая учёную собаку.

Отец продолжал:

— Зимуем в Таксоне, в самом конце зимы едем во Флориду, весной — вдоль побережья, в июне попадём, скажем, в Нью-Йорк. Через два года лето проводим в Чикаго. Через три года — как ты насчёт того, чтобы провести зиму в Мехико-Сити? Куда рельсы приведут, куда угодно, и если нападём на совсем неизвестную старую ветку — превосходно, поедем по ней до конца, посмотрим, куда она ведёт. Когда-нибудь, честное слово, пойдём на лодке вниз по Миссисипи, я об этом давно мечтал. На всю жизнь хватит, не маршрут — находка...

Он смолк. Он хотел уже захлопнуть атлас неловкими руками, но что-то светлое мелькнуло в воздухе и упало на бумагу. Скатилось на песок, и получился мокрый комочек.

Жена глянула на влажное пятнышко и сразу перевела взгляд на его лицо. Серьёзные глаза его подозрительно блестели. И по одной щеке тянулась влажная дорожка.

Она ахнула. Взяла его руку и крепко сжала.

Он стиснул её руку и, закрыв глаза, через силу заговорил:

— Хорошо, правда, если бы мы вечером легли спать, а ночью всё каким-то образом вернулось на свои места. Все нелепости, шум и гам, ненависть, все ужасы, все кошмары, злые люди и бестолковые дети, вся эта катавасия, мелочность, суета, все надежды, чаяния и любовь. Правда, было бы хорошо?

Она подумала, потом кивнула. И тут оба вздрогнули.

Потому что между ними (когда он пришёл?), держа в руке бутылку из-под шипучки, стоял их сын.

Лицо мальчика было бледное. Свободной рукой он коснулся щеки отца, там, где оставила след слезинка.

— Ты... — сказал он и вздохнул. — Ты... Папа, тебе тоже не с кем играть.

Жена хотела что-то сказать.

Муж хотел взять руку мальчика. Мальчик отскочил назад.

— Дураки! Дураки! Глупые дураки! Болваны вы, болваны! Сорвался с места, сбежал к морю и, стоя у воды, залился слезами.

Мать хотела пойти за ним, но отец её удержал:

— Не надо. Оставь его.

Тут же оба оцепенели. Потому что мальчик на берегу, не переставая плакать, что-то написал на клочке бумаги, сунул клочок в бутылку, закупорил её железным колпачком, взял покрепче, размахнулся — и бутылка, описав крутую блестящую дугу, упала в море.

«Что, — думала она, — что он написал на бумажке? Что там, в бутылке?»

Бутылка плыла по волнам.

Мальчик перестал плакать.

Потом он отошёл от воды и остановился около родителей, глядя на них; лицо не просветлевшее, не мрачное, не живое, не убитое, не решительное, не отрешённое, а какая-то причудливая смесь, словно он примирился со временем, стихиями и этими людьми. Они смотрели на него, смотрели дальше, на залив и затерявшуюся в волнах светлую искорку — бутылку, в которой лежал клочок бумаги с каракулями.

«Он написал наше желание? — думала женщина. — Написал то, о чём мы сейчас говорили, нашу мечту?»

Или написал что-то своё, пожелал для себя одного, чтобы проснуться завтра утром — и он один в безлюдном мире, больше никого, ни мужчины, ни женщины, ни отца, ни матери, никаких глупых взрослых с их глупыми желаниями, подошёл к рельсам и сам, в одиночку, повёл дрезину через одичавший материк, один отправился в нескончаемое путешествие, и где захотел — там и привал.

Это или не это? Наше или своё?..

Она долго глядела в его лишённые выражения глаза, но не прочла ответа, а спросить не решилась.

Тени чаек парили в воздухе, осеняя их лица мимолётной прохладой.

— Пора ехать, — сказал кто-то.

Они поставили корзину на платформу. Женщина покрепче привязала шляпу к волосам жёлтой лентой, ракушки сложили кучкой на доски, муж надел галстук, жилет, пиджак и шляпу, и все трое сели на скамейку, глядя в море, — там, далеко, у самого горизонта, поблёскивала бутылка с запиской.

— Если попросить — исполнится? — спросил мальчик. — Если загадать — сбудется?

— Иногда сбывается... даже чересчур.

— Смотри чего ты просишь.

Мальчик кивнул, мысли его были далеко. Они посмотрели назад, откуда приехали, потом вперёд, куда предстояло ехать.

— До свиданья, берег, — сказал мальчик и помахал рукой.

Дрезина покатила по ржавым рельсам. Её гул затих и пропал. Вместе с ней вдали, среди холмов, пропали женщина, мужчина, мальчик.

Когда они скрылись, рельсы минуты две тихонько дребезжали, потом смолкли. Упала ржавая чешуйка. Кивнул цветок.

Море сильно шумело.

Размышляем о прочитанном

1. Внимательно прочитайте рассказ «Каникулы» и подумайте, о чём, сочетая фантастику и реальность, хочет рассказать нам автор, о чём предупредить.
2. Брэдбери рисует картину мира, из которого несколько месяцев назад ушли люди. Что заставило их уйти? Что же происходит с оставшимися? Можно ли быть счастливыми без людей и без привычных дел?
3. О каком мире мечтают отец и мать из этой маленькой семьи? Как строят они свои жизненные планы? Почему заплакал муж и пожелал вернуть всё назад: и людей, и суету, и работу, и надежды, и чаяния, и любовь?

4. Как вы думаете, о чём написал мальчик в записке? Почему мать боялась, что в записке сына не их мечта?
5. Как вы определите смысл названия рассказа? Что волнует писателя и от чего предостерегают людей его произведения?
6. Что Рэй Брэдбери считает самым главным для писателя? В чём он видит «радость писать»?

Учимся читать выразительно

Прочитайте рассказ вслух. Почему вокруг была такая странная тишина: «Море было беспокойно, и море молчало»? Почему железная дорога была сложена «из ржавчины»? Почему, наконец, путь был разрушен?

Постарайтесь при чтении передать ощущение пугающей тишины.

Творческое задание

«Одно или два произведения перейдут в следующий век... Я так говорю, потому что вижу, как относятся к моим книгам сегодняшние дети — они любят их не меньше, чем дети прежних десятилетий. Это важнее всего», — писал Рэй Брэдбери. Согласны ли вы с писателем? Любите ли вы его произведения? Чем интересны его жизнь и творчество?

Подготовьте сочинение-эссе, в котором содержится ответ на этот вопрос.

Справочный раздел

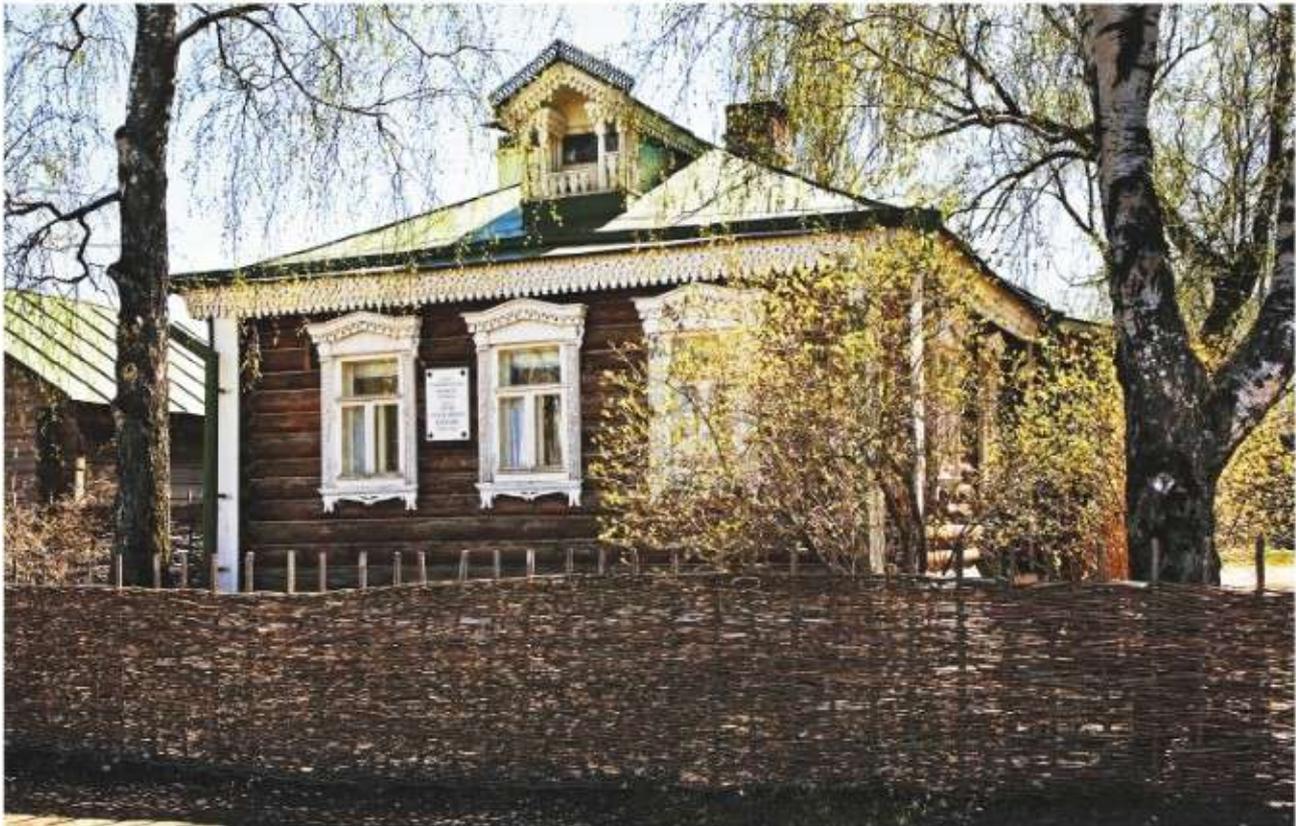
ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕСТА РОССИИ

С. А. Есенин

Село Константиново

(Рязанская область)

Константиново — родина великого русского поэта Сергея Александровича Есенина. Здесь он родился 3 октября 1895 года. Первые три года Сергей жил в доме бабушки Аграфены Панкратовны Есениной, а затем у деда по материнской линии Фёдора Андреевича Титова. «Оглядываясь на весь пройденный путь, — запишет

Дом родителей С. А. Есенина в селе Константинове

Памятник С. А. Есенину в Рязани.
Скульптор А. Кибальников. 1975 г.

в 1921 году слова Есенина профессор И. Н. Розанов, — я всё-таки должен сказать, что никто не имел для меня такого значения, как мой дед. Ему я больше всего обязан. Это был удивительный человек. Яркая личность, широкая натура, „умственный мужик“».

В доме деда в пять лет Сергей научился читать. Вместе с бабушкой Есенин совершает паломничества в соседние монастыри. В песенном селе Константиново он знакомится с частушками, сказаниями, легендами, сказками. «Влияние на моё творчество в самом начале имели деревенские частушки», — вспоминал поэт.

Красота неброской среднерусской природы, берёзовых рощ, заливных приокских лугов узнаётся и в первых юношеских стихотворениях поэта («Вот уж вечер. Роса...», «Там, где капустные грядки...», «Берёза» и др.), и в стихах последних лет жизни: «Как бы ни был красив Шираз, / Он не лучше рязанских раздолий...»

В наши дни в Константиново, в музей-заповедник, едут многочисленные поклонники поэзии Сергея Есенина, чтобы посетить «низкий дом с голубыми ставнями», в котором жили Есенины, побывать

в школе, в которой учился будущий поэт, познакомиться с экспозицией литературного музея, испытать чувство радости, стоя на высоком берегу Оки, откуда открывается широкая панорама лугов, полей, лесов так любимой поэтом Родины.

Сайт музея в Интернете: <http://gotourl.ru/15516>

В. М. Шукшин

Село Сrostки

(Бийский район Алтайского края)

Алтайское село Сrostки — родина замечательного писателя, актёра и кинорежиссёра Василия Макаровича Шукшина. Сейчас это одно из мест литературного паломничества — сюда приезжают почитатели творчества писателя со всей России. В 1992 году в Сrostках открыт Историко-мемориальный музей-заповедник В. М. Шук-

Дом-музей В. М. Шукшина в селе Сrostки

Памятник В. М. Шукшину на горе Пикет
у села Сростки. *Скульптор В. Клыков. 2004 г.*

шина. В состав заповедника входят дом матери писателя (дом был куплен для неё сыном на гонорар за издание романа «Любавины») и здание бывшей школы, где учился, а позднее работал учителем Шукшин. В здании школы размещается экспозиция, посвящённая жизни и творчеству писателя.

Ежегодно 25 июля, в день рождения писателя, в Сростках проводятся Шукшинские чтения, конференции, посвящённые его творчеству.

В 2004 году, в 75-летний юбилей писателя, недалеко от села, на горе Пикет, был открыт памятник В. М. Шукшину, созданный скульптором В. М. Клыковым.

Сайт музея в Интернете: <http://gotourl.ru/15517>

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Аллего́рия (*гр.* allegoria, allos — иной и agoreuo — говорю) — иносказательное изображение предмета или явления с целью наглядно показать его существенные черты. Часто аллегория лежит в основе загадки: «Красна девица сидит в темнице, а коса на улице», пословицы: «Чем дальше в лес, тем больше дров», басни.

Аллитера́ция (*лат.* littera — буква) — повторение однородных согласных звуков, придающее тексту особую выразительность: «По корням упругим топор застучал».

Амфибра́хий (*гр.* amphí — кругом, brachys — краткий) — трёхсложный размер стиха с ударением на втором слоге (— — —): «В песчаных степях аравийской земли...» (М. Ю. Лермонтов. «Три пальмы»).

Ана́пест (*гр.* anapaistos — отражённый назад) — трёхсложный размер стиха с ударением на третьем слоге (— — —): «Назови мне такую обитель...» (Н. А. Некрасов. «Размышления у парадного подъезда»).

Ана́фора (*гр.* anaphora — возвращение, единоначатие) — повторение определённого слова или каких-либо отдельных звуков в начале нескольких строф или стихов.

Анекдо́т (*гр.* anecdotos — неизданный) — краткий устный рассказ с остроумной концовкой.

Анти́теза (*гр.* antithesis — противоположение) — противопоставление образов, картин, слов, понятий. Пример антитезы — стихотворение М. Ю. Лермонтова «Парус», построенное на противопоставлении паруса и моря, бури и покоя и пр.

Балла́да (*прованс.* ballar — плясать) — стихотворение, в основе которого чаще всего лежит историческое событие, предание с острым, напряжённым сюжетом. Реальное в балладе нередко сочетается с фантастическим (например, «Воздушный корабль» М. Ю. Лермонтова).

Ба́сня — краткий нравоучительный стихотворный или прозаический рассказ, в котором есть аллегория (иносказание). Действующими лицами в басне чаще всего вы-

ступают животные, растения, вещи, в которых проявляются, угадываются человеческие качества и взаимоотношения.

Гекзаметр (с *гр.* hexametron — шесть и мера; *букв.*: шестимерный) — античный стихотворный размер. В русском стихотворении гекзаметром называют размер стиха, в строках которого шесть раз повторяется группа из первого ударного и двух безударных слогов (дактиль): «Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос». Этим размером русские поэты переводили поэмы Гомера.

Классическая схема гекзаметра такова: шесть дактилических стоп с цезурой (обязательной стиховой паузой) после третьей стопы:

´ — — / ´ — — / ´ — — / || ´ — — / ´ — — / ´ — — .

Геро́й литературного произведения, литературный геро́й — один из главных персонажей литературного произведения, главное действующее лицо.

Гипе́рбола (*гр.* hyperbolē — преувеличение) — чрезмерное преувеличение свойств изображаемого предмета: «И растёт ребёнок там не по дням, а по часам». Вводится в ткань произведения для большей выразительности, характерна для фольклора и жанра сатиры (Н. В. Гоголь, М. Е. Салтыков-Щедрин, В. В. Маяковский).

Да́ктиль (*гр.* dactylos — палец) — трёхсложный размер стиха с ударением на первом слоге (´ — —): «Труд этот, Ваня, был страшно громаден...» (Н. А. Некрасов. «Железная дорога»).

Диало́г (*гр.* dialogos — разговор, беседа) — разговор двух или более лиц. Диалог — основная форма раскрытия человеческих характеров в драматургических произведениях (пьесах, киносценариях).

Дра́ма (*греч.* drama — деяние, действие) — один из трёх родов литературы, наряду с эпосом и лирикой. В качестве литературного рода своеобразие драмы, в отличие от лирики и эпоса, заключается в том, что она воспроизводит действия, поступки людей в ходе возникающих между ними конфликтов. Поэтому форма драмы не повествование, как в эпосе, не монолог или задушевное высказывание, как

в лирике, а диалог. Эта форма в принципе почти исключает авторское вмешательство и является наиболее объективной не только в сравнении с лирикой, но и в сравнении с эпосом.

Драма как род литературы разделяется на три главных жанра — трагедию, комедию и драму как жанр.

Жанр (*фр.* genre — род, вид) — вид художественных произведений: басня, повесть, рассказ и др.

Иде́я (*гр.* idea — идея) — основная мысль художественного произведения.

Инве́рсия (*лат.* inversio — перестановка) — необычный порядок слов, благодаря которому автор достигает особой выразительности речи: «Эк, какую кучу снега напустил в очи сатана!» (Н. В. Гоголь. «Ночь перед Рождеством»).

Интонáция (*лат.* intonare — громко произношу) — основное выразительное средство звучащей речи, позволяющее передать отношение говорящего к предмету речи и собеседнику.

Ирòния (*гр.* eironeia — притворство, насмешка) — выражение насмешки. Употребление слова, под которым подразумевается противоположное значение: «Он даёт знать, что само появление такого ученика — редчайший праздник для нашего класса и лично для него...»

Киносценáрий (*итал.* scenario, *лат.* scaena — сцена) — литературно-драматическое произведение, по которому ставится кинофильм. В киносценарии есть авторские описания, диалоги и монологи героев, авторский текст, звучащий за кадром, и иногда — пояснительные надписи.

Коме́дия (*гр.* komodia; от komos — праздник в честь Диониса и ode — песня) — драматическое произведение, средствами сатиры и юмора высмеивающее пороки общества и человека.

Компози́ция (*лат.* compositio — составление, соединение) — построение произведения.

Конфли́кт (*лат.* conflictus — столкнувшийся) — острое столкновение противоположных мнений, мировоззрений и позиций действующих лиц в художественном произведе-

нии. Конфликт является основой художественной формы произведения, ядром развивающегося сюжета. Например, ссора Троекурова и Дубровского разрослась в общественно значимый конфликт.

Легéнда (*лат. legenda* — *букв.:* то, что следует прочесть) — произведение, созданное народной фантазией, в котором сочетается реальное и фантастическое.

Лéтопись — памятник исторической прозы Древней Руси, один из основных жанров древнерусской литературы.

Ли́рика (*с гр. букв.:* произносимый под звуки лиры; музыкальный; волнующий) — лирические произведения, передающие эмоциональное состояние человека, его личные чувства, мысли, воплощающие наиболее глубокие личные, задушевные переживания поэта. Лирику последних веков иногда условно разделяют на философскую, гражданскую, пейзажную и любовную. К лирическим произведениям относятся стихотворение, романс, послание, элегия и др.

Мета́фора (*гр. metaphora* — перенос) — слово или выражение, употреблённое в переносном смысле, вместо другого слова, потому что между обозначаемыми предметами есть сходство. «Тенькает синица меж лесных кудрей» — кудрями названа листва, потому что она похожа на кудри человека. Такой перенос значения делает нашу речь образной, художественной. В нашей речи много метафор: шляпка гриба, ручка двери, узел связи. Такие метафоры употребляются в быту.

Метони́мия (*гр. metonymia* — переименование) — слово или выражение, употреблённое вместо другого, название предмета другим именем, потому что между обозначаемыми ими предметами есть связь (не сходство): «Серые шлемы / с красной звездой» — так называет В. Маяковский красногвардейцев. В нашей речи много метонимий: съел целую тарелку, устал с дороги, читал Пушкина.

Миф (*гр. mythos* — слово, предание, сказание) — повествовательное сказание, передающее представления древних народов о происхождении мира, о явлениях природы, о богах и легендарных героях. Мифологические образы во-

шли в сокровищницу мировой культуры и активно используются в литературе и искусстве до нашего времени. Миф относится к эпическому роду.

Моноло́г (*гр.* monos — один и logos — речь, слово) — речь одного человека в произведении. Монолог преобладает в лирических произведениях, употребляется в эпических — когда герой говорит сам с собой. В драматическом произведении это обстоятельное высказывание героя.

Новёлла — малый прозаический жанр (разновидность рассказа). Новелла отличается строгостью композиции, остротой сюжета, отсутствием описательности.

Олицетворéние — перенесение человеческих черт на неодушевлённые предметы и явления (например, в стихотворении Тютчева: «Зима недаром злится...», «Весна в окно стучится...»).

Описáние — вид повествования, в котором изображается что-либо (портрет героя, пейзаж, вид комнаты — интерьер и пр.).

Пейза́ж (*фр.* paysage, от pays — местность) — картина природы в художественном произведении.

Повествова́ние — рассказ о событиях, фактах, действиях, поступках героя.

По́ведь — один из видов эпического произведения. Повесть больше по объёму и по охвату жизненных явлений, чем рассказ, и меньше, чем роман.

Погово́рка — меткое, яркое народное выражение, часть суждения, без вывода, без заключения: «лёгок на помине», «бить баклуши».

Портре́т (*фр.* portrait — изображение) — изображение внешности героя (его лица, фигуры, одежды) в произведении.

Посло́вица — краткое мудрое изречение, содержащее законченную мысль: «Век живи, век учись», «Без друга на сердце вьюга».

Поэ́зия (*гр.* poiesis, poieo — делаю, творю) — 1) стихотворные произведения. Это могут быть произведения лирические («Узник» А. С. Пушкина), эпические («Сказка

о мёртвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина) и драматические (пьесы в стихах); 2) поэтичность: прекрасное, глубоко действующее на чувство.

Поэма (*гр.* ποιῆμα — творение) — один из видов лиро-эпических произведений: в поэме есть сюжет, события (что характерно для эпического произведения) и открытое выражение автором своих чувств (как в лирике).

Прóза (*лат.* prosa (*oratio*) — свободная речь; *букв.:* идущий прямо вперёд) — литературное нестихотворное произведение.

Проза́йческая речь — речь, свободно движущаяся от предложения к предложению, нестихотворная. Но, как и стихотворная, это тоже художественная речь, в ней есть свой ритм и другие средства художественной выразительности.

Прототи́п (от *гр.* protótypon — прообраз) — реальное, действительно существующее или существовавшее лицо, внешний и внутренний облик которого послужили для создания вымышленного литературного образа.

Псевдо́ним (*гр.* pseudonimos, от *pseudos* — вымысел, ложь и *онома* — имя) — вымышленное имя, под которым автор публикует свои произведения. Антоша Чехонте — один из псевдонимов Чехова.

Расска́з — небольшое эпическое произведение, повествующее об одном или нескольких событиях в жизни человека.

Расска́зчик — лицо, ведущее рассказ от первого лица (говорящее о себе «я»); рассказчиком может быть как главный, так и второстепенный герой произведения. В некоторых произведениях несколько рассказчиков. Например, в повести Гоголя «Ночь перед Рождеством» рассказ ведёт Рудый Панько, но в повествование включаются и другие рассказчики. Пушкин в «Повестях Белкина» препоручил повествование Ивану Петровичу Белкину.

Ритм (*гр.* rhythmos — такт, соразмерность) — повторение каких-либо однозначных явлений через равные промежутки времени (например, чередование ударных и безударных слогов в стихе).

Ри́фма (*гр.* rhythmos — соразмерность) — созвучие концовок стихотворных строк, композиционно-звуковой повтор. Рифмы бывают точные и неточные, богатые и бедные,

составные (рифмующиеся окончания состоят из нескольких слов): «Область рифм — моя *стихия*, / И легко пишу *стихи* я, / Без раздумья, без *отсрочки* / Я бегу к строке *от строчки*, / Даже к финским *скалам бурым* / Обращаюсь с *каламбуром*» (Д. Минаев).

Роды литературы — в древности сложились не только основные представления о художественной литературе как искусстве слова, но и её роды — эпос, лирика, драма.

Роман (*фр.* roman — романский, романский язык; первоначально — повествование на романском языке) — большое повествовательное произведение, обычно отличающееся многообразием действующих лиц и разветвлённостью сюжета.

Сати́ра (*лат.* satira — *букв.:* смесь, всякая всячина) — высмеивание, разоблачение отрицательных сторон жизни путём изображения их в нелепом, преувеличенном, карикатурном виде. Высмеивая зло, писатель-сатирик утверждает добро.

Символ (*гр.* symbolon — условный знак) — предмет, действие или слово, служащее условным обозначением какого-либо явления. Например, хлеб-соль — символ гостеприимства.

Сказ — жанр эпоса, часто опирающийся на народные предания и легенды. Повествование ведётся от лица рассказчика, человека с особым характером и складом речи.

Ска́зка — произведение устного народного творчества, повествование, основанное на вымысле. Различают сказки о животных, волшебные и бытовые. Кроме народных, есть сказки литературные, созданные писателями.

Сравне́ние — изображение одного явления с помощью сопоставления его с другим, обладающим сходным признаком; второе явление художественно усиливает первое. Например, у Пушкина: «Год прошёл, как сон пустой»; «Анчар, как грозный часовой, / Стоит — один во всей вселенной».

Стих (*гр.* stíchos — ряд, строка) — стихотворная строка, наименьшая единица деления стихотворных произведений. Слово «стихи» часто употребляется в значении «стихотворения».

Стихотворе́ние — написанное стихами произведение, часто лирическое, выражающее душевные переживания.

Стопа́ — группа слогов с одним постоянным ударением, повторение которой образует размер стиха.

Строфа́ (*гр.* strophē — поворот) — группа стихов (строк), объединённых общей мыслью и составляющих единство. Стихи в строфе связаны благодаря расположению рифм.

Сюже́т (*фр.* sujet — предмет, содержание) — ряд событий, описанных в художественном произведении.

Тема́ (*гр.* thema) — круг жизненных явлений, изображённых в произведении; то, о чём говорится в произведении.

Устное народное творчество, или **фольклор** (*англ.* folk — народ, lore — мудрость) — искусство устного слова, создаваемое народом и бытующее в широких массах. Наиболее распространённые виды фольклора — пословица, поговорка, загадка, сказка, песня, былина.

Фа́була (*лат.* fabula — басня, рассказ) — изображение событий в художественном произведении в их хронологической последовательности.

Фанта́стика (*гр.* phantastikē — способность воображать) — разновидность художественной литературы, в которой авторский вымысел простирается до создания неправдоподобного, нереального, «чудесного» мира.

Хоре́й (*гр.* choreios, от choros — хор) — двусложный размер стиха с ударением на первом слоге (— ' —): «Буря мглою небо кроет...» (А. С. Пушкин. «Зимний вечер»).

Худо́жественная литерату́ра — один из видов искусства — искусство слова. Слово в художественной литературе — средство создания образа, оно служит для изображения явления, выражения чувства и мысли. Другие виды искусства — живопись, музыка, скульптура, кино и др.

Эпи́граф (*гр.* epigraphē — надпись) — короткий текст, помещаемый автором перед текстом сочинения и выражающий тему, идею, настроение произведения.

Эпизод (*гр.* epeisodion — случай) — отрывок художественного произведения, обладающий относительной законченностью.

Эпитет (*гр.* epitheton — букв.: приложение) — образное определение предмета, выраженное преимущественно прилагательным. В народной поэзии, в старинных эпических поэмах широко употребляются *постоянные эпитеты*: поле чистое, море синее, солнце красное; *розоперстая* Эос, *хитроумный* Одиссей.

Эпос как литературный род. Под эпосом понимается литературно-художественное произведение объективно-повествовательного характера, в значительной мере исключаящее непосредственное выражение авторских чувств. Таковы гомеровские поэмы «Одиссея» и «Илиада», древние сказания, ирландский эпос (саги), германский — «Песнь о Нибелунгах», скандинавский — «Эдда», французский — «Песнь о Роланде» и пр.

В русской литературе к эпическим произведениям, помимо былин, принадлежат «Слово о полку Игореве», «Задонщина», *исторические песни*, воинская повесть, *сказки, легенды* и пр. В современном языке слово «эпос» употребляется в широком смысле: к нему относят произведения индивидуального творчества, такие как роман, повесть, сказка, рассказ.

Юмор (*англ.* humour — нрав, настроение) — изображение героев в смешном виде. Юмор — смех весёлый и доброжелательный.

Ямб (*гр.* iambus) — двусложный размер стиха с ударением на втором слоге (— —): «Мороз и солнце; день чудесный!..» (А. С. Пушкин. «Зимнее утро»).

Содержание

Литература второй половины XIX века (продолжение)

Л. Н. Толстой	3
«Детство». (Главы из повести)	5
А. П. Чехов	22
А. П. Чехов в воспоминаниях современников	24
«Толстый и тонкий»	26
«Хамелеон»	29
«Смерть чиновника»	34
А. И. Куприн	39
«Чудесный доктор»	40

Литература XX века

Стихотворения отечественных поэтов начала XX века	52
С. А. Есенин	—
«Гой ты, Русь, моя родная...»	53
«Я покинул родимый дом...»	54
«Низкий дом с голубыми ставнями...»	55
В. В. Маяковский	59
«Хорошее отношение к лошадям»	60
Стихотворения отечественных поэтов второй половины XX века	64
Д. С. Самойлов	—
«Сороковые»	65
«Выезд»	67
Е. А. Евтушенко	70
«Хотят ли русские войны?..»	71
«Русская природа»	72

Проза отечественных писателей конца XX — начала XXI века, в том числе о Великой Отечественной войне	74
Б. Л. В а с и л ь е в	—
«Экспонат № ...». (В сокращении)	75
Б. П. Е к и м о в	95
«Ночь исцеления»	96
В. Г. Р а с п у т и н	104
Уроки доброты	—
Из истории создания рассказа «Уроки французского»	105
«Уроки французского»	106
Произведения отечественных писателей на тему взросления	139
Ю. П. К а з а к о в	—
«Тихое утро»	140
В. М. Ш у к ш и н	154
«Критики»	155
Произведения современных отечественных писателей-фантастов	165
А. В. Ж в а л е в с к и й, Е. Б. П а с т е р н а к	—
«Время всегда хорошее». (Отрывок из повести) .	166
В. В. Л е д е р м а н	180
«Календарь ма(й)я». (Фрагменты из повести) ...	—
Литература народов Российской Федерации	
Г. Т у к а й	211
«Родная деревня». Перевод В. Тушиновой	212
«Книга». Перевод М. Петровых	213
К. К у л и е в	214
«Когда на меня навалилась беда...» Перевод Н. Гребнева	215
«Каким бы малым ни был мой народ...» Перевод Н. Гребнева	—

Зарубежная литература

Д. Д е ф о	217
«Робинзон Крузо». Глава шестая. (Отрывок из романа.) Перевод М. Шишмарёвой	218
Дж. С в и ф т	231
«Путешествия в некоторые отдалённые страны света Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей». (Главы из романа. В сокращении.) Перевод А. Франковского	233
Произведения зарубежных писателей на тему	
взросления	243
Ж. В е р н	—
«Дети капитана Гранта». Глава XIX. (Отрывок из романа.) Перевод А. Бекетовой	245
Н. Х. Л и	256
«Убить пересмешника». Глава 15 (Отрывок из романа.) Перевод Н. Галь и Р. Облонской	257
Произведения современных зарубежных	
писателей-фантастов	268
Дж. Р о д а р и	—
«Сиренида». Перевод И. Константиновой	269
Р. Д. Б р э д б е р и	274
Радость писать	275
«Каникулы». Перевод Л. Жданова	278

Справочный раздел

Литературные места России	287
С. А. Есенин. Село Константиново	—
В. М. Шукшин. Село Сrostки	289
Краткий словарь литературоведческих терминов	291

Список заимствованных иллюстраций

1. *Бритвин В.* «Толстый и тонкий»; «Хамелеон» // Чехов А. П. Лошадиная фамилия. — М.: Детская литература, 2002. — С. 22—23, 28—29. 2. *Гальдяев В.* «Уроки французского» // Распутин В. Г. Уроки французского. — М.: Советская Россия, 1981. — С. 38—39. 3. *Ильинский И.* «Робинзон Крузо» // Дефо Д. Робинзон Крузо; Диккенс Ч. Приключения Оливера Твиста: Романы / Пер. с англ. — М.: Детская литература, 1980. — (Библиотека мировой литературы для детей). — С. 65. 4. *Кашеев К.* «Детство». Карл Иванович // Л. Н. Толстой в портретах, иллюстрациях, документах. — М.: Учпедгиз, 1956. — (Библиотека мировой литературы для детей. — Т. 41). — С. 48. 5. *Келин П.* Портрет В. В. Маяковского / Государственный музей Владимира Маяковского, Москва // В. В. Маяковский в портретах, иллюстрациях, документах: пособие для учителей средней школы / Ненарокомов С. А. — М.: Учпедгиз, 1956. — Авантитул. 6. *Клементьева К.* «Детство». Матап // Толстой Л. Н. Собрание сочинений. В 20 т. Т. 1. Детство. Отрочество. Юность. — М.: Гослитиздат, 1960. — С. 48. 7. *Лаптев А.* «Смерть чиновника» // Чехов А. П. Рассказы. — М.: Детская литература, 1968. — С. 14. 8. *Луганский П.* «Дети капитана Гранта» // Верн Ж. Дети капитана Гранта; Вокруг света в восемьдесят дней / Пер. с фр. — М.: Детская литература, 1979. — Фронтиспис, с. 150. 9. *Тышлер А.* «Хорошее отношение к лошадям» // Маяковский В. В. Избранные сочинения. В. 2 т. Т. 1. — М.: Художественная литература, 1982. — С. 96. 10. *Харкевич И.* «Чудесный доктор» // Куприн А. И. Повести и рассказы. — Л.: Детгиз, 1962. — С. 127.

При подготовке данного издания использованы

— *иллюстративные материалы фотобанков*: 1. Портрет А. П. Чехова с автографом / © Николай Голицынский / Фотобанк Лори (обложка, титул). 2. Фотография А. И. Куприна / © Archive PL / Alamy Stock Photo / Легион-Медиа (обложка, титул, с. 39). 3. Фотография В. М. Шукшина / © РИА Новости (обложка, титул, с. 154). 4. Фотография В. Г. Распутина / © Free Wind / Фотобанк Лори (обложка, титул, с. 104). 5. Музей «Лавка Чеховых». Город Таганрог / © Тихонов Алексей Владимирович / Фотобанк Лори (с. 23). 6. Портрет С. А. Есенина / © РИА Новости (с. 52). 7. Фотография Д. С. Самойлова / © Alexandr Knyazev / Picvario (с. 64). 8. Фотография Е. А. Евтушенко / © Анатолий Гаранин / РИА Новости (с. 70). 9. Фотография Б. Л. Васильева / © Дмитрий Коробейников / РИА Новости / Фотобанк Россия сегодня (с. 74). 10. Фотография Б. П. Екимова / © Кирилл Тулин / Коммерсантъ / Fotodom (с. 95). 11. Фотография Ю. П. Казакова / © А. Лесс / РИА Новости (с. 139). 12. Портрет Г. Тукая / © Matteo Omied / Легион-Медиа (с. 211). 13. Фотография К. Кулиева / © Чернов / Фотобанк Россия сегодня (с. 214). 14. *Ильинский И.* «Робинзон Крузо» / © CCI / Bridgeman Images / Fotodom (с. 227). 15. Портрет Дж. Свифта / © Georgios Kollidas / Shutterstock (с. 231). 16. *Ликс Ф. Т.* «Путешествия Гулливера» / © Archives Charmet / Bridgeman Images / Fotodom (с. 235). 17. Портрет Ж. Верна / © Victoria Demidova / Фотобанк Лори (с. 243). 18. Фотография Н. Х. Ли / © ZUMA Press / Легион-Медиа (с. 256). 19. Фотография Дж. Родари / © Галина Кмит / РИА Новости (с. 268). 20. Фотография Р. Д. Брэдбери / © Pixplanete / Globe Photos / ZUMA Press / Легион-Медиа (с. 274). 21. Дом родителей С. А. Есенина в селе Константинове / © Shevchenko Andrey / Shutterstock (с. 287). 22. Памятник С. А. Есенину в Рязани. Скульптор А. Кибальников / © Sofia Voronkova / Shutterstock (с. 288). 23. Дом-музей В. М. Шукшина в селе Сrostки / © Free Wind / Фотобанк Лори (с. 289). 24. Памятник В. М. Шукшину на горе Пикет у села Сrostки. Скульптор В. Клыков / © moritorus / Shutterstock (с. 290).

— *материалы музеев*: 1. *Вестфален А.* «Детство». Наталья Савишна. 1916 г. / Государственный музей Л. Н. Толстого, Москва (с. 17). 2. *Браз О.* Портрет А. П. Чехова. 1898 г. / Государственная Третьяковская галерея, Москва (с. 22). 3. *Вандергюхт М.* Портрет Д. Дефо. 1706 г. / Национальная портретная галерея, Лондон (с. 217). 4. *Ге Н.* Портрет Л. Н. Толстого. 1884 г. / Государственная Третьяковская галерея, Москва (с. 3).

— *работы художников*: 1. *Пчелко И.* «Уроки французского» (с. 131). 2. *Мелентьева А.* Портрет В. В. Ледерман (с. 180). 3. *Мелентьева А.* «Критики» (с. 159). 4. Попович О. «Сиренида» (с. 270).

Учебное издание

**Полухина Валентина Павловна, Коровина Вера Яновна,
Журавлев Виктор Петрович, Коровин Валентин Иванович**

ЛИТЕРАТУРА

6 класс

Учебник

В двух частях

Часть 2

Центр литературы

Ответственный за выпуск *Е. Н. Бармина*

Редакторы *Е. И. Правоторова, Е. Н. Бармина*

Художественный редактор *Е. В. Дьячкова*

Техническое редактирование и компьютерная вёрстка *В. В. Ивлиевой*

Корректор *О. Н. Леонова*

Подписано в печать 03.11.2022. Формат 70×90/16. Гарнитура SchoolBookC.

Усл. печ. л. 22,17. Уч.-изд. л. 14,28.

Тираж

экз. Заказ №

Акционерное общество «Издательство «Просвещение». Российская Федерация,
127473, г. Москва, ул. Краснопролетарская, д. 16, стр. 3, этаж 4, помещение I.

Адрес электронной почты «Горячей линии» — vopros@prosv.ru.